

ПИОНЕР

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО КОМСОМОЛУ

ОТВЕТ ДЕЛЕГАТОВ IV ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ПИОНЕРОВ НА ОБРАЩЕНИЕ XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ КО ВСЕМ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Наш старший вожатый, родной комсомол! У тебя мы учимся преданности Родине, Коммунистической партии. На твои ряды держим равнение.

Когда партия обращается к комсомолу с боевым заданием, он всегда отвечает: «Есть!»

Когда комсомол обращается к нам, пионерам, мы отвечаем: «Всегда готовы!»

Комсомол призвал нас к новым делам навстречу 50-летию пионерской организации. И мы готовы дружно выйти на Всесоюзный Марш пионерских отрядов. Все намеченные маршруты ведут к одной цели—выполнить наказ XVI съезда комсомола пионерам:

учиться на совесть, овладевать знаниями, помогать товарищам в учебе,

трудиться на благо Родины, беречь народное богатство, свято беречь славные традиции советского народа, нашей пионерской организации,

готовиться стать защитниками Родины,

крепить братскую дружбу пионеров союзных республик и солидарность с детьми трудящихся всего мира.

Мы расскажем нашим товарищам про эти незабываемые дни. Про встречи с ветеранами партии и пионерскую линейку у легендарного Зимнего. Про строгую тишину Пискаревского кладбища и митинг солидарности у «Цветка жизни». Про великий город Ленина. Мы благодарим ленинградцев—они так тепло нас приняли, так много хорошего сделали для нас!

На слете мы еще раз почувствовали, как заботится о нас Родина, Коммунистическая партия, Ленинский комсомол.

Теперь дело за нами—действовать! Обсудим в отрядах и дружинах комсомольский наказ! Решим, как лучше пройти по намеченным маршрутам!

На марше еще теснее сплотятся наши ряды. Все, к чему призывают нас партия и комсомол, мы постараемся выполнить.

К борьбе за дело Коммунистической партии всегда готовы!

Делегаты IV Всесоюзного слета пионеров, г. Ленинград

Кончился пионерский слет, и наш журнал печатает важное обращение участников слета ко всем пионерам и ко всем ребятам, нашим читателям. Всех вас ждут новые и серьезные дела!

Новый учебный год наступит с последним днем этого месяца. Прощайте, летние лагеря, леса, реки, костры и походы с ночевкой. До будущего года! И привет, школа! С тетрадками, картами, со звонками и переменами. А перемены-то большие. Кто был в четвертом — будет в пятом, а кто в пятом учился — будет в шестом. И все учебники новые, и новые предметы, и учителя.

Полон разнообразных новостей и этот новый номер нашего старого журнала. Вот смотрите сами.

В повести эстонского писателя Э. Рауда «Огонь в затемненном городе» ребята выслеживают фашистского провокатора. Сделать это было рискованно и трудно, но — читайте! — они победили!

Печатаем главы и еще из одной повести. Ее автор Е. Велтистов, она называется «Рэсси — неуловимый друг». Кроме лохматого, проворного и симпатичного Рэсси, действует в ней мальчик Электроник.

Еще новость, и какая любопытная! Научный телеграф пе-

редает о строительстве движущихся тротуаров, о таком фантазировал еще Жюль Верн.

Радиостанция «Здравствуй!» сообщает... Что? Что со всех сторон поступают сведения от ребят: лето везде и всюду было **ЗДОРОВЫМ, ПОЛЕЗНЫМ, ВЕСЕЛЫМ И ОЧ. ИНТЕРЕСНЫМ**, но **ОЧ. КОРОТКИМ**. **ПРОДЛИТЬ БЫ ЕГО ХОТЬ НА МЕСЯЦ ЕЩЕ! ВЕРНО?** Но это мечты, а осень есть осень, и хитроумная **Калинка** рекомендует заняться компотами и маринадами. Говорит, самое время!

В театре «ФОНАРИК» открытие сезона и новая пьеса про знаменитую девочку из Швеции — **Пеппи Длинныйчулок**. Очень смешно и здорово выдуманно.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда»
Москва 1970 г.

Сказка, и какая сказка! С пиратами, с кораблем под черными парусами, с поисками клада и драками. С хриплым попугаем, с волшебным замком и волшебным словом — **СВОБОДА**. И это еще не все. Но — читайте. Читайте же!

ОГОНЬ В ЗАТЕМНЕННОМ ГОРОДЕ

Эно РАУД

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Странный господин

Однажды воскресным утром к нам пришел странный гость.

Случилось так, что на звонок дверь открыл я. За дверью стоял невысокий, хорошо одетый господин. Он приподнял свою велосипедную шляпу и сказал:

— Велиранд.

Я совершенно не понял, что он имел в виду, и ответил:

— Это квартира Пихлат.

— Очень приятно,— сказал странный господин и бочком протиснулся в дверь.

— Кто вам нужен? — спросил я.

— Так, так,— сказал он и стал снимать пальто.— На улице накрапывает. Хе-хе-е. Это был действительно странный тип.

К счастью, в переднюю вышла моя мама. Чуждой незнакомец обернулся к маме, произнес и снова произнес:

— Велиранд.

Только теперь я догадался, что Велиранд — фамилия этого типа.

— Вы хотели повидать меня? — спросила мама.

— Да, да,— сказал он.— Ведь вы, кажется, если я не ошибаюсь, госпожа Пихлат?

— Да,— сказала мама.— Моя фамилия действительно Пихлат. Входите, пожалуйста.

Господин Велиранд прошел в комнату и уселся на диване. Я мог бы теперь уйти в панипину комнату, но я не хотел оставлять маму вдвоем с этим странным типом.

— Видите ли,— заговорил господин Велиранд.— У меня к вам просьба. Большая, огромная просьба. Я думаю, вы не откажете, госпожа Пихлат. У вас добрая душа, и вы не откажете. В нынешние времена, тяжелые времена, мы, маленький народ, должны держаться вместе. Верно, госпожа Пихлат?

Я видел, что мама немного нервничает и гость не очень-то ей нравится. Мне тоже не нравился этот визит.

— Видите ли,— продолжал господин Велиранд.— Я очень интересуюсь садоводством. Именно в нынешнее время, когда происходят такие ужасные вещи, меня особенно интересует садоводство. В возникновении растений есть нечто божественное. Обрабатываешь сад и забываешь все остальное. Забываешь даже войну и политику. Сам превращаешься словно бы в частицу великой природы. Еще Вольтер сказал: «Каждый должен возделывать свой сад». И что главное: садоводство — чистая работа. Да-да. Правда, руки пачкаются в земле, но сердце остается чистым.

— Я все-таки не понимаю, чем я могу вам помочь,— сказала мама.

— Ах, да! Видите ли, я слышал, что у вас большая библиотека по садоводству и...

— От кого вы это слышали? — встала мама.

— О-о, в нашем городке об этом знает каждый! Каждый, кто хоть немного интересуется садоводством. Ведь вы у нас так сказать, человек известный. Садовница, которая не только возделывает, но и создает. Именно создает и преобразует природу. Изучает природу и проникает в ее тайны. Он еще долго трепался так, но в конце концов все-таки приступил к делу:

— Я был бы вам страшно благодарен, если бы смог взять у вас на время некоторые книги по садоводству.— Он улыбнулся, извиняясь.— Только не особенно научные. Сначала я прочел бы что-нибудь подходящее для начинающего.

Я видел, что мама сомневается.

— Вообще-то я не даю книги,— сказала мама неуверенно.— Но если это для вас так важно...

— Поверьте, госпожа Пихлат, это действительно для меня уж-жасно важно,— сказал Велиранд.— Я был бы вам очень благодарен.

Мама подошла к книжным полкам. Велиранд тотчас же последовал за нею.

— Книги по садоводству все здесь.— Мама показала на две средние полки.— Но я ведь не знаю, что вас особенно интересует.

Наш гость рассматривал корешки книг.

— О-о! — воскликнул он.— «Руководство по садоводству и пчеловодству»! Так сказать, энциклопедия вашего дела, верно? Нет-нет! Эту я не возьму. Такую ценную книгу нельзя давать совершенно чужому человеку. Может быть, когда-нибудь потом, когда мы познакомимся поближе.

Его последняя фраза прозвучала для меня довольно неприятно. Да и по маминому лицу я мог понять, что она не особенно заинтересована в углублении этого знакомства.

Наконец Велиранд нашел одну старенькую брошюру, которая и по содержанию и по объему якобы как раз годилась ему для начала. Но и после этого он не отошел от книжной полки, а внимательно продолжал рассматривать корешки книг. И не только в разделе садоводства. Похоже, он интересовался и другими книгами.

— Я вижу, у вас много книг и по педагогике,— сказал он.— Наверно, ваш супруг работает педагогом.

— Он по профессии учитель.

— Так-так. Да-да. Учителям в нынешнее время нелегко. Совсем нелегко. Он в начальной школе или в гимназии?

— Его нет. Мобилизован.

— Ах так,— сказал господин Велиранд и сразу сделался очень серьезным.— Да-да. Многие наши лучшие люди сейчас там. На Востоке. И пройдет время, сколько бы ни потребовалось, но однажды оттуда придет гроза, которая очистит спертый воздух.

Прежде чем уйти, Велиранд вырвал из записной книжки листочек и написал на нем номер своего телефона: 22-34.

— Если эта брошюра вам понадобится, непременно сразу же звоните. Я возвращу без промедления.

— Эта брошюра мне не понадобится,— сказала мама.

— Ну, я надеюсь, вы мне доверяете. Она не пропадет. Ни в коем случае. Значит, я могу зайти к вам еще, когда проработаю брошюру?

— Пожалуйста,— сказала мама, но лицо ее выражало совсем обратное.

— Тысячу раз спасибо. Не знаю, как смогу вас отблагодарить.

Я пошел проводить его в прихожую. Надев свою велюровую шляпу, он почему-то счел

необходимым похлопать меня по плечу и сказать:

— Выше голову, молодой человек! Все кончится хорошо.

Затем дверь за ним захлопнулась.

— Подозреваю, что он не совсем нормальный,— сказала мама, когда я вернулся в комнату.

Но у меня было совсем другое подозрение. И я заторопился к Олеву поделиться своими соображениями.

Мне повезло: я застал своего друга дома в последнюю минуту — он как раз собирался уходить, но сразу же отказался от своего намерения, стоило ему только посмотреть на меня.

— Ты хочешь что-то сказать, верно?

— Кое-что.

И я рассказал Олеву о посещении нашей квартиры господином Велирандом. Описал ему все как можно точнее. Олев слушал меня очень внимательно и временами просил повторить некоторые детали.

— Мама думает, что у него не все дома,— закончил я свой доклад.

— Это весьма похоже на правду,— сказал Олев.— Но что-то здесь все-таки не сходится.

— Вот и мне так кажется.

— Странное впечатление оставляет его нарек на грозу с Востока. Во всяком случае, говорить так незнакомым людям опасно. Обращает на себя внимание и то, что он проявил интерес к тебе.

— Мне это тоже бросилось в глаза.

— Очень странный визит. Почему какой-то чокнутый господин приперся к вам именно тогда, когда по городу начали рыскать немецкие шпики? Почему никогда раньше он не чувствовал интереса к садоводству?

У Олева возникли точно такие же мысли, как и у меня. Поначалу мы все же только строили предположения, кто такой этот господин Велиранд. Мы не знали о нем ничегошеньки.

— Знаешь что,— сказал вдруг Олев.— Я возьму у соседей телефонную книгу.— Посмотрим-ка, где этот тип живет.

Вскоре мы с жаром принялись изучать телефонную книгу, но тут нас постигло первое разочарование: фамилии Велиранд в книге не значилось. Мы изумились. Был Вельдеман и Вельмре, а Велиранда просто не существовало.

— Он ведь написал свой номер! — сказал я удивленно.— Двадцать два, тридцать четыре.

Мы растерянно молчали, наконец Олев нашел выход:

— Телефонная книга не такая уж толстая. Давай поищем, чей это номер.

Мы начали с первой страницы. На букву «А» такого номера не оказалось. На «Б» тоже. На «С»¹ в телефонной книге вообще

¹ «С» — третья буква эстонского алфавита.

не было фамилий. Сразу после «Б» шла буква Д. И тут мы нашли этот номер: Драбкин Даниель, Солнечный бульвар, 7, кв. 2...

Мы уставились друг на друга. Что бы это могло значить?

Даниель Драбкин был нашим учителем математики. «Драбс», как прозвали его школьники.

Вывод был, конечно, простой: наш учитель убежал от немцев, а Велиранд получил его квартиру.

Возник вопрос: где же был Велиранд раньше?

И еще один вопрос, более существенный: почему новые власти дали Велиранду квартиру, если он человек, который ждет грозы с Востока, из России?

Эти вопросы требовали ответа.

— Мы должны сходить туда, — сказал Олев.

— Куда? — не понял я.

— На Солнечный бульвар, в дом семь.

— Ну да... но... как же?

— Придется что-нибудь придумать.

И мы действительно придумали.

Мы вспомнили, что приближается 10 ноября — Мартов день. По старинному народному обычаю накануне вечером дети ходят ряжеными по домам, и появление ряженных даже у незнакомых людей никого не может удивить.

Ряженые

Моя мама удивилась, когда я объявил ей вечером 9 ноября, что пойду ряженым.

— Что это тебе вдруг в голову взбрело? — спросила она. — В военное время!

— Ну ведь есть же такой обычай! — сказал я. — Олев тоже пойдет.

Маски и одежду мы уже заготовили. Я должен был изображать медведя, а Олев — дрессировщика. По понятной причине требовалось, чтобы именно мне не пришлось говорить. У меня сохранилась медвежья маска, которую я надевал однажды на маскарад в школе. Еще я собирался надеть отцовскую куртку на меху. Когда я вывернул ее наизнанку, получилась мировая шкура. Олев сделал себе маску сам. Он вырезал ее из плотной бумаги для черчения и раскрасил пастелью. Еще он намеревался надеть старое материнское зимнее пальто. Оно было ему до пят, что вполне уместно для дрессировщика медведя. Затем он снял цепочку с вентиляционной решетки, потому что опасного хищника нельзя вести просто на веревке.

— К кому же вы хотите пойти? — спросила моя мама.

— К чужим-то мы, конечно, не пойдем, —

Я превратился в медведя, а Олев — в дрессировщика.

ответил я неопределенно: нельзя же было выдавать нашу тайну.

Мы вовсе не собирались совершить обычный обход домов, как это всегда делают ряженые. Нет, для нас это была операция, которую мы назвали «Вторжение в крепость противника». Естественно, моя мама не должна была пока ничего знать об этом.

Когда стемнело, Олев зашел за мной, и мы пустились в путь. На улице мы маски сразу не надели: боялись без необходимости привлечь к себе внимание. Только в начале Солнечного бульвара мы окончательно подготовили себя к операции: я превратился в медведя, а Олев — в дрессировщика. Цепочку Олев прикрепил к пуговице моего полу-пальто.

Хотя улица была совсем темной, мы быстро нашли дом номер семь. В парадном Олев зажег спичку. Так. Квартира номер два находилась тут же, на нижнем этаже. Операцию

«Вторжение в крепость противника» можно было начинать.

Я нажал на кнопку звонка — долго и требовательно.

— Раз, два, три,— сосчитал Олев, и мы запели.

Мы даже прорепетировали свои куплеты, и я без хвастовства могу утверждать, что в пустом парадном они звучали достаточно мощно:

Вы впустите-ка ряженных,
мы пришли из дальних стран,
шли — плюх-плюх — через болота,
шли — топ-топ — через равнины,
и у нас замерзли пальцы,
заболели наши ноги.
Вы впустите-ка ряженных,
коль не впустите, не спросим,
сами выломаем дверь...

Дверь выламывать не потребовалось. Нам открыл господин Велиранд собственной персоной.

— Хе-хе,— улыбнулся он.— Ах, какие настойчивые маленькие гости! Входите же, входите! Разве же можно оставлять ряженных за дверью?

Переваливаясь по-медвежьи, я вошел в переднюю; Олев, держа цепочку, следовал за мною.

— Хе-хе,— снова засмеялся господин Велиранд.— Значит, дрессировщик явился к нам прямо с медведем. Ну что ты скажешь! Вот здорово! А у нас тут как раз собралась компания, и маленькое развлечение будет очень кстати.

Что тут собралась компания, это мы уже и сами поняли, потому что на вешалке гроздьями висели пальто. И не только пальто, но и несколько военных немецких шинелей. Нетрудно было догадаться, что у господина Велиранда гости, и не было сомнений в том, кто эти гости.

— Какой сюрприз! Какой сюрприз! — повторял господин Велиранд и попросил нас, «к радости всего общества», пройти в комнату. Он явно приложился к напиткам, и притом основательно.

Мы вошли в гостиную. Я сразу же заметил на длинном столе жирного праздничного гуся. Должен честно признаться, что столь богато накрытого стола я до тех пор в жизни не видел. Даже в мирное время, когда еще в магазинах всего хватало. В бутылках здесь тоже не было недостатка. Когда мы вошли, поднялся веселый гвалт. Кто-то даже зааплодировал. Кто-то выключил радио.

Я испугался, что Олев вдруг спасует: ведь его роль в нашей операции была значительно труднее моей. Мы заранее договорились, что я ни в коем случае не раскрою рта, даже если у меня будут что-нибудь спрашивать. Мы опасались, что вдруг Велиранд узнает меня по голосу.

— Дамы и господа! — начал Олев.

Похоже было, что за него можно не беспокоиться.

— Дамы и господа! — перевел Велиранд на немецкий.

— Разрешите представить вам моего медведя Мишку,— продолжал Олев.

Велиранд принял на себя роль переводчика.

Я топтался по комнате и кивал компании. Это вызвало веселое оживление. Вообще мне показалось, что развеселить подобное общество не так уж трудно, и я понемногу почувствовал себя более уверенно.

— Мой Мишка — мастер на разные штуки,— продолжал рассказывать Олев.— Он, например, умеет ездить на велосипеде, но, поскольку мы забыли велосипед дома, этот номер, к сожалению, не состоится. Итак, нам придется ограничиться только танцами. Хей, Мишка, а ну давай!

Он вынул из кармана губную гармошку и заиграл веселую польку. В своей маске он прорезал специально большое отверстие для рта, чтобы можно было играть на губной гармошке. Я топтался кругами по комнате и иногда совершал довольно нелепые прыжки. Когда я под аплодисменты окончил свой танец, мы оба с Олевым поклонились. Мы могли уже с богом тронуться восвояси, но Олев хорошо вжился в свою роль, поэтому он воскликнул:

— Уважаемые дамы! У вас есть возможность испытать судьбу. У древних эстонцев существовало поверье, что тот, кто погладит медведя, скоро выйдет замуж!

Когда господин Велиранд перевел это, раздался взрыв смеха. Дамочкам перевод и не требовался, все они явно были эстонками. Но смеялись на сей раз больше мужчины, и похоже было, что мужская часть компании состояла преимущественно из немцев.

Женщины не страдали излишней скромностью: одна за другой они встали из-за стола, подошли ко мне и, хихикая, пощипали мех моей «шкур». Я угрожающе рычал.

— Осторожно! — воскликнул Олев.— Он может укусить. Держитесь позади него.

Я сам повернулся спиной к милым дамам и стоял теперь лицом к книжной полке господина Велиранда. Мои глаза быстро заскользили по корешкам книг. Здесь было много немецкой литературы. От волнения я плохо разбирал готический шрифт, но орел с расправленными крыльями и свастика на некоторых томах говорили мне гораздо больше, чем имена авторов и названия книг. Но пару знакомых имен я все-таки разобрал. Геббельс... Альфред Розенберг... Да, не было никакого сомнения в том, что мы действительно вторглись во вражескую крепость. И увидели тут довольно много. Можно было спокойно уходить.

Олев обошел компанию с шапкой, и вскоре она наполнилась конфетами, яблоками... Туда кидали даже деньги. Мы вежливо пок-

лонились, Олев пожелал обществу хорошего настроения.

— Хе-хе, это действительно был веселый сюрприз, — болтал господин Велиранд, провозжая нас к двери. — Всего доброго, маленькие друзья! Желаю вам удачи.

На улице мы сняли маски и глубоко вдохнули свежий воздух.

— Интересно, кто же он все-таки? — задумчиво произнес Олев.

— Он немецкий прихвостень, — ответил я. — Остальное не так уж важно.

Новенький

В середине января Олев заболел. Зима была морозной, и он, очевидно, простудился. Ежедневно после школы я заходил к нему, показывал, что задано, и рассказывал новости.

Учеба шла напряженно. Учебный год был коротким, а программу предстояло пройти всю. И главное, в этот год мы кончали начальную школу.

Однажды во время болезни Олева ко мне на перемене подошел наш новенький. Мы почему-то все еще звали его «Новичком», хотя у него имелись имя и фамилия — Хельдур Трей. Он спросил, можно ли ему пересест ко мне за парту, пока Олев не выздоровеет. До сих пор Хельдур сидел за своей партой один. Конечно, я не был против: вдвоем веселее и легче, хотя бы насчет подсказок.

Честно говоря, до сих пор я как-то не замечал Хельдура. Это было странно. Обычно появление в классе нового ученика — событие. Но на него никто не обращал особенного внимания. Может быть, оттого, что сам он был очень тихим и несловохотливым парнем. Он был дружелюбным, но в то же время держался настороженно. О новенькой девочке уже в первый день все было известно: что она приехала из Таллина, что она играет на рояле, что отец у нее инженер, что у нее есть собака, которая умеет ходить на двух лапах, разумеется, задних. А о Хельдуре мы как-то ничего не знали, кроме того, что его зовут Хельдур Трей. Но даже это казалось лишним: его прозвали просто «Новичок».

Теперь, очутившись с ним за одной партой, я узнал его получше.

Однажды субботним вечером, когда мы вместе шли из школы, я спросил, как он попал в наш город. Казалось, Хельдур несколько минут сомневался, потом сказал:

— А ты никому не расскажешь?

Я с удивлением посмотрел на него.

— Если это тайна, не стоит рассказывать даже мне. Мы ведь слишком мало знакомы.

— Ты меня мало знаешь, — сказал Хельдур.

Я понял, что он имел в виду. В то время, как мы ничего о нем не знали, он успел все-таки изучить нас. Он говорил мало, мало спрашивал, но замечал все, что происходило вокруг, и делал из этого свои выводы.

— Мы с мамой приехали с острова Сааремаа, — вдруг сказал он. — Мой отец был журналистом. Он хотел бежать в Россию, но, кажется, опоздал. В руки к немцам он тоже, видимо, не попал, иначе мою маму не стали бы допрашивать. Но мы действительно не знаем, где он теперь.

— Из-за этих-то допросов вы и бежали из дому? — спросил я.

Хельдур кивнул.

— Думаете, здесь спокойнее?

— Пока что спокойнее. Мы живем у дальних родственников. Вот если бы только мама смогла устроиться на работу...

— Вам, наверно, довольно трудно?

— Да, нелегко. К счастью, нам достали дополнительные карточки, которые дают больным. Денег пока хватает, чтобы выкупать норму продуктов. Вообще это был случай, что нам удалось достать дополнительные карточки. Один мужчина приходил к нам насчет обмена квартиры, совсем чужой человек. Правда, квартирами мы с ним не поменялись, но он теперь стал как бы другом нашей семьи. Мама всегда говорит: «Что бы мы делали без господина Велиранда?» Велиранд — фамилия этого человека. Он и достал нам эти карточки...

Хельдур продолжал говорить. Пожалуй, он никогда не говорил так много сразу.

Но я уже не слушал его.

Велиранд! Опять этот господин Велиранд! К нам он заходил уже четыре раза. Его по-прежнему интересовало садоводство. Но он вообще был человеком с широкими интересами. Он любил поговорить о политике, войне, правах человека. Частенько он сворачивал разговор на моего отца. В последнее посещение он принес полную банку брусничного варенья, но мама отказалась принять такой «подарок». У нас-то господин Велиранд работал впустую, потому что мы видели его насквозь. Но в семье Хельдура дело, казалось, обстоит иначе.

Как мне хотелось сейчас предупредить Хельдура! Что-то словно грызло меня изнутри, когда он радостно говорил о Велиранде. Но я не смел проговориться. Велиранд был тайной. И не мог же я выдать эту тайну малознакомому парнишке! Правда, Хельдур доверял мне: он рассказал мне свой большой секрет. Но Велиранд был общей тайной — Олева и моей.

На следующем углу улицы мы расстались.

— Ты никому не скажешь, да? — спросил он.

— Можешь быть уверен.

— Заходи как-нибудь ко мне. Парковая

улица, четырнадцать, квартира пять, дом во дворе.

У меня было тяжело на сердце. Я даже не заметил, как затрусил полубегом к Олеву. И, едва присев на край постели своего друга, я сказал:

— Знаешь, Велиранд интересуется и другими людьми.

— Куда же он еще ходит?

— К Хельдуру.

— Кто этот Хельдур?

— Новенький, который пришел в наш класс.

— Да, верно. А где его родители?

— Знаешь, он просил, чтобы я об этом никому не говорил.

— Разве с ними что-нибудь случилось?

— Случилось.

— Мы просто дураки.

Я смотрел на Олева с недоумением.

— Мы просто ужасные дураки,— повторил он.

— Я не совсем понимаю, о чем ты.

— Мы должны были бы сразу догадаться, что Велиранд интересуется не только вашей семьей. Это же нелогично. За Велирандом надо было понаблюдать, чтобы точно установить, куда еще он ходит вынюхивать. И тогда следовало бы как-нибудь предупредить этих людей.

— Может быть, еще не поздно,— сказал я. А сам в это время подумал: вдруг мать Хельдура успела открыть Велиранду душу больше, чем надо? Правда, пока особенно бояться нечего. До тех пор, пока отец Хельдура не нашелся, его матери ничего не сделают. Она просто должна служить приманкой. Но, конечно, это было очень слабое утешение.

— Надо дать знать матери Новичка,— считал Олев.

— Может быть, я завтра скажу Хельдуру,— предложил я.

Олев был против.

— Не стоит. Подумай сам. Предположим, ты все ему расскажешь. Он пойдет домой и скажет матери: «Я слышал от одного мальчика из нашего класса, что Велиранд — шпиик». Что сделает его мать? Конечно, ужасно испугается. А потом она спросит: «Кто этот мальчик из вашего класса?» Допустим, Хельдур откажется отвечать. Мать его начнет плакать: она ведь как-никак женщина. Сердце Хельдура смягчится. Затем его мать воскликнет: «Я должна сама поговорить с этим мальчиком из вашего класса!» Нет, поверь мне, может получиться жуткая белиберда.

Я был согласен с Олевым. Дело действительно выглядело слишком серьезным, чтобы действовать абы как.

Но что-то надо же было делать.

После долгих рассуждений мы решили послать матери Хельдура письмо.

Но об этом письме я расскажу уже в следующей главе.

Предупреждение

Было ужасно холодно. Я подумал, что не стоило бы тратить столь крепкий мороз на воскресенье: в будни при такой погоде можно не пойти в школу и устроить по этому случаю праздничек. Уже на полдороге к Олеву я стал тереть нос рукавицей, чтобы не отморозить. А потом я подумал: как теперь там, на войне? В тепло не спрячешься. Сиди в окопе или лежи на поле боя. А вокруг свистят пули.

Немецкая молниеносная война провалилась. Фашисты больше не продвигаются вперед ни на шаг. Сидят на растянувшейся линии фронта и ждут лета. Но до лета еще далеко. Оккупационные газеты призывают о помощи: вяжите для солдат кашне и перчатки, такие перчатки с двумя пальцами, чтобы можно было стрелять! Да, этого они не учитывали, составляя планы молниеносной войны, что придется воевать еще зимой. С Наполеоном было точно так же. Сначала маршировал, как на параде, а потом не хватило разгону. И тогда они повернули назад. Но до дому добрались лишь немногие. Фрицы тоже обязательно повернут назад тем же путем. И еще неизвестно, сколько из них доберется до дому.

Предаваясь таким раздумьям и потирая нос варежкой, я подошел к двери дома Олева.

Олев сам впустил меня. Он уже почти поправился.

— Мать и отец на работе,— сказал он.

Это было очень кстати. Присутствие посторонних при таком важном мероприятии, как составление предупредительного письма, весьма нежелательно.

Мы уселись за стол и стали обсуждать.

— Предупреждение должно быть коротким и быющим точно в цель,— сказал Олев.— За большим количеством слов главная мысль не будет звучать ясно. Нам надо придумать одну-единственную, но зато сильно действующую фразу.

Через полчаса мы записали уже около двадцати вариантов предупредительного письма.

Вот некоторые из них:

«Не доверяйте Иуде Велиранду!»

«На языке Велиранда мед, а в душе — немецкий яд!»

«За смиренной маской Велиранда таится кровожадный хищник!»

«Велиранд — немецкая ищейка».

«Велиранд действует под знаком свастик!»

«Берегитесь сладкоречивого Велиранда, имя его близнеца — Смерть!»

Но вскоре мы поняли, что взяли слишком высокопарный тон. Предупредительное пись-

мо должно быть хотя и коротким, но деловым. И мы решили написать просто так:

«Велиранд — провокатор».

Теперь надо было еще продумать, как написать это письмо. Если следовать требованиям конспирации, нельзя было ни в коем случае писать обыкновенным образом. А вдруг наше письмо попадет в руки самого Велиранда?

— Можно воспользоваться системой четырех рук, — сказал Олев.

— А как? — спросил я.

— В этом случае пользуются печатными буквами, — объяснял Олев. — И делается это так: ты пишешь одну букву правой рукой, следующую — я левой рукой, потом ты левой и в свой черед я правой. Я читал об этом в каком-то детективном романе.

Но мне тоже вспомнился один способ, вычитанный из какого-то детектива.

— Уж лучше вырезать буквы из газеты и наклеить на листок бумаги, — возразил я Олеву.

— Годится, — согласился Олев. — Надо только не оставить на бумаге отпечатков пальцев. Уж если конспирация, то полная.

Естественно, я тоже был за полную конспирацию.

— У моей матери есть резиновые перчатки, — продолжал Олев. — Она надевает их иногда, когда чистит картошку. Резиновые перчатки лучше всего.

Он пошел в кухню и вернулся с резиновыми перчатками.

Я с восхищением надел их. Они были мне в самый раз — настоящие, взавдашные резиновые перчатки. Честно говоря, никогда еще я не видел таких.

— У нас должно быть тут где-то несколько старых газет, — сказал Олев, шаря по комнате.

— Старые не годятся, — сказал я. — На них полно отпечатков пальцев. Я сейчас схожу в резиновых перчатках и куплю новую газету.

— Давай, — согласился Олев. — Пусть будет конспирация до конца. И не забудь купить новый конверт.

Вскоре мне стало ясно, что варежки резиновыми перчатками не заменишь. На морозе пальцы начали сразу страшно мерзнуть. Пришлось пожалеть, что оставил варежки у Олева. Сунуть руки некуда: у моего зимнего пальто не было карманов. Его перешили из старого маминого пальто. Пальцы так закончели, что у киоска мне с большим трудом удалось достать кошелек из-за пазухи.

— Бедный мальчик! — сказала подслеповатая старушка киоскерша, подавая мне «Ээсти сына» и почтовый конверт. — В такой мороз бегаешь с голыми руками. Даже перчаток для детей у нас теперь нет.

И вдруг за моей спиной раздался грубый мужской голос:

— Ваше дело — продавать газеты, а не агитировать!

Даже не взглянув на этого мужчину с грубым голосом, я испуганно заторопился прочь. Этот угрожающий голос вернул меня на землю. Мы с Олевым слишком увлеклись, будто играли в то, что собирались сделать. Разве не игра, что я побежал на улицу в резиновых перчатках? Варежки тоже не оставили бы следов. И вся наша великая конспирация тоже превращалась в игру. А жизнь не игра. И там, где подкарауливает смерть, игра годится меньше всего. Нашему письму предстояло отправиться туда, где караулит смерть, а мы, словно для собственной потехи, придумываем всякие фокусы.

Станным образом за время моего отсутствия у Олева возникли точно такие же мысли.

— Давай быстрее наклеим, — сказал он. — С таким делом не годится слишком долго тянуть. Балуемся тут, словно стенгазету делаем. А ты подумай, что значит наше письмо для Хельдура и его матери!

Вечером, когда уже стемнело, я пошел туда, куда приглашал меня заходить Хельдур. На Парковую улицу, в дом номер четырнадцать во дворе, квартира пятая. Но я не постучал в дверь. Только опустил письмо в ящик.

Слежка

Пожалуй, мы целый час простояли с Олевым на Солнечном бульваре, шагах в двадцати от дома, где жил господин Велиранд.

Всякий, кто проходил мимо нас, должен был думать, что встретились тут случайно два приятеля и обсуждают какие-то ерундовые, каждодневные мальчишеские или школьные дела. И каждый прохожий мог услышать обрывок примерно следующего разговора:

— А ты на завтра уже выучил?

— Более или менее. Только это стихотворение никак не могу запомнить.

— Я вообще не люблю забивать башку стихами. Не знаю вообще, зачем это надо!

— Черт его знает!

— Завтра гимнастика, надо бы не забыть дома тапочки.

— Ты, собственно, куда направлялся?

— К одному приятелю, тут, неподалеку. Но стоило только прохожему удалиться, наш разговор принимал совсем другое направление.

— Может быть, Велиранд сегодня и не выйдет из дома?

— Подождем еще. Хотя бы полчаса.

— Ведь он же дома.

— Точно. Из-за шторы затемнения видна полоска света.

— А что мы будем делать, если он пойдет в нашу сторону?

— Останемся на месте. Он нас не узнает.

Действительно, в затемненном городе вечером не так-то легко узнать кого-нибудь. К тому же небо было в облаках. Только снег белел. Правда, время от времени мимо проезжали машины, но их фары сквозь маскировочные щели недалеко бросали свой синеватый свет.

И тут скрипнула дверь. Это дверь велирандовского парадного. Скрипнула и со стуком захлопнулась.

Мы напряженно прислушались. Шаги. Медленные, спокойные шаги, явно приближающиеся к нам.

На всякий случай я повернулся к приближающемуся человеку спиной, потому что мое лицо могло сказать Велиранду гораздо больше, чем лицо Олева.

— Черт его знает, что такое! — сказал Олев не своим голосом.

— Завтра гимнастика, надо не забыть дома тапочки, — сказал я.

Мы оба старались изменить свои голоса насколько возможно.

— Ты, собственно, куда собирался?

— К одному приятелю, тут, неподалеку.

— Ладно, я провожу тебя: у меня все равно уроки на завтра сделаны.

— А это стихотворение ты выучил?

— Конечно, оно так легко запоминается. Мне вообще нравится заучивать стихи.

Мужчина, который прошел мимо нас, оказался Велирандом. Его рост. Его походка. Только свою велюровую шляпу он сменил на меховую шапку. Он даже не глянул на двух мальчишек. Но если бы он догадался...

Олев посмотрел на часы. Они показывали четверть двенадцатого.

— Начнем, — сказал Олев.

И по пятам за Велирандом последовали две тени.

Мы не видели Велиранда, но мы слышали поскрипывание снега у него под ногами. С Солнечного бульвара он свернул на улицу Звезды, а с улицы Звезды на Еловую аллею. Конечно, под нашими подошвами тоже скрипел снег, мы должны были соблюдать осторожность. На всякий случай мы шли в такт с Велирандом. Вдруг он остановился, и мы тоже сразу остановились, затаив дыхание. Почему он остановился? Заметил, что за ним следят? Нет, наверно, у него просто развязался шнурок, потому что несколько мгновений спустя он продолжил свой путь.

Затем Велиранд свернул на Терновую улицу. Эти повороты вообще доставляли нам наибольшее беспокойство. Если он все-таки что-нибудь заметил, то мог спокойно подкараулить нас за углом и неожиданно схватить. Жутко было даже представить себе та-

кое. Он бы отвел нас в полицию и попросил бы обыскать нас как подозрительных личностей. Что же нашли бы тогда у нас? Только крохотное письмецо, такое же, как то, что я опустил в почтовый ящик к Хельдуру: «Велиранд — провокатор».

Велиранд свернул на Терновую улицу. Что, если он действительно поджидает нас за углом? Но пока мы стояли бы и советовались, как быть дальше, мы могли потерять Велиранда из виду.

— Вперед! — шепнул Олев.

Мы двинулись вперед. Даже немного прибавили шагу. Дошли до угла Терновой улицы. Конечно, никакой Велиранд нас не подкарауливал. Просто наши нервы были слишком напряжены.

Но примерно на расстоянии до следующего от нас телеграфного столба мы увидели голубой лучик специального военного фонарика, которым можно пользоваться и во вре-

Из своего убежища мы видели, как мелькнул синий луч фонарика.

мя затемнения. Луч начал шарить по стене — кто-то явно старался рассмотреть номер дома. Не было сомнений, что это Велиранд. Затем хлопнула дверь. Он вошел в подъезд.

Мы бросились вперед. Да, вот этот дом. Олев осторожно приоткрыл дверь. Но в подъезде была крошечная тьма, мы ничего не видели.

Мы напряженно прислушались. Шаги. Они доносились с лестницы.

Мы беззвучно проскользнули в подъезд.

Шаги остановились. Стук в дверь. Долгая тишина. Повторный стук. Наконец дверь открыли. И вдруг прозвучал неприятно знакомый голос:

— Господина Кярвета случайно нет дома?

— Его нет, — ответил тоненький голосок. — Мы ничего о нем не знаем.

Каждое слово ясно доносилось до нас. По голосу можно было судить, что Велиранд говорит с девочкой примерно нашего возраста.

— Как? — спросил Велиранд. — Что с ним случилось?

— Он пропал в начале войны.

— Ужас! — сказал Велиранд. — Просто ужас! Ах да, простите. Я школьный товарищ господина Кярвета, когда-то мы были добрыми друзьями. А вы, очевидно...

— Я квартирантка. Я ничего не знаю о господине Кярвете.

— А его супруга случайно не дома?

— Она вернется не раньше чем через час.

— Ах так! Извините. Я, может быть, зайду еще раз вечером попозже.

Дверь захлопнулась, и шаги стали спускаться по лестнице.

Мое сердце бешено колотилось. Выскочить из подъезда — поздно. Велиранд, безусловно, это заметит. А что, если хлопнуть дверью и пойти ему навстречу, словно мы только что вошли с улицы? Это годилось бы лишь в том случае, если б у Велиранда не было карманного фонарика. Но ведь мы знали: у него есть карманный фонарик. Он бы непременно меня узнал.

Шаги приближались. Вот-вот Велиранд спустится с лестницы. И тогда...

Вдруг я почувствовал, что Олев дергает меня за рукав. Я осторожно придвинулся к нему. Он потянул меня дальше. Куда?

Олев нащупал лестницу в подвал. Мы осторожно спустились на несколько ступенек. И успели сделать это в самый последний миг. Из своего убежища мы видели, как мелькнул синий луч фонарика. Затем хлопнула парадная дверь.

Мы стояли неподвижно еще около минуты. Потом Олев шепнул:

— Ушел.

Мы выбрались из своего укрытия, и я зажег спичку. На стене висели в ряд почтовые ящики. На одном из них была прикреплена табличка: «Кярвет». Мы попробовали дверку

почтового ящика, она оказалась крепко запертой, можно было безбоязненно опустить в ящик наше предупреждение.

Я усмехнулся. Велиранд еще только начинает расставлять в этом доме силки, а в почтовом ящике уже лежит предупреждение, что он провокатор! Теперь супруга Кярвета догадается, что надо быть с ним осторожной. Мы-то ничего не знаем об этой госпоже Кярвет. Ничего, кроме того, что Велиранд интересуется ею. Мы предупредили ее. Может быть, мы никогда и не узнаем, насколько помогло наше предупреждение, но мы сделали что смогли.

Во всяком случае, похоже, что матери Хельдура мы принесли пользу. Уже на следующий день после того, как я отнес на Парковую улицу предупреждающее письмо, Хельдур на перемене отозвал меня в сторону.

— Ты помнишь, я говорил тебе об этом человеке, о Велиранде? — спросил он.

— Да, помню, — ответил я.

— Тогда читай, — сказал он и вынул из кармана наше письмо.

Я прочел письмо, которое изготовил сам вместе с Олем, и теперь на бумаге остались отпечатки моих пальцев.

— Разве твоя мать сама ничего не замечала? — поинтересовался я. — Ничего не показалось ей подозрительным в Велиранде?

— После этого письма многие вещи действительно стали казаться странными, — сказал Хельдур. — Во всяком случае, мама теперь знает, что надо быть осторожнее.

Я вернул ему наше письмо.

— Как ты думаешь, кто мог послать это нам? — спросил Хельдур.

— Конечно, друзья! — ответил я, глядя мимо него.

И Хельдур сказал задумчиво:

— Я и не знал, что у нас здесь есть друзья.

Может быть, госпожа Кярвет тоже вскоре станет ломать голову, кто это послал ей предупреждение. И, наверно, она поймет, что это были друзья.

Мы с Олем шли домой.

Небо слегка прояснилось. Подмораживало.

— Завтра у нас действительно гимнастика, — сказал Олев, — надо не забыть дома тапочки.

Конец Велиранда

Однажды вечером в квартире у Велиранда зазвонил телефон.

Велиранд поднял трубку.

— Я слушаю.

— Это господин Велиранд? — спросил топорливым и взволнованным шепотом приглушенный голос.

— Я у телефона.

— Мне посоветовали вам позвонить,— продолжал голос.— Дело очень важное.

— Кто говорит?— спросил Велиранд.

— Это сейчас не имеет значения. Дело в парашютистах.

— Я вас не понимаю.

— На пустоши Хаасвяля скрываются несколько парашютистов. Сегодня ночью с ними должна соединиться другая группа. Завтра все они будут прятаться в одном из подземных ходов, а следующей ночью попытаются взорвать мост через реку Кяре.

— Скажите, пожалуйста, кто вы?

— Я не могу сейчас назвать себя: слишком дорого это может мне обойтись. Когда парашютистов поймают, все прояснится.

— Скажите хотя бы, откуда у вас эти данные?

— Мои данные абсолютно точные. А сейчас я должен кончать. Надеюсь на вашу помощь.

Олев повесил телефонную трубку на рычаг. Это он и говорил с Велирандом.

Я понимаю, что читатель сейчас в некотором замешательстве. Он спрашивает у себя: что должен обозначать этот странный телефонный разговор? Не стоит волноваться! Ведь нельзя же подумать, что мы и в самом деле решили прийти на помощь Велиранду в его подлой предательской службе! Нет, дело в том, что предпринятый нами осмотр катакомб породил великолепную идею. Эта мысль несколько дней, так сказать, прорастала в нас и наконец стала приобретать все более четкие формы, а затем блистательная идея превратилась в блистательную операцию. Читайте спокойно дальше, и вскоре все будет ясно.

— Пойдем,— сказал я.

Но Олев снова протянул руку к телефонной трубке.

— У нас должно быть алиби,— сказал он задумчиво, набрал номер своей тети и долго болтал с нею о всякой ерунде.

— О каком алиби ты говорил?— не понял я Олева.

— Кто-нибудь мог видеть, как мы звонили отсюда,— объяснил он.— Если потом это дело начнут расследовать и на нас падет подозрение, можем сказать, что говорили только с моей тетей.

Я понял. На сей раз дело действительно обстояло настолько серьезно, что на каждом шагу необходимо было соблюдать конспирацию.

Мы выбрались из будки телефона-автомата. Ноги словно сами собой понесли нас на Солнечный бульвар, туда, где жил Велиранд.

— Как думаешь, попадется он на удочку?— спросил я у Олева.

Мой друг лишь пожал плечами.

Ответ на мой вопрос дала сама жизнь. С момента телефонного разговора прошло минут десять — пятнадцать, как мы вдруг заметили в другом конце улицы мужчину, кото-

рый приближался к нам. Полы пальто его развевались. Этот человек был нам хорошо известен — Велиранд. Он торопился в центр города.

В центре города находилась политическая полиция. Кроме того, в центре города находились еще кинотеатр и аптека, но сеанс в кино уже давно начался, а по внешнему виду Велиранда нельзя было сказать, что он не совсем здоров. Куда же еще в таком случае он мог направляться? К кому-нибудь в гости? Но для чего тогда нестись такой рысью? Следовательно, он торопился именно в политическую полицию. Неужели он действительно попался на удочку?

Мы с Олевым свернули в ближайший переулок, чтобы не соваться под нос Велиранду, и вскоре расстались.

Ночью мне плохо спалось. Меня мучили разные сновидения, в которых Велиранд и оккупанты играли немаловажную роль. Несколько раз я просыпался в испарине от страха. Но я не придаю сновидениям вообще никакого значения: ведь сны отражают то, что мы видели или пережили наяву. И я не верю, что по снам можно предсказывать будущее. Поэтому утром я был довольно спокоен, хотя и видел во сне, что сижу за решеткой в тюрьме.

— Уж не болен ли ты? Что-то ты очень бледный,— сказала мама, когда я сел завтракать.

— Чувствую себя великолепно,— ответил я с максимальной бодростью в голосе.

У меня не было ни малейшего желания тратить время на измерение температуры.

В подтверждение своего заявления я вынужден был съесть две полных тарелки каши из ржаной муки, потому что мама частенько пыталась определить состояние моего здоровья по моему аппетиту.

Затем я поспешил в детский сад, где мне давали кое-какую работу, и договорился, какие продукты привезти из подсобного хозяйства. Еще немного времени ушло на то, чтобы запрячь лошадь, и вскоре у дома Олева прозвучал мой сигнальный свист.

Олев не заставил себя ждать. Мы уселись на облучок, и коняге пришлось трусить рысью больше чем когда-либо до этого.

Честно говоря, торопиться нам было некуда. Мы сделали все, что было в наших силах. Ловушка для Велиранда была приготовлена. Но попадется ли Велиранд в нее или нет — это уже от нас не зависело. И все же мы хотели как можно быстрее попасть на Хаасвяля. Мы хотели найти хотя бы крохотную примету того, что наш телефонный звонок дал какой-то результат. Ведь, честно говоря, у нас было мало надежд, что нам удастся обмануть опытного провокатора.

Хотя я часто взмахивал кнутом и лошадь трусила из последних сил, дорога казалась удивительно долгой — будто бы кто-то специально удлинит километры. А получилось

На каждом шагу необходимо было соблюдать конспирацию...

так, что мы вообще и не попали на Хаас-
вялья.

На развилке дороги стоял полицейский
пост.

Один из них преградил нам путь и махнул
рукой, чтобы я остановил лошадь.

— Куда едете?

— В Тякену, — ответил я, стараясь придать
своему лицу выражение крайнего изумления.

Тякеной называлось место, где находилось
подсобное хозяйство.

— Дорога закрыта, — сказал полицей-
ский. — Вам придется ехать в объезд.

— А что случилось? — спросил Олев.

— Ничего не случилось, — буркнул поли-
цейский. — Просто дорога закрыта.

В этот момент позади нас послышалось гу-
дение мотора, и мимо пронесся грузовик, в
кузове которого было полно солдат.

— Машина же поехала прямо, — сказал
Олев. — Неужели же мы на лошади не прое-
дем?

— Не будем обсуждать, — сказал полицей-
ский, словно бы рассердившись. — Сказано
вам, и все!

— Большой тут объезд? — спросил я.

— Пять-шесть километров, — сказал поли-
цейский и отошел от повозки.

Здесь, на развилке, собрались и другие лю-
ди, которых не пускали дальше. Одна пожи-
лая женщина подошла к нам и многозначи-
тельно шепнула:

— Вы, ребяташки, и не думайте ехать даль-
ше! На Хаасвялья облава. Они могут и стре-
лять начать.

У меня сердце чуть не выпрыгнуло из гру-
ди от радости. Но я не подал виду. Я уже на-
учился скрывать и огорчение и радость.

— Что еще за облава? — безразличным то-
ном поинтересовался я.

— Парашютистов, сыночки, ловят, настоя-
щих парашютистов, сброшенных с самолета!

— Не знаете, поймали кого? — спросил
Олев.

— Всех поймают, — ответила тетенька. —
Весь луг Хаасвялья полон солдат.

Мы решили все-таки отправиться в объезд.
Поди знай, как долго собираются солдаты
лазить по катакомбам, а картошку ведь надо
доставить в город.

Лошадь пошла шагом. Нам больше некуда
было торопиться: все стало ясно.

— Кое-кто как следует промочит ноги, —
сказал Олев.

Он имел в виду тех солдат, которые долж-
ны были войти в первую катакомбу, залитую
водой.

Мы-то с Олем знали, что в катакомбах
нет ни одного парашютиста, что там найдут
только летучих мышей. И еще там найдут
письмо, очень важное письмо, написанное по
всем правилам конспирации.

Вот текст этого письма слово в слово:

«Товарищи!

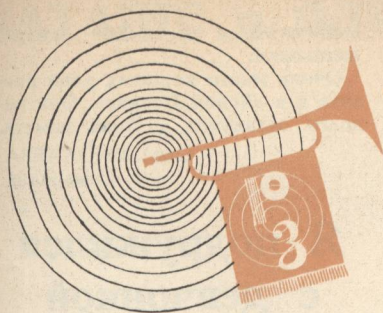
Немедленно уходите! Некто Велиранд, ра-
ботающий в полиции, говорил в городе, что
будет облава. Встреча в следующем услов-
ном месте».

Это письмо, оставленное нами у входа в
одну из катакомб, естественно, не предназ-
началось никаким парашютистам. Мы хоте-
ли, чтобы немцы потеряли доверие к Вели-
ранду, и для этого предприняли всю столь
сложную операцию.

Велиранда мы больше никогда не видели.
В квартиру его вселились новые жильцы. И
больше мы ничего о нем не знаем. Но мы
крепко надеемся, что он уже не может ни-
кому причинить зла.

Перевел с эстонского
Г. МУРАВИН.

радиостанция
„Здравствуй!“

Находка Тани Новиковой

В тот день незнакомые ребята подходили к Тане, спрашивали: «Про тебя в «Правде» писали?», «Это ты нашла пластинки?»

Все Таню поздравляли, всем хотелось поговорить с ней — не часто случается, что про человека двенадцать лет и про его драгоценную находку пишут и в «Правде» и во всех ленинградских газетах.

Шестиклассница 321-й ленинградской школы Таня Новикова говорит, что не так уж трудно было перебрать старые-престарые дедушкины граммофонные пластинки. Два года назад, когда семья Новиковых переезжала на новую квартиру, Таня смахнула с них пыль и уложила в чемодан. На самом дне лежали пластинки толстые, тяжелые, исцарапанные, с зазубринами по краям. Она спросила у папы:

— А это что за пластинки?

Валентин Васильевич сказал:

— Это речи Ленина.

И вот однажды Таня раскрыла журнал «Пионер» и увидела фотографию: Владимир Ильич стоит перед звукозаписывающим аппаратом. Он произносит речь. Статья «Живой голос Ильича» рассказывала о том, как спе-

циалисты восстанавливают старые записи ленинских речей. И еще о том, что всего было записано шестнадцать речей Владимира Ильича, но трех записей не сохранилось. «Специалисты ищут эти пластинки и гальванические диски, с которых они печатались», — прочитала Таня в конце статьи. — И, кто знает, может быть, именно тебе, юный читатель, удастся им помочь в этом ответственном, важном деле...

Таня показала статью из «Пионера» папе:

— Как думаешь, не наши ли пластинки ищут?

А папа показал Тане свой журнал «Радио».

— Вот, — говорит, — здесь такая же фотография, как в «Пионере».

И тут они достали дедушкины пластинки. На этикетках карандашные пометки: «...Ленина... (неразборчиво) и развитии капитализма», «О потребит. и пром. кооперации», «О продналоге»...

— А знаешь, — сказал Владимир Васильевич, — похоже, что это они и есть.

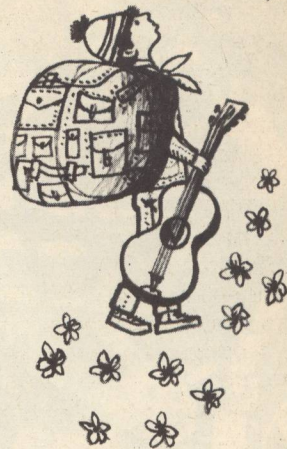
Находку отнесли в райком партии, оттуда переслали на экспертизу в Москву, и вот в один прекрасный день газеты сообщили, что пластинки, которые так долго и безуспешно искали, найдены!

Из газет Таня узнала историю этих пластинок. Шла гражданская война. Первое в мире государство рабочих и крестьян было в опасности. Нужно призвать народ к борьбе. Но бумаги не хватало, даже «Правда» выходила на двух страницах серой оберточной бумаги. Тогда и возникла мысль: пусть и граммофон помогает агитировать за Советскую власть! Выступления Владимира Ильича записали на граммофонные пластинки, и их услышали миллионы людей. Крестьяне из дальних деревень, солдаты с фронта присылали в Москву и Петроград своих ходоков за пластинками. Их передавали из рук в руки как величайшую ценность и «крутили» до полного износа. Наверно, потому и сохранилось их до наших дней так мало, а три, считалось, и вовсе затерялись.

Мы, взрослые, еще раз убедимся, что ребята — красивые следопыты умеют делать очень важные открытия.

Д. БОГДАНОВА

Фото В. ГОЛУБОВСКОГО.

Где мы были, что мы видели?

Московские ребята — туристы и следопыты из 402-й школы отправились в Среднюю Азию: на Памир, в горы, в Андижан и Самарканд. А Оля Ермолаева, которая живет в Самарканде, поехала в Курганскую область, в совхоз «Ясная Поляна». Девочка из Тульской области Таня Дурягина увидела тайгу, которую так давно хотела увидеть. Одесский мальчик Андрей Пенягин погрузился в ленинградкой Майей Светловой — Майя приехала на лето в Одессу. Удивительная и прекрасная пора лето — время путешествий и походов, время важных открытий и интересных знакомств. Но вот кончается лето, и становится совершенно ясно: чтобы осуществились все наши летние планы, готовиться к лету надо заранее, лучше всего прямо с сентября, с начала учебного года.

В письмах, которые получает радиостанция «Здравствуй!», ребята рассказывают, что к летним путешествиям они готовятся заранее: ходят в тренировочные походы, зарабатывают деньги на заводах, в колхозах, на овощных базах, на почте, собирают металлолом и макулатуру, дают платные концерты. «Где мы были, что мы видели?» — об этом рассказывают ребята в этом выпуске радиостанции «Здравствуй!».

РАДИОСТАНЦИЯ ЖДЕТ СООБЩЕНИЙ И ОТ ТЕБЯ.

Знакомьтесь, Таня Новикова.

Ясная Поляна

Все лето я отдыхала в совхозе «Ясная Поляна», Курганской области. Как там было хорошо! Небо голубое-голубое, и куда ни глянешь — лес и лес. Леса березовые, и осина встречается. Деревенские ребята влезают на самые вершины. Жутко, а хорошо!

Ходили в лес мы и по грибы и по ягоды. Сначала была только земляника, а потом еще поспели и голубика, и костяника, и черника.

Дядя Илья наделал нам берестяных кузовков, мы и собирали в них ягоды. Красную, спелую землянику вкуснее всего есть с парным молоком, но и без молока она вкусная-превкусная.

А грибы?! Ходишь по лесу, ищешь их, а они прячутся под прошлогодними листьями. Иногда найдешь гриб большой, красивый на вид, а внутри — червивый. Обидно!

Купаться мы ходили на озеро Трубань. Это в пяти километрах от «Ясной Поляны». Вода в озере чистая, голубая, а на дне мелкий желтый песочек. Над озером летают чайки. Когда чайки спускаются на воду, то сидят на самом гребне волны и чуть покачиваются. Я первый раз в жизни видела чаек.

Мы плавали, играли в воде, потом на берегу пекли картошку. Ели ее с аппетитом, потому что, пока купались, успели проголодаться. Да и картошка с дымком, даже коричневая. Кто от такой откажется?! Назад мы возвращались пешком. По дороге на полях собирали цветы и плели венки. Очень красивые венки получаются из белой полевой ромашки. Венки бе-

лый-белый, и мелькают желтые пятнышки.

Очень много хороших дней провела я в «Ясной Поляне». Они надолго останутся в моей памяти.

Оля ЕРМОЛАЕВА.
г. Самараканд.

Я подружился с девчонкой

Меня зовут Андрей Пенягин. Я учусь в шестом классе и живу в Одессе. Я хочу рассказать один случай, какой со мной был недавно.

Один отдыхающий приехал сюда с пуделем. Норкой зовут. Такая смешная собака! Вся стриженная, чтоб не жарко было. Только на хвосте кисточка и на лапах — как бахрома. Скажут ей: «Норка, умри!» — она тут же ляжет, и лапы раскинет, и глаза закроет. Или сахар ей дадут и скажут: «Нельзя!» Так она ни за что не возьмет, пока не разрешат! Хозяин ее здорово воспитал.

И вот один раз пошел хозяин воды попить, а Петька — он в седьмом классе учится — взял и бросил Норку в море. «Посмотрим, — кричит, — как ты плаваешь!» А ей плохо стало. Я забыл сказать, что она уже пожилая собака была.

Я даже сам не помню, как скорей в воду прыгнул и потащил ее на берег. Она тяжелая, мокрая. Голова болтается, и глаза стеклянные. Тут все собрались и стали советы давать. Одна бабушка говорит: «Ты, сынок, ей искусственное дыхание делай. Может, полегчает». Я стал делать. Вдруг хозяин бежит. Схватил меня за шиворот и давай трясти. «Хулиганье, — кри-

Поезда идут точно по расписанию.
Фото Л. ПОЛЯКОВА.

Неужели не забыть?!
Фото В. ПОСТНИКОВА.

Что вы на это скажете? Я хотел бы, чтобы вы на время отложили журнал в сторону и подумали над этой историей. Представьте себе, что вы сидите за моим письменным столом и вам нужно отвечать девочкам на их письмо. По письму девочек можно хорошо представить себе их весеннюю прогулку по мартовскому лесу, прогулку, которая началась так весело, а кончилась так печально. Лена расшиблась. А винят в этом их. Несправедливо! Обидно!

Так обидно, что они спустя несколько месяцев не могут простить этой обиды и пишут письмо в редакцию. Зачем?

Они хотят, чтобы их письмо прочитала Лена и, как говорится, сделала выводы.

Какие выводы должна сделать Лена? Почему Лена? Она-то в чем провинилась?

Она ни в чем не упрекала своих подруг. Они не виноваты в том, что Лена свалилась с дерева, но сама-то Лена уж, наверное, в этом не виновата. Ах, да, когда вышла из больницы, в игре сказала грубое слово одному из тех мальчиков. Вместо благодарности за то, что он помогал нести ее на носилках, а потом навестил в больницу. Нехорошо, конечно, но только ради этого писать письмо в редакцию?!

Давайте разберемся. Могло в любой другой компании случиться такое происшествие? Могло. Могли ребята испугаться и в первую минуту растеряться? Могли. В этом можно признаться, не стыдясь. Тут пока вас еще не в чем упрекнуть.

Но смотрите, что происходит дальше. Лена упала с дерева, ей больно. А вы, ее подруги, думаете не о том, как плохо Лене, а о том, как страшно вам из-за того, что Лена стонет. Потом вы несете Лену на носилках к даче. Несут ее ШЕСТЬ человек — Наташа, Оля, Олег, Сергей, Ленья и дедушка с ружьем. Не так трудно ВШЕСТЕРОМ нести на носилках ОДНУ девочку. И если думать не о себе, а о

том, кого несешь, и тяжести не заметишь и уж, во всяком случае, не заметишь того, что у тебя промокли ноги, когда ты спасал человека. А что у вас получается? Спасая Лену, мы даже перед тем не постояли, чтобы набрать воды в сапоги, так пусть же будет теперь нам благодарна за это!

Прибегает Ленина мать. Она знает, что ее дочка упала с дерева, что ей очень плохо. Она в таком страхе за дочь, что у нее вырывается упрек. Несправедливый упрек. Очень несправедливый. Согласен!

Но вы снова думаете не о том, как страшно Лениной матери, а о себе. Обиженные, вы не остаетесь с Леной и ее матерью, чтобы помочь им, если понадобится. Не дожидаясь, пока приедет «Скорая помощь», не узнав, что с Леной, вы уходите в лес. И тут вы видите, как хорошо в лесу. Светит весеннее солнце, лес стоит веселый, а вам приходится не радоваться весне, а горевать, что с вами случилась такая неприятность.

Перетрусив, вы хотите спрятаться, но потом принимаете все-таки правильное решение: не прятаться, а вернуться домой, не боясь упреков.

Первое, что вы должны были сделать вслед за этим, — это, узнав, как тяжело пострадала Лена (повреждение позвоночника — дело не шуточное, оно могло надолго приковать ее к постели и даже сделать инвалидом), немедленно навестить ее в больнице, как сделали мальчики. И не один раз навестить для очистки совести. И к Лениной матери пойти. Успокоить, утешить, спросить, чем можно помочь. Понимаю, что решиться на это не легко. Нужно быть готовым снова выслушать несправедливые упреки. Но ведь ваша совесть чиста! Ведь можно же объяснить, как все было на самом деле! И даже если она несправедлива к вам, разве нельзя простить это матери, дочь которой в опасности?

Ну, хорошо, вам трудно сделать такой шаг. Вы боитесь новых упреков. Так и быть. Не

идете к Лениной матери. Но ведь сама Лена вас ничем не обидела! Она лежит в больнице, ей больно и страшно.

Но вы, Оля и Наташа, думаете не о Лене, а только о своей обиде.

Как это мелко, друзья мои!

И, наконец, вместо того, чтобы обрадоваться, что Лена выздоровела, и принять ее снова в свою компанию, вы все время помните, чем она вам обязана. Вы считаете, что Лена быстро забыла, как ей было трудно и как ей помогали друзья.

Помогали? А как, собственно, вы ей помогали? Как будто то, что вы не бросили Лену в лесу, а донесли до дачи,— подвиг, заслуживающий особой благодарности?

Что говорит закон? Наши законы считают, что, если с человеком происходит несчастный случай и люди, которые находятся рядом (даже не друзья, а любые случайные прохожие), не оказывают ему помощи,— это преступление.

Не бросив Лену в лесу, вы **не совершили подвиг**, как вам кажется, а всего-навсего не совершили преступления, не сделали подлости. За то, что человек не совершает подлости, что не оказывается предателем, наград и благодарностей не полагается.

Когда вы писали это письмо, вам казалось, что вы приняли верное решение, чтобы объяснить Лене, Лениной матери и всем окружающим, какие вы хорошие.

Действительно, пока вы несли Лену на носилках, пока ждали ее мать, вам нечего было стыдиться. А вот всего остального, о чем мы уже говорили, стыдиться приходится.

Может быть, вы, пока писали письмо, смутно почувствовали сами, что не так уж красиво выглядите в этой истории. Поэтому изменили имена и не поставили под письмом обратного адреса.

Вам хотелось, чтобы письмо прочитала Лена и поняла, как она неправа. Мне хочется, чтобы мой ответ прочитали вы, Оля и Наташа, и поняли, как неправы вы.

*

Но, может быть, кто-нибудь из читателей думает иначе? Было бы интересно узнать эти мнения.

журнал в журнале

Печатаем только тебя

Последняя пчела

И листья и цветы —
Все увядает.
Но смотри:
Летит последняя пчела!
Она прощается с порой,
Когда была одета
В свой золотой костюм,
Работала весь день...
Костюм теперь уж сер и грязен;
Пчеле работы больше нет.
Ей спать пора!
Спокойной ночи.

Маша НИКОНОВА,
12 лет.

*

Это стихотворение и то, которое ты прочитаешь на следующей странице, написала ленинградка Оля МОХОВИКОВА. Оле 13 лет.

Ступаю бережно-бережно
По шершавому влажному берегу.
Бреду, опустив голову,
По песку ногами голыми.
А потом бросаюсь в волны я,
В синеву необузданно-вольную.
Улыбаюсь ветру соленому,
Тростникам, сосняку зеленому,
Голубому небу чистому,
Обдаю его искрами-брызгами.
Я за чайками мчусь мысленно
И за яхтами белыми, быстрыми.
А потом выхожу торопливо я,
Мокрая и счастливая.

*

Он хотел бы быть ланью,
Стройным и хрупким созданием,
И носиться, скакать по саванне,
Желтой, горячей, бескрайней...

Но был он львом хищным,
Употреблявшим ланей в пищу.
Был он наружно страшен,
А сердцем добрый, домашний.

Он ловил и жалел ланей,
Отпускал их скакать по саванне
И смотрел им вслед глазами,
Полными грусти слезами.

Умер с голоду лев,
Хрупкую лань пожалев.

Рыбалка

РАССКАЗ

Было раннее утро. Мы с моим братом Виталькой выехали на велосипедах на рыбалку. Дул свежий утренний ветерок, и пахло полем, цветами.

Вот и речка! Тишина. Только кое-где вспорет водную гладь спинной плавник крупной рыбы да плеснет хвостом по воде лещ. Размотали удочки. Из-за бора показался огненно-красный край солнца. Светлые блики заиграли на поверхности воды. Мы забросили удочки...

Вот и застрекотали первые кузнечики. Вдруг Виталька подпрыгнул, как ужаленный, — это на его крючок попала маленькая плотвичка. Мы пустили ее в садок, и Виталька торжествовал победу: еще бы — поймал первую рыбку. Я решила сменить насадку. Полезла в банку с червями и до крови расцарапалась... Что делать? Не сказав ни слова, я нанизала на крючок тоненького дождевика и вымазала его кровью. Закинула — и через минуту поплавок заходил, задергался. Я подсекла. Попался небольшой окунь.

К концу рыбной ловли у нас в садке плескались две плотвички, три окуня, ерш и подлещик. Виталька немного скис, хотя и старался не подавать виду, — ведь после своей первой плотвички он так ничего и не поймал.

Природа жила, пульсировала, дышала. Пахло хлебом, солнцем, чуть горьковатой полынью и еще какими-то травами. По дороге слегка клубилась сухая пыль. Небо голубело, безоблачное. И солнце, как золотой сверкающий шар, важно катилось по своей небесной дороге. Высоко в небе пела птица. Мы, довольные первой в жизни рыбалкой, шли домой.

Мы должны возвратиться!

Георгий ЛАВРОВ, 13 лет,
г. Москва.
РАССКАЗ

1.

«У всех у нас есть свои причины, чтобы покинуть наше время. Вито болен раком, его могут вылечить только врачи будущего. Чар мечтает узнать, как живут люди там», и написать книгу. Меня же страстно интересует наука будущего и научные достижения человечества. Поэтому мы обошли Закон и перепрыгнем через столетие вперед. Может быть, нам будет закрыт путь обратно в наше время. Надеемся, что нет, но на всякий случай мы должны проститься.

Машина готова к путешествию, и сейчас мы покинем близкий нам мир. Крис».

Поставив свою подпись рядом с подписями своих спутников, он спустился по узкой винтовой лестнице в сарай, где они построили своими руками Машину, вошел в нее и сел рядом с товарищами. Напротив него полулежал Вито. Человек огромного роста и редкой силы. Лицо у него было полное и добродушное. Никто не мог и поверить, что этот силач поражен тяжелым недугом, который свалит его через несколько месяцев. Но даже сейчас улыбка не покидала его губ.

Рядом с ним сидел Чар. Чар, который мечтал изучить общество будущего, людей и обычаи и

написать книгу, которую потом издаст в своем времени. Мечта почти неисполнимая. Ослушникам «Закона времени» нет жизни в их времени, их ждет изгнание. Конечно, были исключения. И он тоже надеялся, что ему удастся вернуться.

— Ну вот, посидели, теперь пора, — сказал Чар. Он положил руки на рычаги управления.

Машина тронулась, путешественники сейчас же ощутили это. Когда время течет нормально, вещи остаются реальными, плотными, они взаимодействуют с окружающим. Но если Машина двигается во времени, предметы, оказывающиеся в пространстве Машины, выглядят призрачно: их можно видеть, но дотронуться нельзя.

Машина набирала скорость. Внезапно сквозь нее проплыла фигура человека в форме Инспектора времени. Спутники усмехнулись, представив себе, как спустя несколько дней после их отбытия он часами изучает сарай, откуда стартовала Машина.

К горлу подступало удушье. Крис rozdal небольшие таблетки, все проглотили их и заснули.

— Бросим жребий, — сказал Чар.

Он отвернулся и отломил кончик одной из трех спичек. Тянули по очереди, и жребий пал на Чара. Он подошел к люку и отодвинул засов. Машина, непонятно почему, стояла на ребре. Сразу за люком начиналось голубое небо. Трое людей прыгнули на землю, вернее, на траву. В их время трава росла лишь на газонах, и там разрешалось ходить только по подвесным дорожкам. Машина стояла на зеленой поляне, глубоко зарывшись в грунт боком. Наверно, это был парк. Невдалеке виднелся домик сторожа. Такие декоративные домики, стилизованные под дерево, были в их время.

Чар, Вито и Криг, волнуясь, шли по траве к дому. В детстве им удавалось в сумерках проскользнуть через силовой барьер с помощью двух медных проводов и проникнуть в парк. Там они бегали по траве босиком, и непонятная радость и легкость охватывали их. Сейчас у них опять появилось это полужабытое чувство.

Они шли к домику сторожа. Все было так просто и обыденно. В мечтах своих они представляли себе это иначе. Никто не выбегал и не встречал их, не спрашивал, кто они и откуда. Трое людей взошли на крылечко, и, не найдя никакого приспособления для сигнализации, Криг постучал.

Некоторое время никто не отзывался. Наконец на пороге показался человек лет пятидесяти. Он стоял, опираясь одной рукой о косяк, а другой держась за ручку полуоткрытой двери. Минуту-другую он молча смотрел на пришельцев. Взгляд его сразу показался им странным. Он был мертвый и неподвижный. Прервав молчание, Вито выступил вперед, поздоровался и протянул сторожу руку. Мужчина попятился.

— Уже пора? — спросил он бесцветным голосом. — А где же контейнер?

Трое прибывших в замешательстве переглядывались, сторож глядел выжидающе.

— Может, вы люди? — медленно и нерешительно спросил он.

Вито кивнул.

— Ну... тогда проходите... — Жест, который сопровождал предложение войти, получился неуклюжим и неестественным.

Они вошли.

Через три дня они вернулись к Машине, измученные и подавленные. Они видели достаточно, чтобы понять этот мир. Некоторое время молчали. Вито, утративший всю свою веселость и благодушие, сидел на траве. Теперь она их не интересовала. Чар с презрением рассматривал свой ботинок. Криг уныло жевал бутерброд.

— Уж какая здесь медицина... — сказал Вито. — Скорее чем-нибудь заразишься.

Опять наступило молчание.

— А вы видели Институт? — спросил Криг.

Они еще больше помрачнели. В их воображении выросло громадное здание. Белые колонны, мрамор, сорок этажей... Когда-то, в их время, это был центр науки. Захватчики — тетаитяне не уничтожили его, нет. Но жители Теты не нуждались в земных ученых. Они нуждались только в двух вещах: в живой рабочей силе да в том, чтобы Земля исправно поставляла сырье и кое-какие товары. Здание Института стояло посреди города пустое, обветшалое, трагическое, как бы олицетворяя потерянную силу Человека.

— Зря, значит, я сюда летел... И Вито со своим раком. И Чар с мечтами о великой книге... Что можем сделать мы трое? Их нельзя расшевелить!

— Может быть, в будущем человечество освободится? Если попробовать скакнуть дальше?... — с непривычной робостью спросил Вито.

Криг горько усмехнулся.

— Люди даже не сознают, что порабощены. На такие сложные мысли у них просто не хватает времени. Надо столько трудиться, чтобы захватчики остались довольны... — Криг взглянул в сторону домика и быстро отвернулся. Те-

перь, когда они понимали поведение сторожа, было тяжело перенести это воспоминание.

Криг вскочил.

— Нам нечего здесь делать! Мы должны вернуться сейчас же. Даже если Закон покарает нас!..

Люк задвинулся, и Машина медленно растворилась в воздухе. Только на поляне остался глубокий рваный след...

4

Машина набирала ход. Но теперь путешественники не приняли таблеток. Они хотели видеть. Тридцать, пятьдесят, восемьдесят лет назад — все те же страшные, уже знакомые картины. Потом сквозь Машину стали проноситься люди с короткими карабинами.

«Пока еще пробуют отбиваться», — подумал Вито. Он потерял сознание последним.

И никто из них уже не видел, что на панели зажглась красная аварийная лампочка, не почувствовал, как Машину резко тряхнуло и бросило на новый курс.

Вито, Криг и Чар пришли в себя. Угрюмо поплелись они к выходу. Теперь никого не волновал вопрос первенства. На секунду Чар задержался у люка, обернулся к товарищам.

— Поздравляю с возвращением, — устало сказал он. Полез в люк, но внезапно остановился.

Спутники вяло пихнули его вперед. Но Чар уперся и двинулся назад.

— Криг, осмотри приборы, — взволнованно сказал он.

Сквозь отверстие люка виднелись не стены сарая, а что-то голубое и зеленое. Криг потряс тяжелой головой и уставился на панель управления.

— Что за черт! Какая-то путаница...

— Мы не сдвинулись с той поляны, — сообщил Чар.

Люди вышли и снова увидели домик сторожа. Спокойно сияло солнце.

— Вот так дело! — воскликнул Вито. — Не дай бог, мы отсюда совсем не выберемся!.. — И вдруг осекся: — Дорожки! — ахнул он.

Аккуратно подвешенные дорожки парили над нетронутой травой. Они переглянулись и направились к дому. Постучали. На пороге тотчас появился знакомый сторож. Троим спутникам так запомнился тоскливый и тупой взгляд человека, который поведал им о судьбе покоренной Земли, что теперь они невольно вздрогнули, увидя веселое и добродушное лицо.

— Здравсьте! — сказал сторож. — Свалились с дорожки и поломали куст? Штраф, штраф... А под пиджаком веточек не прячете? — Потом, бросив взгляд на поляну, застонал: — Боже! Что это за безобразие посреди газона?! — спросил он со страданием в голосе.

— Это наша Машина, — сказал Вито.

— Здесь запрещено ставить машины!

— Мы из прошлого, — тихо произнес Чар.

— Какая разница!.. Откуда? Что вы ска-

зали?

Чар повторил.

Сторож уставился на них в недоумении, но по мере того, как вглядывался то в их лица и одежду, то в странный аппарат, недоумение уступало место удивлению и острому интересу.

— Неужели путешествия во времени возможны?

Путешественники молчали, вероятно, не меньше сторожа ошеломленные непонятностью того, что с ними произошло.

— Какой сейчас год? — спохватился Криг.

— Две тысячи сто восемьдесятый. А... из какого вы?

— Почти сто лет назад, — округлил Криг.

— О! Время Войны и Победы! Героическое время! Боже мой!

— А что с ними сейчас, с захватчиками? — жадно спросил Чар.

— Так вы еще не видали конца Войны? О, это великая история! Входите! — Сторож сделал широкий жест рукой.

Люди вошли в домик.

Это был мир, о котором они мечтали. Мир, в котором жили свободные, мудрые и радостные люди. Мир творческого труда, науки и искусства. Пройдя через войну с тетаитянами, человечество наконец сплотилось и стало единым обществом, единым государством. Война была тяжёлым испытанием, и она унесла много миллионов жизней. Но зато теперь не было уже ни войн, ни национальных распрей!

Вито, Чар и Криг, везде встречаемые с симпатией и интересом, спешили как можно больше понять и узнать. Они видели возрожденную природу и животных, которых все ласково оберегали. Они видели Город ученых, выросший вокруг здания Института. Они с трепетом побывали в радиообсерватории, которая успешно налаживала контакт с родственными цивилизациями.

Подчас у троих путешественников голова шла кругом, им начинало казаться, что тот первый мир — лишь ужасный сон. Иной раз, наоборот, прекрасным сном казалось то, что они видели сейчас...

И вот они снова сидели на лужайке около Машины, которую тщательно отремонтировал Криг.

— Есть только одно объяснение, — сказал он. — Существует два будущих. Одно, где дамба не была закончена и ураган затопил оборонительные нейтрализаторы. Там Земля захвачена. И другое, где дамба была достроена и человечество победило.

Чар и Вито согласились.

— По-видимому, развитие истории может пойти по одному из этих путей. Но по какому? — тихо спросил Чар.

Несколько минут люди сидели в молчании. В домике хлопнула дверь, и они снова вспомнили, как «там» сторож равнодушно хотел отдать своего сына тетаитянам. По лицам прошла гримаса отвращения.

— Как здесь хорошо! — сказал вдруг Вито. — Мы попали туда, куда стремились.

— Да, в таком мире я и хотел жить, — отозвался Криг.

— О нем я мечтал написать...

Вито вскочил в волнении.

— Мы должны возвратиться!

Остальные не удивились. Каждый думал о том же. Они должны вернуться и участвовать в Войне. Хотя их было только трое, но и от них зависело, каким путем пойдет развитие Земли.

— Вито, курс лечения не кончен, останься...

— Нет! Мне стыдно, когда меня спрашивают о Войне. Мы улетели из своего времени накануне таких событий!.. Я хочу своими руками уничтожить тетаитянскую нечисть!

— Странное создание человек, — улыбнулся Чар. — Он не может быть счастлив в счастливом мире, которого не создавал сам...

Еще с минуту они стояли в молчании, опустив головы.

— Пойдемте прощаться, — сказал Криг.

Их поняли. Их отпустили... Только на поляне остался глубокий рваный след.

Осень

Чистоплотная пора!
Моет, моет все она.
Каждый день хоть понемножку
Моет мне она окошко.

Нина Фидря
(написано в 3-м классе),
г. Харьков.

Детские фантазии

В песочнице детской
Рассыпан песок:
Солнцем нагретый
Пустыни кусок.
Коснешься ногой —
И привидятся сразу
Барханы пустыни,
Где не был ни разу.
Прикроешь глаза —
И увидишь верблюда:
Навьючен идет он
(Не знаю, откуда).
Погонщик седой
За верблюдом бредет.
Колодец он ищет.
(А вдруг не найдет?)
Кусочек пустыни,
Под солнцем нагретый,
В песочнице детской
Почудился летом.

Инна Вексельман, 14 лет,
г. Ташкент.

*

Дорогие ребята! К нам приходит много писем, в которых задается удивленный вопрос: кто же автор стихотворения «Большие уши», напечатанного в «Кораблике» в № 3? Дело в том, что многие читали это стихотворение Виктора Попова в «Мурзилке». В «Кораблике» же они его увидели за подписью Юры Великанова. Есть чему удивиться. Оказывается, Юра Великанов переписал стихотворение из «Мурзилки», чуть изменив его и поставив под ним свою подпись. Те, кто так делает, стремясь во что бы то ни стало увидеть свою фамилию напечатанной, поступают самым недостойным и глупым образом. Тем более что обман обязательно раскроется и вместо ожидаемой славы принесет позор.

Правда, бывает, наверное, и так, что давно прочитанное и понравившееся стихотворение неожиданно всплывает в памяти, и покажется, что родилось оно только сейчас, в эту минуту, и его автор — ты сам. Но надо хорошенько проверить себя. Пусть этот грустный случай с Юрой послужит уроком другим ребятам.

Редакция «Кораблика»

по сцене бананы, веселую заводилу и славного товарища! Люда даже во сне видела эту роль. Нет, конечно, нехорошо завидовать. Но ведь мечтать можно. Мечтать-то можно?

«Учи роль», — сказал Лев Алексеевич

Что это значит — учить роль в балете? Знать все движения, и не просто знать, а связанно с музыкой. И опять не просто, а в образе, в характере. Играть не вообще обезьяну, а именно эту самую Чичи, неповторимую и единственную. Понять ее радости, ее печали, ее привязанности. А взаимоотношения Чичи с другими героями? Невозможно сыграть свою роль отдельно, надо прочертить линии, их много: Чичи и Доктор, Чичи и злые силы — Бармалей, Разбойники, Варвара, Капитони. И еще: Чичи и другие звери. Она ведь не ко всем одинаково расположена. А как к кому она относится?

— Учи роль, — сказал балетмейстер.

— Я уже немного знаю, — ответила Люда и опять покраснела.

— Вот как? Ну-ка, покажи начало. Арсентий Григорьевич, пожалуйста, музыку.

Музыкальный руководитель студии Арсентий Григорьевич Двейрин всю репетицию сидит за роялем.

Звучит музыка. Люда выскакивает справа. Руки по-обезьяньи мотаются где-то около пола, на лице комичная серьезность. Приг в сторону с подогнутыми ногами, потом в другую. И колесом на руках. Эх ты, обезьяна симпатичная, как хочется тебе получить эту роль!

— Люда, чего ты хочешь больше всего?

Вздыхнула и почти шепотом:

— Чтобы Таня не выздоровела до двадцать пятого.

И очень смутилась.

Стыдно, а не осудишь.

И Люда учит роль. Прыжок с подогнутыми ногами — вправо, прыжок с подогнутыми ногами — влево и колесом на руках.

Уважаемый Бармалей

Нина Никитина играет Лису. Лесная кокетка не забывает, что надо себя показать, не исключено, что делает нахес на хвосте. Себя показать! Но и других посмотреть, и не просто так посмотреть, а на предмет съедобности. Лиса же все-таки! Как показать ее, Лису? Нина искала. И нашла. После вальса остановилась, оглянулась и с умилением на Петуха глядит. Не то чтобы бросаться или кусаться, зачем так буквально! Так глядит, на всякий случай. Свою мысль имеет, свой интерес, и глазки слишком ласковые, и движения мягонькие, волнистые.

Через пять минут эти веселые и счастливые обезьянки выйдут на сцену. Они будут печальны и больны, они не смогут даже подняться с земли, пока их не вылечит доктор Айболит.

Конечно, все танцевальные движения выучены и отработаны до автоматизма. Роль должна быть, как говорят в балете, «в ногах». Артист не думает, какое па он будет делать сейчас, а какое потом. Значит, выучи получше и станцуй хорошо? Нет. Автоматически не создать характер. Драматический актер показывает нам со сцены не то, как хорошо он выучил роль наизусть, тогда бы люди с хорошей памятью были самые лучшие артисты. Артист балета, как и всякий артист, хочет вызвать у нас чувства, мысли, отношение к тому, что он нам показывает. В драме актер имеет в своем распоряжении текст. Здесь лишь движение. Но одно и то же движение может быть исполнено по-разному и прочитано зрителем по-разному.

Лиса танцует хитрость и вкрадчивость — ее прыжки мягкие, движения легкие, осторожные.

А вот они гримируются. Обезьяну Чичи гримирует балетмейстер Лев Алексеевич Симонов.

ные. Собака прыгает резко, сердится и возмущается открыто. И все движения у нее открытые. А вот Кот, Вера Быковская, — совсем другой характер танца. Ласковый, женственный, каждый шаг по сцене делает мягонько, и передние лапы трогательно поджаты. Кто бы мог подумать, что простодушная Собака Ава пострадает от этих шелковых лапок!

Отношение к изображаемому персонажу у исполнителя свое собственное, его никто не продиктует.

Лев Алексеевич ставит задачу:

— Бармалей, понимаешь, Люся, не глупый злодей. Я думаю, он симпатичнее, чем Капитони, у того кнут и трусость, а у Бармалея смелость, отчаянность. Я уважаю Бармалея. Бармалей не старается быть красивым. Широкие, твердые движения, смелые прыжки.

Люся Ячменева — десятиклассница и в студии шестой год. Наверное, когда маленькой девочкой пришла заниматься балетом, видела себя в белой воздушной пачке, танцующей на пальчиках, изящно, грациозно, восхитительно. А вышло: любимая роль — злой разбойник Бармалей. И еще Варвара, лицемерная, мало-приятная особа. Две роли в одном спектакле.

— Наверное, трудно? — спрашиваю я у Люси. — Все-таки две роли в одном спектакле.

— Знаете, не трудно, наоборот, весело.

Люся больше ничего не сказала, она неразговорчива. А Нина — Лисичка подхватила:

— Понимаете, чем больше танцуешь, тем лучше. Спектакль, он такое тебе дает настроение, что хочется все время что-то делать, проявляться, играть. Самое трудное в таком состоянии — не иметь выхода. У нас не только Люся, Лариса Обухова — Аист и Разбойник, тот, что с плешью.

Заглядываю в программу — действительно, одна и та же Лариса. А сыграла так хорошо, что я ее не узнала. Аист, изящный, немного высокомерный и задумчивый. А Разбойник — оголтелый обормот да еще с плешью, да еще эту свою плешь то потирает, озадаченный, то подставляет ее Бармалею, чтобы точил свой изогнутый нож.

А мальчишка всего один на весь балет — Аркаша Кескин. Вернее, был один. Аркаша играет Медведя. Толстый такой медведище. Пришли

лихие времена, он опустил, шкура облезла, пропылился, обносился, валяется под лавкой. Сильный медведь со слабым характером. Аркашу мальчишки дразнили:

— Эх ты, с девчонками связался! Танцы какие-то! Вот футбол — дело мужское. Бросай это!

И он бросил. Не стал ходить на репетиции. В конце концов он парень, его дело решать, чем заниматься. Больно надо с девчонками! Слышит Аркаша: «Айболита» ставят. Ну и пусть! А дома отец упрекает: ничего не можешь серьезно делать, начнешь — бросишь, так люди не живут. Ему хорошо говорить, а там одни девчонки.

Они, девчонки из студии, без мальчишек прекрасно управляют. И Разбойники — девчонки, и Ванечка, и Бармалей. Что же им теперь, пропадать?

Только как-то беспокойно Аркаше. Не то, что стыдно, не то, что скучно, а не забывается балет, не получается независимость. Ходит Аркадий сам по себе, играет в футбол, гоняет с мальчишками. И вдруг поймает себя на том, что думает: «Интересно, получается у Жени вариация, которая тогда не получалась?..» Или еще думает: «Подумаешь, «Айболит». Ну и что, что «Айболит»? Великое дело какое — «Айболит»!»

Хотите знать, чем это кончилось? Не собираюсь вас мучить: в один прекрасный день Аркадий вернулся в студию. Пришел и попросился обратно. На него могли обидеться и не принять. Потому что никто не любит, чтобы его бросали. Но Аркадию повезло: на него не обиделись и приняли. И дали роль Медведя. Когда люди заняты серьезным делом, они не станут сводить мелкие счеты. Хочешь работать — работай, только честно.

Мальчишки опять дразнили Аркашу, а он ничего, потерпел. Пришел день, когда они перестали дразниться. Это был тот самый день, когда шел дождь, а во Дворце культуры была премьера. На афише было написано: «Доктор Айболит. Балет». А в зале не было ни одного пустого кресла. И на сцене плескалось синее, радостное море. Ласточка — Галя Романова врывалась на сцену. Петух смешно выкидывал ноги в красных колготках. А Медведь чинно и важно исполнял свой вполне ответственный медвежий танец. И один мальчишка сказал своей маме:

— Медведь — это Аркашка Кескин, я его знаю. Он с нами в футбол играет. Знакомые мы с ним.

— Тише, мальчик, пожалуйста, тише, — зашептал кто-то сзади.

После балета снова танцы

Когда закончился спектакль, и Айболит всех, кого надо, победил, всех, кого надо, выручил, и все случилось так, как должно было случиться, зрители пошли домой. За кулисами собрались уже не Бармалей и Аист, не Танечка, не Чичи и не Медведь, хотя не был еще снят грим и костюмы были те, в которых играли, но это были уже просто сияющие, счастливые девчонки и один мальчишка. Были большие девочки, которым не удавалось держаться по-взрослому. И маленькие, которые скакали, прыгали, визжали. А потом был торт. И — танцы, такие, как бываю на школьных вечерах: летка-енка, вальс и всякие другие. Премьера — для артистов праздник, а в праздник хочется танцевать.

Но только успех не конец работы, а примерно середина. И опять пошли репетиции, разные переживания. Люсе приходится передавать свои роли другим ребятам. Она кончает школу, кончает студию. Легко ли учить своему, завоеванному, дарить то, что долго искала и нашла? Люся не говорит об этом. Она показывает, как сердится Варвара: сжимает кулаки и вся по-

И снова обезьянки. Опять они веселятся. Айболит вылечил их. Все радуются вместе с ними.

Айболит попал в плен к разбойникам. Бармалей издевается над Айболитом. Но мы-то знаем, кто в конце концов победит.

дается вперед, готовая бить и обижать зверей. После спектакля в студию пришел Саша Прохоров. Он когда-то давно занимался, потом не стал. Но увидел спектакль...

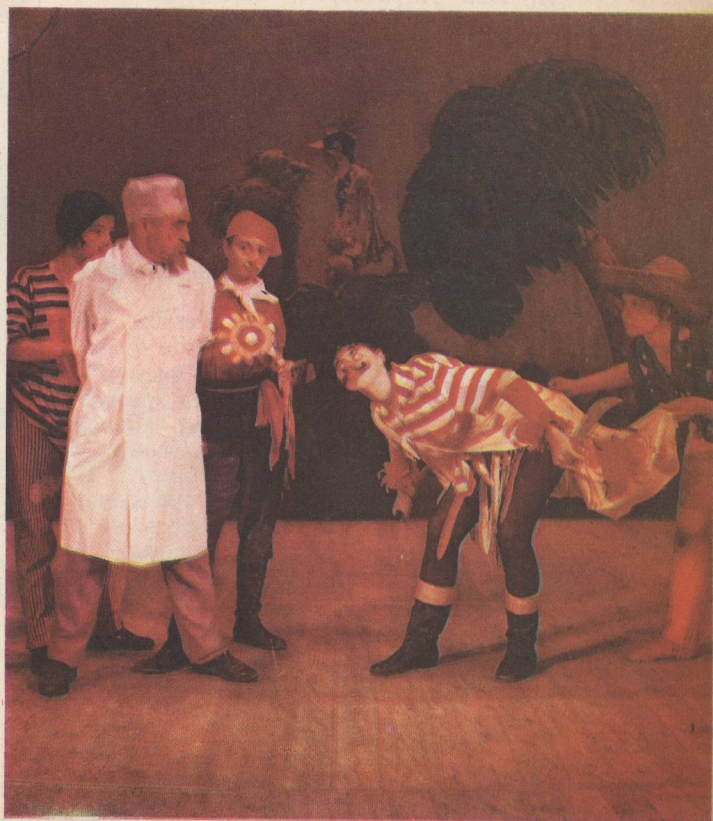
— Знаете, я даже никогда не думал, что так может получиться. Наши все так держатся на сцене, так танцуют!

Саша трясет головой, нет у него слов. А может быть, как все артисты балета, он не привык много говорить.

— Костюм с тобой? — деловито спрашивает Лев Алексеевич. — Давай работать. Попробуем тебя на Капитони.

Саша стоит посреди балетного зала в тренировочном костюме, в мягких тапочках. Зеркало во всю стену. Длинный балетный станок. Маленькая девочка поливает пол из лейки. Началась работа. Что-то новое начинается в Сашиной жизни: до этой минуты он был просто Саша, теперь будет совсем другим человеком — Капитони.

— Он знаешь, какой? — Лев Алексеевич, как всегда, не навязывает готовые решения, а объясняет задачу. Решение надо найти само-

му. — Он, как мальчишка-хулиган, в компании таких же — храбрый, а останется один — трус. У него кнут — он силен. А если Айболит отнимет у него кнут? Тогда Капитони становится смиренным. Ну-ка, пробуй. Когда он трусит. движения мелкие. А так — уверенные.

Что впереди?

Какой коллектив лучше — тот, где все отработано до тонкостей, где невозможна ни одна ошибка, никто никогда не споткнется, не оступится? Или такой, где все может быть — и ошибка и накладка — не от равнодушия или нерадивости, а просто продолжается жизнь, а в жизни бывает всякое? И надо двигаться дальше, искать, иногда радоваться, а иногда и поплакать. Мне больше по душе такие люди и такие коллективы, для которых не все еще окончательно, не все решено. И потому я полюбила этих ребят, с мечтами, с ошибками, с волнением и умением радоваться.

Спектакль «Айболит» получился «на хорошем профессиональном уровне», как сказали специалисты. Что это значит? Задаю этот вопрос Льву Алексеевичу.

— Это когда замысел балетмейстера соответствует техническим возможностям исполнителей.

Интересная какая формула. Значит, лучше сделать простое, но чисто. И оставить запас, чтобы работать не на пределе своих возможностей, а легко, красиво, чтобы зритель чувствовал, что исполнитель может больше, это еще не «потолок».

Ласточка, Галя Романова, когда начались репетиции, сказала:

— Я, Лев Алексеевич, никак не успеваю управиться: музыка быстрая, у меня на каждый такт пируэт. Я с ужасом жду этого места, только о нем и думаю.

— Зачем же нам ужасы, — ответил балетмейстер, — нужна радость.

И переставил танец. Пируэтов стало меньше, танец упростился. Галя освободилась; теперь, когда появляется на сцене Ласточка, все в зале улыбаются: так легко, грациозно, без напряжения танцует Галя.

Руководитель студии, Лариса Михайловна Малышева, говорит ребятам:

— Работать надо так много, чтобы зритель думал, что вам легко. Вот что такое балет.

Может быть, окончив студию, все ребята станут профессиональными артистами? Наверное, нет. Может быть, им этого и не хочется? Ну почему же, некоторым очень хочется. Только никто не знает, как сложится жизнь. Тут важно другое. Несколько лет они ходят в балетные классы. Репетируют спектакль, волнуются, стараются. Никто из них, кем бы ни стал в будущем, не считает, что время пропало зря.

Потому что не может пропасть без следа радость и красота.

ЧУДАК

— так называется новая песня поэта А. Ивахнова и композитора В. Боганова. Надеемся, она понравится тебе.

Мой друг — человек не от мира сего:
Родительский дом ему тесен.
Однажды, к примеру, зову я его
На вечер туристских песен.

ПРИПЕВ:

А он собирает свой рюкзак
И в самом начале лета
За этим же самым идет, чудак,
Куда-нибудь на край света.

Купил я недавно значки городов,
Теперь их немало в продаже...
Елец и Кизи, Волгоград и Ростов,
Великие Луки даже...

ПРИПЕВ.

Магнитную ленту я другу несю,
Занятнее ленты нет в мире.
На кнопку нажмешь — и как будто в лесу,
Поют соловьи в квартире.

ПРИПЕВ.

Хочу я космическим штурманом стать,
Слетать во Вселенную мне бы...
Вот только не знаю я, где бы достать
Подробную карту неба?

ПРИПЕВ.

А может быть, взять и мне рюкзак
И в самом начале лета
За этим же самым, как тот чудак,
Отправиться на край света?

подвижно

1. Мой друг — че. ло. век не от.

...ми. ра се. го: ро. ди. тельский дом е. му те. сен. Од. наж. ды, к при. ме. ру, зо.

ПРИПЕВ

...ву я е. го на ве. чер ту.рист.ских пе. сен. А он со.би.ра.ет

свой рюкзак и в са.мом на.чале ле. та за э. тим же са.мым и.

...дет, чу.дак, ку. да-ни.буду на край све. та в. Ку.

ПЕППИ ДЛИННЫЙ ЧУЛОК

ДРУГИЕ
СТРАНЫ

ШВЕЦИЯ

Веселое представление про удивительную девочку, которую выдумала шведская писательница Астрид Линдгрен.

Если вы читали повесть про Пеппи, пусть вас не удивляет, что в пьесе все происходит совсем не так, как в книге. Такая уж странная девочка эта Пеппи — она не может дважды вести себя одинаково.

Действующие лица:

ПЕППИ
ТОММИ
АННИКА } дети

ПОЛИЦЕЙСКИЙ
ДИРЕКТОР ЦИРКА

ДЖИМ
БУК } клоуны

ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ — чемпион мира

ПАПАША БЕНГТ — кузнец
МОРОЖЕНЩИЦА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На полосатом бело-голубом столбе две противоположно направленные стрелы указателя. На одной написано «Швеция», на другой — «Другие страны». Раздается удар бича, на сцене вспыхивает полный свет, и под бравурные звуки флейты и барабана из «Других стран» появляется цирковая кавалькада. Впереди шествует ДИРЕКТОР цирка с бичом в руке. Он в цилиндре, фраке и в сапогах с кисточками. За ним — СИЛАЧ в голубом трико с блестками и с лентой, увешанной медалями. В каждой руке он несет многопудовые гири и время от времени делает атлетические упражнения. За СИЛАЧОМ следуют музыканты — флейтист и барабанщик, а если позволит возможности театра, то и танцовщицы. Замыкают шествие два клоуна — ДЖИМ и БУК. ДЖИМ — белый, в высокой, похожей на сахарную голову шапочке, а БУК — рыжий, в парике с поднимающимися золотыми. Клоуны на лямках тащат фургончик с надписью «ЦИРК СТЕФЕНСЕНА. СМЕХ ДЛЯ ВСЕХ». Из окна фургона вылезает тигриная морда, а через отверстие в крыше вылезает голова и хобот слона. Слон то и дело поднимает хобот и трубит, взметывая в воздух бумажные цветы. Музыканты играют.

ДИРЕКТОР. Уважаемые дамы и господа, спешите скорее сюда! Вечером огнями зальется арена знаменитого цирка Стефенсена! Впервые в мире новый аттракцион — чудо природы математик-слон!

Слон кланяется.

Детям на радость, взрослым на потеху выступают непревзойденные короли смеха! Всемирно известные клоуны Джим и Бук будут колотить друг друга не покладая рук.

Клоуны кувыркаются и колотят друг друга.

В здоровом теле — здоровый дух! Выступает Грегора Блумстерлунда, по прозвищу Индийский Петух! Невиданный силач, тяжелый атлет, съедает в обед двадцать пять отбивных котлет, выпивает ведро апельсинового сока, подбрасывает пятипудовые гири высоко, ловит их лбом, отбивает бедром, играет, как мячом, чугунным ядром!..

Силач играет гирями.

А в заключение нашей программы, почтеннейшие господа и дамы, чемпион вызовет зрителей на бой. Бороться с ним может любой. Кто положит Индийского Петуха животом вверх, лопатками вниз, получит невиданный приз. Весь сбор от представления — двести крон — победителю Индийского Петуха!..

И пока кавалькада движется, пограничный столб уезжает налево, а справа выезжает столб-указатель с двумя стрелками. На одной написано «Школа», а на другой — «Вилла «Курица». Появляется ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Здравствуйте, господин полицейский! Цирк Стефенсена осчастливил ваш маленький город своим прибытием. А что за странное название — вилла «Курица»?

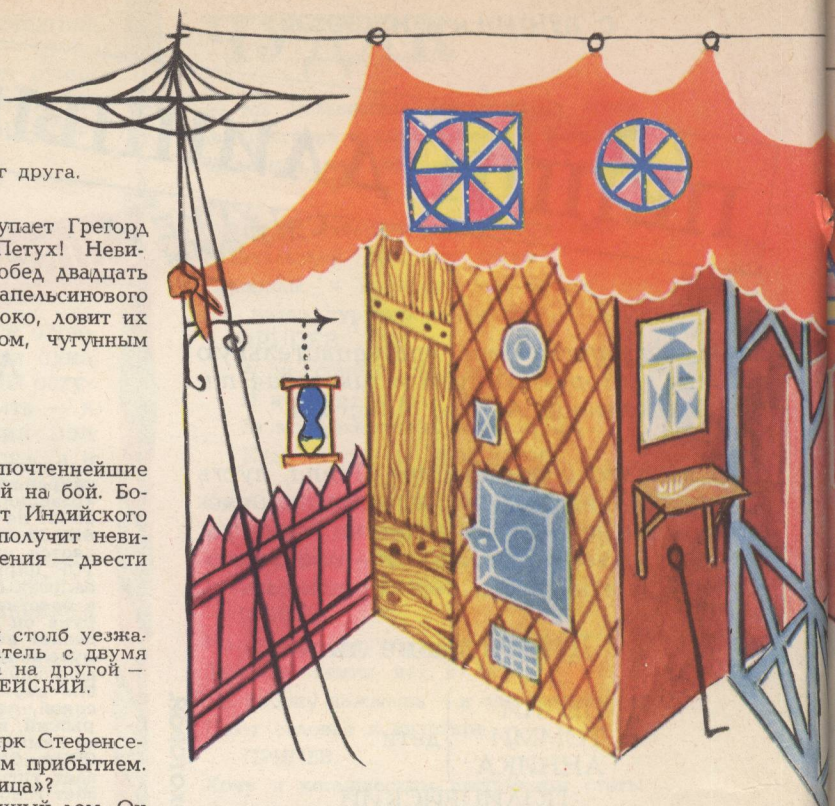
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это прекрасный старинный дом. Он принадлежит знаменитому мореплавателю капитану Длинныйчулок, по прозвищу Гроза Морей. Правда, капитан купил этот дом и тут же отправился в кругосветное плавание. Ходили даже слухи, что однажды в шторм его смыла с капитанского мостика огромная волна и он утонул.

ДИРЕКТОР. Значит, в этом доме никто не живет?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Дом пустует, господин директор.

ДИРЕКТОР. И там нет никаких детей?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. К сожалению, нет. Но по соседству есть дети. И они ходят туда играть.

ДИРЕКТОР. Я ненавижу детей. Но публика, к счастью, их любит, и с этим приходится считаться. Публика обожает маленьких акробатов, маленьких клоунов, маленьких дрессировщиков диких зверей. Но для того, чтоб дети стали акробатами или дрессировщиками, их самих надо хорошенько дрессировать. Ха-ха-ха! (И он щелкнул бичом.) Решено, я куплю эту виллу! Я устрою здесь питомник маленьких циркачей. Я свезу сюда голых маленьких детей со всего света: и белых, и черных, и желтых. И уж я их выдрессирую, будьте уверены!.. Это говорю вам я, директор цирка Стефенсен!..

ДИРЕКТОР еще раз щелкнул бичом, и кавалькада, сопровождаемая ПОЛИЦЕЙСКИМ, ушла со сцены. Между рядами зрительного зала пробиралась девочка. Волосы ее, цвета морковки, были заплетены в две тугие косички, торчавшие в разные стороны, нос походил на крошечную картофелину. На девочке было синее платье, но так как синей материи у нее, видно, не хватило, она вшила в него кое-где красные лоскуточки. На ногах у девочки были чулки разного цвета: на правой — коричневый в полоску, а на левой — черный. Огромные туфли едва не сваливались с ног. Девочка тащила большой, тяжелый чемодан и кастрюлю. Она пробиралась между рядами и вступала в разговор со зрителями.

ПЕППИ. Ну чего ноги вытянул, как жирафа! Пройти нельзя!.. Кто-нибудь из вас может прочитать, что написано на этих стрелках?.. Да вы что, с ума, что ли, сошли? Чего вы все орете!.. Я скамандую «гей-гоп», а вы прочтите, что написано на этой стрелке. Гей-гоп!..

ДЕТИ. Школа!

ПЕППИ. Нет, туда я не пойду. Охота была двойки получить. А на этой?

ДЕТИ. Вилла «Курица»!

ПЕППИ. Вилла «Курица»? Вот туда-то мне и надо. Потому что это мой собственный дом. Его купил мой отец капитан Длинныйчулок. Когда штормовая волна сбила моего папу с капитанского мостика и он пропал без вести, я решила поехать сюда. А с собой взяла только этот чемодан и кастрюлю. Да, давайте познакомимся. Я скажу «гей-гоп», и каждый из вас назовет свое имя. Ну, разом. Гей-гоп!.. Очень приятно. А меня зовут Пеппи-лота-Виктуалина-Рольгардина, дочь капитана Эфрояма Длинныйчулок, прежде Грозы Морей, а теперь короля, потому что я уверена, что, мой папа жив, что он выплыл и попал на какой-нибудь остров, стал там королем и день-деньской рассказывает с злого-

ТОММИ и АННИКА вслед за ПЕППИ взобрались через перила на террасу.

ПЕППИ. А вы кто такие?

ТОММИ. Мы команда.

ПЕППИ (изумленно). А как вы сюда попали?

АННИКА. Мы пришли вместе с тобой.

ПЕППИ. Этого не может быть. Я никогда не вожу к себе в дом незнакомых людей. А с вашей стороны нехорошо являться без приглашения. Куда же вы уходите? Давайте познакомимся, и я тут же приглашу вас в гости. Я даже не знаю, как вас зовут.

АННИКА (сделала книксен). Меня зовут Анника. А это мой брат.

ТОММИ (шаркнул ножкой). Томми.

ПЕППИ. Какие вы невоспитанные дети! Вас, видно, не учили правилам хорошего тона. Разве так знакомятся? АННИКА. А как?

ПЕППИ. Вежливее всего знакомятся на Апеннинском острове.

ТОММИ. Никакого Апеннинского острова нет. Есть Апеннинский полуостров.

ПЕППИ. Странно. А куда же делась другая половина? Бедный, бедный Апеннинский остров. Его вторую половину, наверно, отгрызли акулы, и он стал полуостровом. И это не удивительно, потому что там такая сладкая земля, что с ней можно пить чай вприкуску.

ТОММИ. А как здороваются на Апеннинском полу... то есть, я хотел сказать, острове?

ПЕППИ. Очень просто. Надо перекувырнуться через голову и при этом быстро сказать свое имя. Вот так: Пеппи!.. А потом протянуть друг другу правую ногу и вежливо ткнуться пятками.

ТОММИ и АННИКА перекувырнулись, назвали себя и протянули пятки.

Вот теперь мы знакомы. Милости прошу вас, дорогие гости, на завтрак. Вы знаете, что в этой кастрюле? Блины! Я привезла с собой горячие блины. Только где мы их будем есть?

АННИКА. Как где? За столом.

ПЕППИ. А на чем же мы будем сидеть?

АННИКА. На стульях.

ПЕППИ. Попробовала бы ты предложить это где-нибудь вблизи вулкана Попокатецетль! Одну девочку, такую же беленькую, как ты, однажды пригласили туда на обед, и она — вот точно как ты — предложила есть за столом. Все стали так хохотать, что она поняла, что сморозила глупость, и так покраснела, что осталась краснокосой на всю жизнь.

ТОММИ. Тогда давайте сядем на стол, а есть будем на стульях.

ПЕППИ (строго). Хорошеньким вещам тебя учат твои папа и мама, нечего сказать. Хотела бы я поглядеть на твою бабушку, которая сидит на столе, а ест на стуле. У нее же голова опустится ниже колен, и ей придется локтями упираться о стол, а все знают, что класть локти на стол неприлично.

АННИКА (растерянно). Что же нам тогда делать?

ПЕППИ. Завтракать, как все люди. Влезть на дерево, развесить блины на ветках и хватать их ртом. Тогда тебе никто не сможет сказать, что ты берешь блины немытыми руками.

ПЕППИ ловко взобралась на дерево, ТОММИ подсадил АННИКУ, и вскоре все расселись и принялись за завтрак.

той короной на голове. Запомнили, как меня зовут? Но это произносить очень долго, поэтому зовите меня просто Пеппи... Ну что ж, посмотрим, как выглядит моя вила «Курица».

ПЕППИ (пытится, наткнулась на виллу и ощупывает ее руками). Шалаш?.. Нет... Нора?.. Нет... Гора?.. Тоже нет. Что же это?..

«Это вила «Курица», — сказали в один голос появившиеся в этот момент ТОММИ и АННИКА.

АННИКА. Тут никто не живет.

ПЕППИ. Вот и не угадала. Здесь живу я. Это мой дом. Только я его еще не видела.

ТОММИ. А почему ты пятишься, как рак?

ПЕППИ. Каждый человек может ходить как ему вздумается. На острове Борнео все так ходят, и никого это ни капельки не удивляет.

ТОММИ. Откуда ты знаешь? Ты ж там не была.

ПЕППИ. Я не была? А кто ж там был, если не я? Может, ты? Или, может, она?

АННИКА. Нет, мы там не были.

ПЕППИ. Вот вы не были, а я была. Интересно, что бы ты сказал, если бы я пошла на руках, как ходят все на Огненной Земле?

ТОММИ. А почему там ходят на руках?

ПЕППИ. Земля-то огненная, и ногам горячо.

ТОММИ. А рукам не горячо?

ПЕППИ. На руки можно подуть. А попробуй подуй на ноги. Ну, попробуй, попробуй... Вот видишь!

АННИКА. Все ты врешь, девочка.

ПЕППИ (печально). Верно, вру. Ну и что? В Гваделупе нет ни одного человека, который не врет. Если ребенок говорит правду, его там строго наказывают: ставят в угол и называют правдецом. А я там долго жила, и меня никогда не ставили в угол. Меня там хвалили и говорили: «Какая ты примерная лгунья, ты никогда не говоришь правду». А теперь не мешайте, я должна осмотреть свой дом. (Скомандовала себе: «Гей-гоп!..» Повернулась.) Ничего. (Обращаясь к залу.) Ну, как вам нравится мой дом?.. Здесь есть все, что нужно человеку. Есть чердак, на котором можно играть в прятки, крыша, с которой зимой можно скатываться на санках, терраса, которую можно превратить в отличную яхту. Гей-гоп! Яхта отчаливает! Команда, по местам!

ПЕППИ. После завтрака хорошо бы поесть мороженого. По сто порций, я думаю, нам хватит?

АННИКА. Я за всю жизнь, наверное, не съела ста стаканчиков мороженого.

ПЕППИ. Какая же ты лентяйка! За всю жизнь не съесте ста стаканчиков! Чем же ты занималась всю свою жизнь? Стыдно так бездельничать!

АННИКА. Ну, два стаканчика я, пожалуй, съем.

ПЕППИ. Всего два стаканчика? Это за себя. А за других?

АННИКА. Как за других?

ПЕППИ. Видишь, какая ты эгоистка. А за маму, за папу, за дедушку, за бабушку? Что они, сами, что ли, должны за себя есть? А за дядю? У тебя есть дядя?

ТОММИ. Ладно. За дядю Кристера я съем. И за тетю Гунилу тоже. И еще один я съем за щенка Бимбо.

ПЕППИ. За папу и маму вы будете есть по одному стаканчику? Крепко же вы любите своих родителей! Они вас воспитывают, одевают, обувают, а вы за них можете съесть только по одному стаканчику? Вот я съем за моего папу девяносто девять стаканчиков! Потому что я люблю своего папу в девяносто девять раз больше, чем вы. Еще один я съем за Карлсона, который живет на крыше, и один за матроса Фридольфа, потому что, когда мы плавали в Антарктике, он за мое здоровье съел двести семьдесят один стаканчик.

ТОММИ. Вы ели мороженое в Антарктике? Но там же очень холодно!

ПЕППИ. А он ел так быстро и так старался, что вспотел, и ему стало жарко. Пришлось для охлаждения купить ему еще один стаканчик мороженого. Значит, сколько у нас там всего получается?

ТОММИ. Сто один стаканчик тебе, два Аннике, а мне семь... Нет, восемь: за себя, за маму, за папу, за бабушку, за дедушку, за дядю Кристера, за тетю Гунилу и за щенка Бимбо.

ПЕППИ. Сколько же будет всего?

ТОММИ. Сто один да два... Сто три... И восемь моих... Сто одиннадцать.

ПЕППИ. А как же узнать, сколько нужно денег?

АННИКА. Всего девять крон и девяносто девять эре.

ПЕППИ. Ставлю вам по пятерке. Если ответите еще на один вопрос, будете совсем молодцы! Где достать эти деньги?.. Тс-с-с-с!

И ребята скрылись в листве, потому что у дома появился ДИРЕКТОР цирка.

ДИРЕКТОР. Хелло! Есть кто-нибудь в доме?! Никого... Впрочем, так и должно быть. Полицейский мне сказал, что дом пустует... Ну что ж, участок неплох. Деревья, конечно, придется вырубить, чтобы мои противные маленькие ученики не могли отдыхать в прохладной тени ветвей. Пусть солнце вышибает из них три пота, а я своим бичом буду вышибать из них лень и непослушание. Траву придется вытоптать: весь участок я залью асфальтом, чтобы им было больнее падать. Тогда они не будут лениться и срываться с трапеций! Я буду стоять посреди асфальтированной площадки, и все у меня будет как на ладони. Никто не сможет спрятаться ни за дерево, ни за кустик... Да, а что делать с домом?.. Ну, дом, конечно, нужно сломать. А из досок я построю высокий, глухой забор, чтоб не было слышно стонов и плача детей...

«Прекрасная мысль...» — раздалось сверху, и с дерева прыгнула рыжая девочка. ТОММИ и АННИКА выглядели из-за веток.

ПЕППИ. Приступим немедленно. (Она подошла к дому и с треском оторвала одну из досок.)

ДИРЕКТОР. Что ты делаешь, скверная девочка?

ПЕППИ. Ломаю дом. Чтоб вы могли построить высокий, глухой забор. Томми, Анника, слезайте!

ДИРЕКТОР. Тьфу! Здесь, оказывается, полно детей. Вы здесь живете?

ТОММИ. Нет, мы живем по соседству.

АННИКА. Но мы ходим сюда играть.

ДИРЕКТОР. Этому я быстро положу конец. Я не позволю детям бегать вблизи моего циркового питомника. Нет ничего противнее детей.

ПЕППИ. Зато вы красавец! Знаете, что общего между вами и мной?

ДИРЕКТОР. Между мной и тобой? Надеюсь, что между мной и тобой ничего нет общего.

ПЕППИ. Ошибаетесь. Оба мы пригожи, на свинью похожи, только, чур, не я!

ДИРЕКТОР. Наглая девчонка! Вон с моего участка!

ПЕППИ. А разве это ваш участок?

ДИРЕКТОР. Мой. Я его покупаю.

ПЕППИ. Но вы его еще не купили.

ДИРЕКТОР. Не купил, потому что нет хозяина. Он в отъезде.

ПЕППИ. А вот и нет. Хозяйка есть. Она уже приехала.

ДИРЕКТОР. Ах, так? Здесь не хозяин, а хозяйка? Тем лучше! (Он вытащил щетку и приглажал волосы.) С женщиной всегда легче договориться. Они ничего не понимают в делах. Она молода?

ПЕППИ. Нет, что вы. Это очень старая дама. Ее зовут Пеппилота-Виктуалина-Рольгардина по отчеству Эфроимовна и по фамилии Длинныйчулок.

ДИРЕКТОР. А ты не знаешь, за сколько она согласится продать этот дом?

ПЕППИ. Конечно, знаю. За девять крон и девяносто девять эре. Она попала в затруднительное положение, и ей нужно ровно столько денег.

ДИРЕКТОР (обрадованно). Девять крон девяносто девять эре? Вместе с участком?

ПЕППИ. Уж не хотите ли вы взять дом, а участок оставить ей? Хорошо ли так обманывать бедную старушку Пеппилоту-Виктуалину-Рольгардину Эфроимовну по фамилии Длинныйчулок! И что она будет делать с пустым участком, когда на нем уже не будет дома?

ДИРЕКТОР. Нет, отчего же. Я возьму и участок.

ПЕППИ. По рукам! Давайте деньги.

ДИРЕКТОР. Сожалению, денег у меня при себе нет. Я директор цирка. Моя фамилия Стефенсен.

ПЕППИ. Очень приятно. Пеппи. (Перекувырнулась и протянула ДИРЕКТОРУ ленточку.)

ДИРЕКТОР (в ужасе отскочил). Фу!

ПЕППИ. Если у вас нет денег, на что же вы купите дом?

ДИРЕКТОР. Сегодня у нас представление, я получаю деньги и расплачусь со старушкой.

ТОММИ. Но на афише написано, что весь сбор пойдет вовсе не вам, а тому, кто положит на обе лопатки Индийского Петуха.

ДИРЕКТОР (расхохотался). О святая простота! Мой Индийский Петух — чемпион мира. Ни в Дании, ни в Греции, ни в Турции, ни в Швеции никому еще не удавалось его одолеть. Можете считать, что деньги уже звенят в этом кошельке. После представления ваша Рольгардина, или как ее там, получит свои девять крон и девяносто девять зре. А завтра утром я принесу пилу и спилю этот дуб. Так ты не забудь, девочка, предупреди хозяйку, чтобы к концу представления она явилась за деньгами. По этому билету ее пропустят в цирк, и она сможет посмотреть представление.

ПЕППИ. Но она очень старенькая. Она не может ходить одна. Чтоб она шла вперед, один человек должен тянуть ее за руку, а другой подталкивать сзади. Мы это с удовольствием сделаем, но для этого нам нужны еще два билета.

ДИРЕКТОР. Это уж слишком!

ПЕППИ. Как хотите. Тогда сделка не состоится.

ДИРЕКТОР. Ненавижу детей! Ну хорошо, на тебе еще два билета.

ДИРЕКТОР вручил ПЕППИ билеты и ушел, пританцовывая и напевая песенку.

Я ненавижу детей,
Но как хорошо, что есть дети,
Их так легко обмануть,
А я так люблю обманывать.
Я обманываю тебя,
Ты обманываешь его,
Он обманывает нас,
Мы обманываем вас,
Вы обманываете их,
Они обманывают всех,
А в выигрыше остаюсь я,
Потому что я замечательный обманщик.

АННИКА. Ой, Пеппи, что ты наделала? Зачем ты продала дом?

ПЕППИ. Но нам же надо купить мороженое.

АННИКА (заплакала). Не нужно мне никакого мороженого, если этот противный дядька устроит здесь пироманья и будет мучить маленьких детей!

ТОММИ. Раз ты такая, Пеппи, мы вообще не будем с тобой водиться.

ПЕППИ. Нет, будете!

АННИКА и ТОММИ. Нет, не будем!

АННИКА. Вот увидишь, завтра он придет, сломает дом и начнет строить свой ужасный забор.

ПЕППИ. Завтра — завтра, а сегодня — сегодня. (Напевает, подражая ДИРЕКТОРУ.) «Я обманываю тебя, ты

обманываешь его...» А вдруг он так заобманывается, что возьмет да и обманет самого себя? С обманщиками такое бывает. И вообще вечер еще не настал, в цирк мы еще не ходили и не знаем, что там случится. Как любят говорить в Японии: «Вечер утра мудренее».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене украшенный рекламами цирк. Оттуда доносятся музыка, смех, аплодисменты — идет представление. У входа — ДИРЕКТОР.

ДИРЕКТОР. За этой афишей — арена знаменитого цирка Стефенсена. Хотя представление уже и идет, каждый, кто имеет билет, тот войдет. Обратите внимание! Не проходите мимо! Сейчас на арене разыгрывается пантомима. Кровь леденеет в жилах, в ужасе замирают сердца во время трагедии под названием «Дочь зверя-отца!»...

На сцене появилась ПЕППИ. Она замотана в полосатую скатерть и изображает старушку. В руках у нее чемодан. ТОММИ тянет ПЕППИ спереди, АННИКА толкает сзади. Они поют.

ПЕППИ.левой, правой, левой, правой...

ТОММИ. Я старушку Пеппилоту

потяну, потяну...

ПЕППИ.левой, правой, левой, правой...

АННИКА. Я старушку Пеппилоту

подтолкну, подтолкну...

ПЕППИ.левой, правой, левой, правой...

ТОММИ. Мы с старушкой Пеппилотой

в цирк идем, в цирк идем...

ПЕППИ.левой, правой, левой, правой.

АННИКА. Дом старушки Пеппилоты

продаем, продаем.

ДИРЕКТОР. Добрый вечер, многопочтенная фрау Пеппилота-Виктуалина-Рольгардина. А я уж боялся, что вы меня обманете и не придете.

ПЕППИ (старушечьим голосом). Что вы, что вы! Разве можно обмануть такого великолепного обманщика, как вы!

ДИРЕКТОР. Ваша правда, глубокочтимая сударыня. Это еще никому не удавалось.

ДИРЕКТОР грациозно изогнулся и поцеловал ПЕППИ руку. ТОММИ и АННИКА фыркнули. ПЕППИ толкнула ДИРЕКТОРА рукой в нос, тот отпрянул и чихнул.

Надеюсь — апчхи! — вы не изменили своего решения — ап-апчхи! — продать мне вашу — ап-ап-апчхи! — виллу с идиотским названием «Курица» — а-а-а-а-апчхи! — простите великодушно.

ПЕППИ. Нет, я никогда ничему не изменяю. Я только сама изменяюсь.

ДИРЕКТОР. Что вы хотите этим сказать?

ПЕППИ. Ничего. Просто так. К слову пришлось.

ДИРЕКТОР. А зачем, позволите полюбопытствовать, вы пришли в цирк с чемоданом?

ПЕППИ. Чтобы спрятать деньги. Вы же посулили мне очень большую сумму.

ДИРЕКТОР. Ничего я не сулил! Мы договорились об очень маленькой сумме... То есть... Ап-апчхи!

ПЕППИ. Будьте здоровы, как корова.

ДИРЕКТОР. Что за странное пожелание!

ПЕППИ. В Индии коровы — священные животные. И там это считается самым вежливым пожеланием.

ДИРЕКТОР. Но вернемся к нашим денежным делам. Мы договорились, что я вам вручу за вашу развалюху...

ПЕППИ. На каком это языке прекрасная новая вилла называется «развалюхой»? На языке обманщиков?

ДИРЕКТОР. Простите, за вашу виллу — девять крон девяносто девять зре.

ПЕППИ. Именно эту огромную сумму я и назвала. На нее можно купить сто одиннадцать порций мороженого!.. Я только беспокоюсь, поместится ли столько денег в моем чемодане — он и без того набит сокровищами. Давайте деньги.

ДИРЕКТОР. С вашего разрешения, многолюбезная сударыня, я вручу их вам тотчас после представления. По существующим правилам во время схватки Индийского Петуха с желающими из публики деньги должны находиться у третейского судьи. Но как только Индийский Петух положит своих противников на обе лопатки, девять крон и девяносто девять эре будут вашими, а вилла «Курица» — моя. Ап-ап-апчхи!..

ПЕППИ. Как вы ловко чихаете! Дайте-ка я попробую. Ап-ап-апчхи!..

ДИРЕКТОР. Будьте здоровы, как... как... как кто?.. Ах, да, вспомнил! Как лошады!.. Прошу вас, сударыня!..

Он подхватил край занавеса — открылась арена и зрители вокруг нее. Два КЛОУНА, изнемогая от тяжести, одну за другой вынесли на манеж три огромные чугунные гири.

ДИРЕКТОР. Чемпион мира! Непобедимый силач Грегор Блумстерлунд, по прозвищу Индийский Петух!

Грянул марш, и на манеже появился ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ. Он снял халат и широкую голубую ленту, увешанную медалями, и передал их почтительно склонившемуся ДИРЕКТОРУ. Чемпион мира демонстрировал игру мышц, выжимал и подбрасывал чугунные гири.

Индийский Петух поднял три пуда!.. Индийский Петух поднял шесть пудов!.. Индийский Петух поднял девять пудов!..

КЛОУНЫ втащили на манеж наковальню, ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ опустился на колени, помолился по-восточному и лег навзничь. Наковальню взгромоздили ему на грудь, ДИРЕКТОР и КЛОУНЫ принялись изо всех сил лупить по ней огромными кувалдами. Затем ИНДИЙСКОГО ПЕТУХА опутали цепями, цепи замкнули на большой амбарный замок, барабанщик забил дробь, силач напряг мышцы и под изумленный вздох зрителей разорвал сковывавшие его цепи. Цирк аплодировал.

ДИРЕКТОР. Чемпион мира, непобедимый силач Грегор Блумстерлунд, по прозвищу Индийский Петух, готов помериться силами с любым желающим! Награда смельчаку, победившему чемпиона, — весь сбор от сегодняшнего представления: двести крон! (Поднял ларец, украшенный сияющими камнями.) Прошу вас, господин Полицейский, как представителя власти, быть беспристрастным арбитром предстоящего поединка.

Все опять зааплодировали. ПОЛИЦЕЙСКИЙ встал, отдал честь и вышел на арену. ДИРЕКТОР вручил ему ларец.

Есть ли желающие помериться силами с Индийским Петухом?

Все молчали. ПЕТУХ воинственно расхаживал по арене и пыхтел.

Считаю до трех. Раз... два... Два с половиной...

БАРАБАНЩИК ударами отмечал счет.

Похоже, что весь сбор останется в кассе цирка... Два и три четверти...

И тут на манеж вышел папаша БЕНГТ.

ПЕППИ (шепотом). Кто это?

ТОММИ. О, это наш кузнец папаша Бенгт, самый сильный человек в городе. Он ломает подковы и в трубочку сворачивает двадцатизеровые монетки.

ПЕППИ. А кто ж их потом разворачивает?

АННИКА. Никто. Он их продает по тридцать пять эре за штуку.

ПЕППИ (укоризненно). А мог бы и разогнуть. Матрос Фридольф разгибал якоря.

АННИКА. А кто ж их потом сгибал обратно?

ПЕППИ. Я.

ТОММИ. Брось врать.

ПЕППИ. Честно!

КУЗНЕЦ на манеже сбросил куртку и закатывал рукава рубашки.

ДИРЕКТОР (удивленно). Вы собираетесь бороться с самим Индийским Петухом?

КУЗНЕЦ. Попробую.

ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ, освобождая место для борьбы, стукнул ногой по гире. Чугунная гиря, как мячик, отлетела в сторону.

БУК. Мы будем играть в футбол? Берегись, я забью тебе гол!

Подбежал, замахнулся ногой и стукнул по гире. Гиря не сдвинулась с места. БУК завыл от боли и, поджав ногу, ускакал с манежа.

ДИРЕКТОР. Вы понимаете, с кем вы собираетесь бороться?

КУЗНЕЦ. Попытка не пытка.

ДИРЕКТОР. Ну что ж. Пеняйте на себя. (Громко.) Борьба без времени и без пощады, до полной победы. Приз — двести крон! Чемпион мира Индийский Петух — чемпион города папаша Бенгт. Бойцы готовы?.. Схватка начинается! (И дал знак оркестру.)

ПЕППИ, ТОММИ и АННИКА. Давай, папаша Бенгт!.. Жми!!.. Дави его!..

Не прошло и минуты, как КУЗНЕЦ навзничь лежал на земле, притиснутый коленями чемпиона мира. ПОЛИЦЕЙСКИЙ удостоверил победу и поднял руку ИНДИЙСКОГО ПЕТУХА. Папаша БЕНГТ смущенно удалился с арены.

ДИРЕКТОР. А сейчас Индийский Петух выпьет ведро апельсинового сока!

КЛОУНЫ вынесли ведро. ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ поднял его, запрокинув голову, залпом осушил и показал пустое ведро зрителям. Оркестр сыграл туш.

ТОММИ. Что делать, Пеппи? Деньги остались у него. ПЕППИ. Ага. Пока у него.

ТОММИ. Сейчас он тебе отдаст девять крон и девяносто девять эре, а завтра начнет свозить в свой ужасный питомник маленьких детей.

АННИКА. И беленьких, и черненьких, и желтеньких... Ой, какой ужас!..

ТОММИ. А мы будем спокойно сидеть и есть мороженое!

ПЕППИ. Ага. Мы будем спокойно сидеть и есть мороженое. Впрочем, если ты хочешь, ты можешь бегать. В Сингапуре все едят мороженое на бегу... Но это, конечно, шутка. А теперь я перестала шутить. Посмотри-те мне в глаза. Ну, что вы там видите?

ТОММИ. Ничего.

ПЕППИ. И ты ничего?

АННИКА. И я ничего.

ПЕППИ. Тогда вам надо купить очки. Потому что вы слепые дети.

ТОММИ. А что мы должны видеть?

ПЕППИ. Мою решимость. Я твердо решила не оставлять в руках этого злодея денег. Ни одного эре! Понимаете? Ни одной самой маленькой монетки! И он никогда не построит своего питомника для дрессировки детей.

ДИРЕКТОР. Итак, сбор остался в кассе цирка. Представление окон...

Но тут вскочила ПЕППИ.

ПЕППИ (старушечьим голосом). Почему окончено? Я тоже хочу немножко побороться с Индийским Петухом.

Все расхохотались. ПЕППИ вышла на манеж.

ДИРЕКТОР. Вы действительно хотите бороться с чемпионом мира?

ПЕППИ. А чего особенного? Вы же сказали: «Чемпион вызывает на бой, бороться с ним может любой». Я, правда, не любой, а любая, но ради такого случая можно и пожертвовать рифмой.

ДИРЕКТОР. Ну что ж, уважаемая фру Пеппилота, это ваше право.
ПЕППИ. Право, лево... (Запела.)
Право, лево, право, лево,
Вот старушка Пеппилота в бой идет, в бой идет.
Сейчас старушка Пеппилота приз возьмет, приз возьмет.

И тут расхохотался даже невозмутимый ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ.

ДИРЕКТОР. Борьба без времени и без пощады до полной победы! Приз — двести крон! Чемпион мира Индийский Петух — достопочтенная фру Пеппилота-Виктуалина-Рольгардина Длинныйчулок! Бойцы готовы?.. Схватка начинается. (И дал знак оркестру.)

ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ небрежно толкнул ПЕППИ в плечо. ПЕППИ ответила тем же. ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ пошатнулся. Тогда он толкнул ее сильнее. И ПЕППИ толкнула сильнее. ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ отлетел. Тогда чемпион схватил ПЕППИ и перебросил ее через себя. И ПЕППИ схватила ИНДИЙСКОГО ПЕТУХА и тоже перебросила через себя.

ТОММИ (выскочил на авансцену). Кричите все: Да-вай, Пеппи!.. Да-вай, Пеппи!.. Ну, все, все!.. Да-вай, Пеп-пи! Да-вай, Пеп-пи!..

Чемпион мира, сраженный, повалился на арену. ПЕППИ прижала его коленкой. ПОЛИЦЕЙСКИЙ засвидетельствовал туше: ГРЕГОР БЛУМСТЕРЛУНД лежал на обеих лопатках. ТОММИ, АННИКА и другие зрители аплодировали. ПОЛИЦЕЙСКИЙ поднял руку победительницы.

ДИРЕКТОР (схватился за голову и забормотал).
Какой позор, какой позор!..
Пропал весь сбор,
Пропал весь сбор!..
Где мой питомник?
Где моя вилла «Курица»?!

ПЕППИ. Твой питомник — тю-тю! Про виллу «Курица» спроси своего Индийского Петуха!

ДИРЕКТОР с кулаками набросился на ИНДИЙСКОГО ПЕТУХА. Но ИНДИЙСКИЙ ПЕТУХ отшвырнул его так, что ДИРЕКТОР вылетел за форганг. А по цирку шла МОРОЖЕНЩИЦА.

МОРОЖЕНЩИЦА. Мороженое! Мороженое! Фруктовое — девять эре, молочное — тринадцать эре, пломбир в вафельных стаканчиках — девятнадцать эре, «ленинградское» — двадцать две эре...

ПЕППИ (бросилась к МОРОЖЕНЩИЦЕ и протянула ей ларец). Дайте на все!

МОРОЖЕНЩИЦА. На двести крон мороженого?! Это же две тысячи порций! Столько я продаю за целый год!

ПЕППИ. Вот и отлично! Получите деньги и в течение целого года раздавайте мороженое всем детям, кто захочет!

КОНЕЦ

Е. ВЕЛТИСТОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ГЛАВЫ
ИЗ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
ПОВЕСТИ

Рэсси — неуловимый друг

Тот, кто читал повесть «Электроник — мальчик из чехмодана», уже знаком с рассеянным профессором Громовым, который изобрел электронного мальчика, необыкновенно похожего на семиклассника Сыроежкина. Блестящий математик, ловкий фокусник и укротитель зверей, Электроник прославил своего друга не только в стенах школы. В новой повести Евгения Велтистова «Рэсси — неуловимый друг» те же герои. И еще — Рэсси. Лохматый, проворный, симпатичный Рэсси.

В техническом паспорте это имя расшифровывается так: Редчайшая Электронная Собака, Страус И так далее. Это загадочное «И так далее» означает на практике: Рэсси плавает, летает, бежит, превосходя любое живое существо в скорости. Рэсси видит мир в великом разнообразии красок, он слышит бесчисленное множество звуков, понимает и имитирует голоса всех животных.

Манфред фон Круг и фирма «Пеликан», которой он служит, хотят выловить всех свободных зверей,

живущих в прекрасном мире природы, и создать своеобразные гибриды машин и живых существ. Чтобы осуществить этот план, по Африке и Индии, по суше и по морю путешествуют отряды «сонных стрелков». Их задача — всадить в тело каждого животного особые радиопули. Меченое животное теряет свободу, подчиняется приказам машины фон Круга. Нажатие кнопки — и стадо меченых антилоп низвергается со скалы в пропасть. Идет речь о самом существовании природы, о том, чтобы не дать заменить природу уродливым ее механическим подобием. И в бой с фон Кругом вступает Громов со своими помощниками.

Открывался крупнейший в Европе зоопарк «Мир животных».

Отгремели оркестры у всех двенадцати въездов в зоопарк. Воздушные шары — надувные звери — взмыли в спокойное небо. Пестрые фирменные автофургоны с приглушенными моторами разъехались по дорогам. Взрослые и дети с одинаковым любопытством поглядывали из окон фургонов, ожидая, когда мелькнет в траве гибкое тело дикой кошки, пересечет дорогу задумчивый слон или промчится, хрустя ветками, носорог. В «Мире животных» звери бродили на свободе, в «клетках на колесах» путешествовали зрители, и необычная ситуация казалась всем забавной и слегка напрягала нервы, хотя ни одно животное, как объяснили гиды, не намеревается нападать на машины. Любители больших зрелищ парили на бесшумных вертолетах, наслаждаясь соседством саванны и тайги, гор и пустынь, рассматривая в бинокли, азартно фотографируя ничего не подозревающих вольных обитателей.

Здесь отчетливо было видно, как ловко совмещены все уголки земли: гиганты тропических стран протаптывают в зарослях дороги к водопоям; привычный мороз и море со льдинами сохраняют для белых медведей, моржей, тюленей, пингвинов прозрачные надувные купола — «Арктика» и «Антарктика»; лесистые островки с обезьянами окружены водой, а вдалеке — пустая еще чаша океана куда хлынет морская вода, чтобы принять китов, дельфинов, спрутов...

В этом «Мире животных» среди обычных носорогов, гамадрилов, цапель были и особенные существа. По своему поведению и внешнему виду они не отличались от своих собратьев. Наука сумела продлить их жизнь на долгое время, заменив некоторые органы и ткани надежными механизмами и материалами. Их создатель — профессор фон Круг — сказал, выступая по телевизору: он убежден, что и спустя десятилетия дети будут приходить в «Мир животных» и кататься на спине верблюда, смеяться над проделками шимпанзе, рисовать тигра с натуры. Его животные вечны.

Прочнейшие воздушные шары — хвостатые, рогатые, смешные надувные мячи — унес ветер. В каком-нибудь загромажденном домами городе мальчишка поймает за длинную ногу цаплю и прочтет: «Мир животных». Он еще не знает, что это такое, но запомнит. Хотя бы название.

— Господа, я благодарю вас за то, что вы пришли выслушать меня. Сообщение, которое я хочу сделать, мне кажется, заинтересует правление фирмы «Пеликан».

Доктор фон Круг торжественно оглядел сквозь темные очки длинный ореховый стол, за которым сидели правители могущественной фирмы «Пеликан». Фирма, имеющая заводы и лаборатории в десяти странах мира, выпускала электронику для ракет, обшивку для подводных судов, приборы для промышленности, косметику, мясные и рыбные консервы, механических зверей для зоопарков — все высшего качества. Сейчас золотую рыбку для «Пеликана» держал

профессор фон Круг. Наступила важная для него минута.

— Выводы, к которым я пришел, изучая живые организмы, вкратце выглядят так: возможно управление всем животным миром планеты. Технически это не сложно: миниатюрный радиопередатчик, введенный в нерв организма, в любой момент может быть включен простым нажатием кнопки, и животное будет двигаться в нужном направлении. Я заранее прошу извинить меня, что, не поставив в известность правление, на свой страх и риск проверил систему управления в разных условиях, дав задания некоторым нашим экспедициям. Система действует безотказно.

Раздались негромкие аплодисменты.

В этой трагедии надо разобраться. Кто-то должен ответить за рабство тысяч животных!

Гель Иванович Громов говорил горячо. Все видели, что профессор волнуется.

— Но что же в конце концов ваш Рэсси? — спросил академик Немнонов.

— Произведение искусства. — Глаза Громова сверкнули. — Да, да! Как бывает шахматное или литературное произведение, так и Рэсси — современное произведение бионики. А проще говоря, обыкновенный симпатичный терьер.

Резкие морщины на лице Немнонова чуть разгладились.

— Впрочем, сейчас он уже не терьер, а что-то среднее между рыбой и дельфином, — азартно продолжал Громов. — Вместе с дельфином по кличке, кажется, Белобочка он ищет в океане знаменитого Нектона, которому грозит опасность.

— Нектон, — с удовольствием повторил кто-то из гостей, — по-древнегречески — свободно плавающий.

— Как?! — поразился Гель Иванович. — Вы не слышали про Нектона?

И он рассказал о знаменитом синем ките, морском гиганте, одиноко бороздившем Мировой океан. Кит был известен морякам разных стран, хотя и избегал кораблей. Мало кто сталкивался с Нектоном в просторе океана. Он любил спокойные, прохладные глубины. Но те, кто хоть раз видел, как из зеленых пучин, пустив ввысь радужный фонтан, выплывает расщепленная таинственной улыбкой бархатно-черная морда с серпами усов и умными глазками, как, оставляя за собой тонны взбитой пены, мощным рывком выпрыгивает кит в небо и, сверкая на солнце иссиня-темной спиной с белым горбом, летит свободно над волнами, набирая в мешки своих легких порцию воздуха, необходимую для погружения, как потом отвесно, словно ныряльщик с вышки, входит головой в воду — безмолвно и без брызг — и исчезает на несколько часов, — те счастливы, кто видел Нектона, рассказывали о его мощи и редкой красоте, смелости и особом чутье, и их скупые слова со временем превращались в легенды. Подлодки не рисковали спуститься в пучины, где чудовищной

тенью скользил свободно Нектон: там даже крепкую сталь мгновенно разорвет давление воды. Но на судоходной глубине, среди обычных кораблей, шедших своим курсом, одна подлодка специально искала встречи с Нектоном. Подлодка «Тунец», принадлежавшая фирме «Пеликан»; получила срочное задание найти и загарпунить «сонным снарядом» Нектона. Нектона, будущего пленника «Мира животных».

— Но Рэсси...

— Рэсси, — живо подхватил профессор, — обладает свободой действий, которая помогает ему выполнять все мои задания. А его спутника-дельфина одолжил нам Институт океанологии. Очень талантливый дельфин!

— А вы предупредили Союз охраны животных?

— Не только предупредил, но и получил задание. Завтра улетаю с Электроником в Индию. К сожалению, я не умею столь расторопно плавать, как Рэсси. Но хотя бы одного из «сонных стрелков» надеюсь поймать на месте преступления...

Рэсси и Белобочка путешествовали в океанском просторе.

Они миновали прибрежные районы, где люди жили в подводных городах и работали на подводных заводах, миновали ядерные станции и присосавшиеся к скале подъемные краны, проплыли мимо экскаваторов, дробивших и перемалывающих рыбьими челюстями коралловые рифы, мимо подводных комбайнов, расчищавших джунгли водорослей, — все, что ползало, плавало, трудилось на дне, помогая человеку завоевать Великий океан, все это еще издали замечал острый глаз Рэсси. Гонцы обходили стороной подлодки, пассажирские электроходы и грузовые баржи, но среди множества кораблей не встречалась подлодка «Тунец» с характерным острым плавником.

Надо проплыть сотни миль с дельфином, чтобы понять, какое он преданное другу существо. И особенно такой быстроходный, вольнолюбивый и упрямый дельфин, как Белобочка, или, как его называли хозяева, просто Бочка. Они состязались в скорости, вместе ловили крупную рыбу, оскаливались на приближавшуюся мрачную акулу. Одинокий дельфин молчалив, в паре разговаривая, в стае болтает без умолку. Бочка, следуя этому правилу, пересвистывался между делом с приятелем, иногда кричащим голосом произносил монотонное, почти человеческое «ха-ха», а когда Рэсси слишком долго плавал на глубине, дельфин щелкал челюстями, отыскивая пропавшего, и печально-призывно свистел.

Разведчики, развлекаясь и разговаривая в пути, ни на минуту не забывали о синем ките. Они не имели пока никаких сведений о Нектоне, и Белобочка расспрашивал о нем всех встречавшихся дельфинов, а Рэсси по-своему искал решение задачи. Он знал: из всех сигналов дельфина самый главный — призыв о помощи. Любой дельфин, если даже ему грозит опасность, мчится спасать товарища, едва слышит сигнал

бедствия. А киты? Следуют ли они такому правилу? Можно ли извлечь Нектона из таинственных глубин криком крайней опасности?

Они странствовали в темной пучине, не обращая внимания на стаи пугливых рыб, и Белобочка, когда у него кончался запас воздуха, на минуту выныривал на поверхность, а Рэсси оставался и петлял в глубине, не теряя связи с товарищем.

Рэсси наткнулся на слабый кильватерный след кита, когда вернувшийся сверху Белобочка сообщил, что надвигается шторм. Они бросились по следу, как две гончие, теряя едва различимый китовый запах и неожиданно находя его вновь. Под водой не было свирепого ветра и многометровых волн, ничто их не отвлекало.

Но как ни был увлечен Белобочка погоней, он не мог бесконечно долго, подобно Рэсси, плыть на глубине: его легкие требовали свежего воздуха. И вот, когда Белобочка в очередной раз стал всплывать, Рэсси услышал призывный крик. Главный сигнал дельфина, на который спешат его собратья, жалобная мольба о помощи заставила Рэсси забыть о следе Нектона и погнала его к гибнущему другу.

Он поддел крепким носом неподвижного Бочку, и гигантская волна, которая ударила дельфина о подводную скалу, швырнула их в темень океана.

В зарослях лесов и травяных джунглях Центрального Индийского плоскогорья живут олени, тигры, буйволы, шакалы, леопарды. Именно эту часть Индии выбрал для своей охоты отряд «сонных стрелков» «Пеликана».

Главный инспектор района Радж Манас выехал с гостями — профессором Громовым и мальчиком Электроником — на рассвете. Индеец, втайне презиравший вездеходы и вертолеты, с легким поклоном предложил для путешествия своего любимого слона Замбу; инспектор считал, что в джунглях Индии лучше всего передвигаться пешком или верхом на слоне, иначе ничего не увидишь. Управлял Замбой старый погонщик с палочкой в руке — махаут.

Профессор Громов с любопытством оглядывался. Он не совсем представлял, как они на слоне догонят «сонных стрелков», но раз инспектор сказал: «Поймаем», — ему следовало верить. За спиной инспектора висела двустолка.

— Носорог. — Радж Манас обернулся к гостю и вытянул руку.

Среди пучков травы в яме с жидкой грязью блаженствовал носорог. Серый панцирь спины, торчащие уши да воинственно изогнутый рог — вот все, что было видно с высоты слона. Услышав топот Замбы, носорог вылез из ямы, а за ним выскочил детеныш.

Выставив рог, самка бросилась на слона. Она приближалась с пытением и хрипом; за безрассудно храброй матерью галопом скакал детеныш. Замба не свернул, он лишь замедлил шаг и поднял хобот. Инспектор не шевельнулся.

Подбежав к спокойному Замбе, самка резко вскинула голову.

Рэсси и Белобочка путешествовали в океанском просторе.

Злобные свинячьи глазки уставились на людей.

— Укусит или не укусит? — пробормотал Громов.

Профессор знал, что индийский носорог редко бодается — чаще он кусает жертву крупными резцами.

Неожиданно за спиной профессора раздался какой-то храп и рев. Инспектор обернулся. Кричал мальчик с невозмутимо спокойным лицом.

Носорог круто повернулся и, уступив тропу Замбе, бросился с детенышем наутек, показав короткий толстый хвост.

— Ваш Э-лек-тро-ник, — сказал инспектор профессору, с трудом выговаривая трудное для него имя, — знает язык носорогов?

— Немножко знает, — ответил Гель Иванович. — Учил когда-то в школе. — Громов усмехнулся, вспомнив, как он обучал Электроника разным премудростям.

Они двинулись дальше, и Электроник хрипло произнес:

— Тигр.

— Где тигр? — шепотом спросил Громов.

— Я не вижу, — проскрипел Электроник. — Но я слышал крик павлина: мэ-оу!..

— Он прав: близко тигр, — подтвердил инспектор. — Видите?

Замба концом хобота стучал по утоптанной тропе, издавая глухой звук. Он, как и павлин, чуял тигра.

В траве промелькнула быстрая красно-черная спина, потом высунулась круглая голова с пушистыми баками. Бледно-голубые глаза равнодушно взглянули на путников. Замба сделал шаг вперед, угрожающе качнул бивнями. Он не боялся большой кошки, только свернул кольцом уязвимый для острых зубов хобот. Несколько минут слон и тигр изучали друг друга. Но стоило Громову пошевелиться, как зверь мелькнул полосатой молнией, бросился к скале, поросшей кустарником.

— Королевский, — сказал Громов, с любо-

пытством глядя вслед трехметровой кошке. — Не удалась ему охота.

— Спугнули, — подтвердил Манас. — Мы еще встретимся с этим багхом, профессор. — Багхом индеец называл всех тигров, всех диких кошек своего леса, но отлично знал каждого из них «в лицо», характер каждого и повадки, только что не давал им имен.

Тигр охотился. Но и сам он не подозревал, что рядом идет еще одна охота — на него самого.

Слон быстрым шагом обогнул скалу, и инспектор, дав знак безмолвному махауту, оставил Замбу, прыгнул на землю. Под развесистым деревом стояла клетка из прочнейшего бамбука. Поднятые с двух концов решетки словно ожидали какого-то пленника.

— Вам лучше остаться здесь, профессор, — сказал Радж Манас, снимая с плеча ружье.

Громов, приказав Электронике ждать его, слез со слона и решительным шагом направился за инспектором. Они разом растворились в густом подлеске.

Замба подошел к дереву, стал обрывать почти с самой верхушки сочные ветки. Погонщик уселся в тени. Электроник, не смея нарушить приказ, с задумчивым видом ходил возле клетки.

Тишину оборвал хлопок выстрела. Электроник замер. И тут прямо на него выскочил из зарослей тигр — тот самый, с бледно-голубыми глазами. Громадными прыжками промчался он в двух шагах от неподвижного мальчика. Маленькое красное пятно проступало на полосатой груди.

Электроник вдруг вскрикнул протяжно-жалобно: «Вау!.. Ху-аб... вау», — и бросился со всех ног к дереву. Пожалуй, никогда еще в своей «электронной жизни» не бегал он так быстро, быстрее любого знаменитого спринтера, потому что тигр, услышав знакомый сигнал испуга на своем языке, мигом повернулся и прыгнул вслед. Махаут прилип спиной к шершавому стволу. Слон, громоподобно затрубив, выставил

бивни и попятился: впереди тигра бежал мальчик.

Наверное, тигр настиг бы свою быстроногую добычу только в клетке, куда он влетел на полном ходу, но Электроник успел выскользнуть в открытый проем, обрушив перед самым носом тигра решетку. Слоны, поняв мальчика, ударом бивней захлопнули западню.

От оглушительного рева затрепетала листва. Кошка бросалась на прутья, в бессильной ярости грызла скользкий бамбук, и в ее реве, страшном для людей, только чуткий слух Электроника мог уловить жалобные ноты. Мальчик был совершенно спокоен, словно не пробежал и двух шагов, словно, спасаясь, случайно поймал не тигра, а котенка, и бледный погонщик, трясаясь всем телом, смотрел на него изумленными глазами, как на лесного духа.

Радж Манас и Громов бежали к дереву. Люди инспектора, дежурившие в зарослях всю ночь, вывели здорового парня в армейских ботинках — «сонного стрелка», который стрелял в тигра.

Немного словного до сих пор махаута словно прорвало. Бурно жестикулируя, подпрыгивая, протягивая к мальчику сухие руки, погонщик долго говорил о том, что случилось всего за несколько секунд.

— Я надеюсь, вам нужен этот тигр, — скрипуче сказал Электроник. — Если не нужен, его можно выпустить.

— Мы его выпустим, — задумчиво сказал Радж Манас. — Только прежде вынем из него пулю. — И он зло взглянул на «сонного стрелка», который ничего не понимал во всей этой истории: тигр, в которого он только что выпустил радиопулю, через минуту уже сидит в клетке...

Инспектор повернулся к помощникам:

— Отвезите багха и этого охотника на станцию. Извлеките пулю. Багха пустите в джунгли, а стрелка закройте покрепче. У нас с ним будет разговор.

— Спасибо, Электроник, — сказал главный инспектор и повторил: — Электроник. Видишь, после твоей охотничьей удачи я совсем легко

говорю твое имя. Профессор, вы не порекомендуете его к нам на работу? Я хотел бы предложить Электронику место специального инспектора джунглей.

— Что ты думаешь о таком щедром предложении? — с улыбкой спросил ученика Гель Иванович.

— Благодарю, — хрипло сказал Электроник. — Я думаю о Рэсси. Он в океане, от него давно не поступали сигналы.

Если бы Рэсси плыл по вечернему океану, он бы сразу услышал голос моря — особые звуки, которые ветер высекает из волн, и сразу бы узнал все про близкий шторм: откуда он движется, какой силы и как скоро настигнет их. Но Рэсси гнался в глубине по следу синего кита, и, когда волна оглушила его спутника и он вынырнул спасать Белобочку, пловцы оказались в самом центре свирепого шторма, который моряки называют просто и страшно: «глаз бури». Волны, поднимающиеся на высоту семиэтажного дома, здесь, в эпицентре, образовали гигантскую воронку, словно пытались пробурить всю толщу океана. К счастью для пловцов, их захватил водоворот воронки, и они повисли на краю отвесной пропасти, несясь по кругу со страшной скоростью.

Рэсси обхватил беспомощного, слабо попискивающего дельфина четырьмя лапами, напрягая все свои электронные силы, чтобы адское течение воды не унесло жертву. С огромной скоростью приближалось дно ямы. Но «глаз бури» упустил момент: перед самым дном Рэсси включил ракетный двигатель, и сила реактивной струи вытолкнула пловцов из круговерти.

Рэсси выпустил Белобочку и в черной мгле стал выводить товарища из зоны бури. След Нектона был потерян, размыт течениями после бури, и нечего было пытаться искать этот слабый запах. Лишь бы выбраться в спокойные воды.

Так плыли они всю ночь, а утром, вынырнув, увидели безмятежное, солнечное полотно океана.

Электроник бросился со всех ног к клетке. Тигр мигом повернулся и прыгнул вслед.

Карта жизни Нектона была очень сложной: как всякий кит, он опасался берегов, узких проливов, подводных городов, но в отличие от своих собратьев синий кит не странствовал, подобно перелетной птице, не возвращался зимой и летом в привычные места. У Нектона не было любимых теплых и холодных морей, он, презирующий стадо, жил сразу во всех океанах, и шар Земли, который он окольцовывал кривыми орбитами своих путешествий, представлялся ему, наверное, гигантской чашей соленой воды. И все-таки запах китового следа, который крепко запомнил Рэсси, говорил о том, что свободный пловец достижим, надо только увеличить скорость и быть очень внимательным.

Как-то на рассвете разведчики слышали призывный крик гибнущего кита и бросились на помощь. То, что они увидели, заставило их остановиться и сделать осторожный круг: в легкой

пелене тумана острый глаз Рэсси и чуткие ноздри дельфина разом нащупали стальной корпус всплывшей подлодки. Характерно вытянутый горбатый корпус с острым ножом плавника и распущенным хвостом рулей выдавал тип быстрой подлодки «Тунец». Противник, охотящийся на синего кита, по странному совпадению или по природной хитрости людей, придумавших рыбью подлодку, применил тот же прием, что и Рэсси: вызывал сиреной Нектона из его глубин.

То, что произошло в следующие несколько минут, исследовалось потом биологами всего мира и породило среди моряков новые легенды о смелости и мудрости синего кита.

В клубах тумана слышался шум быстро плывущего гиганта и короткое сильное сопение: у-уф, ш-ши... у-ф, ш-ши... Рэсси и Белобочка увидели синюю с белым пятном горба спину

В тот момент, когда Нектон разворачивался, тонкое дуло пушки выплюнуло блестящий предмет.

Нектона. Огромной ракетой неся он к зовущей подлодке. Его рот с крутым сводом верхней челюсти и прямой нижней, казалось, чему-то улыбался. Необычайно малые глаза кита за крутым изгибом челюстей не различали тонущего, но чуткий слух Нектона вел его кратчайшим путем на призыв. Вдруг синий кит резко повернул, услышав еще более отчаянный крик — зов о помощи.

Прямодушный, безрассудно храбрый Нектон не знал, что идет великая морская игра, что крик невидимого в тумане Рэсси спас ему жизнь. В тот момент, когда Нектон разворачивался, тонкое дуло пушки выплюнуло вместе с пламенем блестящий предмет. Гарпун, пущенный с подлодки, пробил бархатистую кожу, застрял в костях массивной головы. Тотчас радист «Тунца» услышал писк передатчика гарпуна, но капитан чертыхался, глядя на экран: стрелок промахнулся, не попал в нерв.

И, хотя синий кит почти не обратил внимания на легкий удар по голове, он догадался, что его обманули, и, разъярившись, решил атако-

вать многоглазое плюющееся существо с плавниками тунца. Сигнал крайней опасности заставил кита подпрыгнуть над водой и отвесно, почти вертикально, уйти головой вниз. Мелькнул над водой двукрылый хвост и исчез.

Нырнув, синий кит мгновенно изменил направление и гладким срезом черепа подел снizu коварную подлодку. Судно, погружавшееся, чтобы преследовать кита, отброшенное мощным ударом, стало срочно всплывать...

Рэсси и Белобочка долго еще сопровождали в темных глубинах свободного Нектона, и подводный терьер, плывя рядом с гигантской тушей, возле внимательного глаза, свистел, рычал и пытался в неприметную совсем дырку чуткого китового уха, объясняя на китовом языке то, что он знал. И когда мудрый Нектон, чье сердце, экономя кислород, билось в тот момент спокойно и медленно, как у спящего человека, выслушал маленького Рэсси, он широко распахнул пасть, показав все пластины своих острейших усов, и проревел в сумраке фиолетовой ночи. Если перевести переплетение быстрых звуков китового языка в человеческую речь, то получатся примерно такие фразы, обращенные одиноким гигантом к своим соплеменникам:

«Опасность! Когда встретите железного многоглазого тунца, знайте, что этот медлительный на вид тунец, едва заметив вас, выплюнет острый гарпун. Тот самый, что рвет тело наших братьев и делает их мертвыми...»

Синий кит плыл из моря в море и изредка ревел, оповещая китов. Он знал, что и впредь, услышав крик о помощи, будет лететь, презирая опасность, на выручку к своему брату по крови, но теперь он вынырнет чуть в стороне и будет вести себя осторожнее...

Океан пересекала видимая подводным радиостам «радиоточка». Она передвигалась стремительно и почти всегда на глубине. Только позже среди моряков распространился слух, что неуловимая «радиоточка» — легендарный Нектон.

Доктор фон Круг, узнав, что Нектон никогда не приплывет в «Мир животных», радиовал капитану «Тунца»: «Оставьте его в покое, метьте дельфинов. У вас нет сетей, чтобы перегородить два или три океана».

А Рэсси прощался со своим верным товарищем Белобочкой: он получил новый приказ от Электроника.

Доктор фон Круг безжизненно-белыми пальцами перебирал пачку радиограмм. Морская инспекция арестовала подлодку «Тунец», Союз охраны животных требовал запретить охоту специальными пулями. Правительство Индии и два африканских государства объявили «сонных стрелков» вне закона. На Шпицбергене, в Австралии, даже в антарктической пингвиной пустыне инспектора, охотники, ученые выслеживали круговых стрелков.

Фон Круг понимал, что он разорен. Отсюда, из кабинета, он мог бы управлять всем живым миром. Обычным нажатием кнопки... Но он

еще поборется за себя, он хладнокровно глядит в глаза грозящей опасности.

Доктор вызвал по телефону помощника Мика Урри.

— Вот что, Мик Урри, — сказал он, едва тот вошел, — за последнее время было слишком много неудач. Ты достанешь мне эту загадочную машину!..

— Адскую собаку? — догадался Мик Урри.

— Мик Теодор Макс Урри, — темные очки пристально уставились в лицо помощника, — называй ее как хочешь — собакой, страусом, хоть живой машиной, однако запомни как следует: решение противника умнее нашего. Сегодня мы передадим последнее задание: похитить единственного в мире белого тигра, и ты поймаешь эту машину.

— Но...

— Машину доставить в сохранности. Мне надоело разгадывать ее по частям. Фирме нужна вся система. А здесь сильный удар током сделает ее ручной.

— Ясно.

— Ящик с капканом на аэродроме. Идея простая: мы располагаем образцом голоса господина Громова. Самолет в Индию вылетает через час. Профессор Громов в джунглях. Мы должны быть умнее машин, как бы они ни назывались, и в этой игре победишь ты, Мик Урри!..

Электроник неподвижно сидел в номере гостиницы. С той минуты, как мальчик услышал о похищении белого тигра, он, вызвав Рэсси, считал, сколько времени осталось до похищения, успеют ли они. Вот Рэсси оставил позади простор моря, вот он перелетел горные цепи, парит над джунглями. Электроник принял единственно правильное решение: профессора, путешествующего в джунглях, не найдешь сейчас, а вдвоем с Рэсси они сумеют помешать похитителям...

Оставалось тридцать минут до полуночи, до обусловленного фон Кругом срока, когда в комнату заглянула лохматая морда Рэсси. Электроник был наготове: он зарядил свои аккумуляторы.

Они миновали центр города с деловыми небоскребами и стеклянными-металлическими домами, озарявшими ночь огнями реклам, и углубились в район старого города. Пустынная, мощенная камнем дорога вывела их к заброшенному дворцу. В свете луны матово блестящие белые башни и купола.

Комнаты, комнаты, гулкие темные комнаты — бесконечные покои махараджи. Мрачные силуэты чучел да блеснувшее в лунном луче оружие — вот все, что видит глаз. Где притаился несчастный белый тигр в лабиринте залов, коридоров, узких лестниц, колоннад балконов, каменных кружев стен? Но Рэсси словно держал нить, выводящую из лабиринта, уверенно бежал вперед.

Неожиданно ступили они на балкон и увидели под собой открытый внутренний двор, где

когда-то махараджа перед выездом в джунгли осматривал своих охотничьих гепардов. Нет больше махараджи, исчезли навсегда быстрые гепарды, но остался охотничий дворик, спрятанный в самом центре дворца-крепости. На мраморном полу в сумеречной тени Электроник и Рэсси увидели призрак огромного тигра. Естественно белый, окольцованный темно-серыми полосами, забился он в угол, глухо рыча, сверкая серебром стоявших дыбом бакенбард. Не мальчик и не собака испугали тигра: над квадратом двора висела на прозрачных плоскостях воздушная машина; темные ее иллюминаторы были непроницаемы; глаза тигра следили за неподвижно-странным гостем.

Разошлись створки на брюхе машины, из люка пополз вниз на канатах тяжелый стальной ящик. Под рукой Электроника дрогнула голова Рэсси, но мальчик удержал его: рано. Ящик опустился на мраморный пол — закрытый, тающий немую угрозу стальной ящик. Сама собой выдвинулась боковая стенка, словно приглашая жертву войти. Оскаленный, с прижатыми ушами тигр затаился в своем углу, и было что-то страшное в этой немой сцене. Как вдруг громкий голос позвал: «На помощь, друзья!» — и Электроник мгновенно узнал Громова. Голос звучал из стального ящика.

— Вперед, Рэсси! — крикнул Электроник, перескакивая балюстраду.

А Рэсси еще до команды хозяина, едва услышав знакомый голос, прыгнул с балкона во внутренний двор, скользнул молнией по гладкому полу, нырнул с ходу в ящик. В то же мгновение с лязгом замкнулась дверца, стальная корбка поднялась вверх вместе с машиной.

Глухой рык зверя, крик мальчика, лязг стали — все это на мгновение оживило сонный дворец. И стихло. Машина удалилась к звездам, оставив в каменном мешке под собою человека.

— Отстань ты! — железно-скрипучим голосом сказал Электроник белому привидению, из готовившемуся к прыжку, и тигр, поднявшись с равнодушным зевком, сделав несколько мягких шагов, вернулся в угол. — 'Эх ты, вау-ху-аб!..

Электроник упрекал скорее не тигра, а самого себя. Слишком поздно догадался он, что клетка не для тигра, а знакомый голос — всего лишь приманка. Если бы он первым вскочил в ящик и дверца захлопнулась бы за ним, то Рэсси, несомненно, освободил бы его. Но он, Электроник, был не в силах догнать воздушную машину; он не умел летать, как Рэсси. Он не был даже человеком, чтобы вовремя разгадать обычную охотничью хитрость!

Итак, фон Кругу и его помощникам удалось похитить Рэсси. Вычеркнув из его электронной памяти имя прежних хозяев, они заставили его служить себе. Рэсси становится кладонскателем и должен выловить со дна океана огромные богатства потонувших когда-то кораблей. Только одно слово — «друг» — похитители не догадались стереть в сознании Рэсси, и это святое слово помогает снова осердечить, очеловечить нашего лохматого героя.

Впрочем, об этом вы прочтете уже в повести, которую выпустит в свет издательство «Детская литература».

ОПЕРАЦИЯ

Фраза из газеты: «Комсомольцы активно включились в проведение Всесоюзной двухлетки «Комсомол — сельской школе». Что стоит за ней?

А. ИВКИН

Вот одно комсомольское дело, которым занимаются ребята чуть повзрослее тебя — старшеклассники.

I

— Вчера я задавала вам прочесть две главы из романа Пушкина «Евгений Онегин». Сивков, читал? — спросила Марья Тимофеевна.

Сивков встал и опустил глаза, разглядывая носки своих больших валенок.

— Ну, что молчишь? Читал или нет? Скажи честно.

— У меня книжки нету, — сказал Сивков.

— Это не причина. Книжку ты мог взять в библиотеке.

— Нету там, — сказал Сивков. — Нету «Евгения Онегина» — все разобрали.

— Можно было у товарищей попросить, — настаивала Марья Тимофеевна.

За окном зима. Белая-белая. Только черные галки летают над селом. Кажется, что

слышно, как они кричат. В классе сидят в валенках — иначе в школу по сутробам не дойти.

— Марья Тимофеевна, в нашей библиотеке всего три книжки «Евгения Онегина», — встала староста Оля Прохина.

— Знаю я, знаю, — вздохнула учительница. — Садись, Сивков. Кто еще не читал?

Поднялось рук тридцать.

— Давайте тогда вслух читать, — сказала Марья Тимофеевна.

— Александр Сергеевич Пушкин. «Евгений Онегин». Роман в стихах...

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог...

II

«Операция «Книга».

Друг! Сегодня мы обращаемся к тебе с серьезным делом, которое может и должно стать для тебя делом чести.

Село нуждается в хорошей книге, нуждается остро. Особенно книга нужна твоему сверстнику: учиться в деревне, сам знаешь, труднее, чем тебе в городе, где все под боком. Нужно помочь селу!

По какому плану действовать?

1. Списать с сельской школой, которая нуждается в книгах.

2. Найти способ заработать деньги на покупку книг: трудовой десант, разноска телеграмм, подсобные работы на стройке и т. п.

3. Отослать книги в сельскую школу, не ожидая похвал и благодарностей...

Изменения в план операции вносятся на местах сообразно с обстановкой.

Лист «Комсомольской правды» с корабликом в углу висел на видном месте. На перемене его обступили толпой, читали. Подошел Сергей Богачук. Читал поверх голов — «Дядя, достань воробышка», сразу увидал в верхнем углу: «Операция «Книга». Прочитал, незаметно отошел.

— Митька, сегодня в четырнадцать ноль-ноль труби общий сбор, — сказал Сергей на алгебре своему соседу и заместителю. Сергей был секретарем комитета комсомола.

На собрании Богачук начал так:

— Нас все время ругают: комсомольская организация, мол, ничего не делает. В общем, верно. Но согласитесь, что самое трудное в нашей работе — это придумать настоящее дело, способное заинтересовать всех, верно? Ну вот, есть идея... — И он прочел задание. — Какие есть предложения?

— По-моему, это пахнет филантропией, благотворительностью, — сказал Гоша.

Зашумели. Заговорили с соседями.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

«КНИГА»

— Тихо, братцы! Дайте Слепцовой сказать — она слова просит.

Поднялась Люда Слепцова из девятого «А»:

— При чем тут благотворительность? Непонятно. Благотворительностью занимались богачи, чтобы успокоить свою совесть. От нас же требуется помощь. Давайте возьмем постоянное шефство над какой-нибудь сель-

ской школой, чтобы туда можно было часто ездить, из села к нам ребят приглашать. Можно, например, агитбригаду организовать, концерт дать...

Собрание было необычно долгим. Результатом его стал подробнейший план шефства над сельской школой. Адрес школы взяли из «Комсомольской правды» и тут же написали ребятам письмо.

III

План осуществлялся. Они договорились с жэком и вечерами работали дворниками — убирали снег во дворах и на улицах. Многие на этой работе заработали свои первые в жизни деньги и впервые узнали, как болят спина и руки после нескольких часов физического труда. Они впервые почувствовали себя организованной силой. Они знали, что действия их исполнены благородства, и это поднимало их в собственных глазах.

Потом они разбились на группы и пошли рейдом по книжным магазинам. Звонили по букинистическим, узнавая, есть ли Лев Толстой, есть ли Салтыков-Щедрин, есть ли Достоевский.

— Давайте купим еще и хорошие пластинки с проигрывателем,—предложила как-то Кира Лапина.

Кира занималась в музыкальной школе. Ее любимыми композиторами были Бах, Бетховен, Моцарт, Рахманинов. Идею приняли «на ура». Тут из сельской школы пришло письмо: «Спасибо! Ждем! Готовимся к встрече!»

Агитбригада тем временем репетировала концертную программу. Сергей Богачук и Митька Болдырев разучивали мексиканский танец. На брюки нашли яркую тесьму, достали настоящие сомбреро, нарядные туфли поставили на высоченный каблук — как в кино. Театрал Гоша ставил сцену из «Горя от ума» и сам играл Чацкого.

Приближались весенние каникулы. Книжки упаковывали в пачки. Богачук названивал на завод к шефам, чтобы те дали на каникулы автобус. «Добро,—сказал секретарь заводского комитета комсомола Вася Зайцев.— А что, если и наши ребята с вами в село пое-

дут? Не против? Может, технический кабинет оборудовать надо какой или ремонтник сделать...»

Условились.

Тому, кто привык быть в стороне, не понять этого чувства единения, которое появляется в общем деле. Настрой совершенно особый. Откуда силы берутся! Твои друзья, сам ты прекрасные люди, благородные люди (так оно, в общем, и есть). Ты сидишь в автобусе где-то на барабане (все уже занято), в руках у тебя гитара, и, когда автобус трогается, ты ударяешь по струнам:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах...

Я думаю, нет нужды рассказывать о встрече шефов и подшефных. Она была радостной и полезной для обеих сторон. Договорились, что девятый «А» на лето приедет работать в колхоз: ребятам захотелось последние школьные каникулы провести вместе. На майские праздники сельских пригласили в город...

Теперь вы спросите, наверное, в какой школе происходило все описанное. Точно так или не совсем так, но очень похоже это происходило во многих школах. Вот несколько:

Москва, школа № 736,
Мичуринск, школа № 18,
Челябинск, школа № 31,
Киргизия, Ошская область, Шекафтарская школа-интернат,
Туркмения, город Чарджоу, школа № 2.
И так далее.

КТО МОЖЕТ стать

Прежде чем взяться за этот очерк, я спросил ребят в нашем дворе:

— Кто, по-вашему, может стать полководцем?

Все в один голос ответили:

— Конечно, тот, кто самый храбрый.

Такой ответ меня огорчил. Мне казалось, что подростки сейчас рассуждают о военных делах грамотнее, чем рассуждали мы, мальчишки предвоенных лет. Мы тогда были убеждены, что стоит ворваться с шашкой в гущу неприятеля, как победа будет обеспечена. На войне же все было не так просто, и одна храбрость не делала человека командиром.

В военной истории упоминается факт прямо невероятный: французского маршала Тюренна в бою охватывала нервная дрожь. Однако дрожь дрожью, а Тюренн одерживал такие блистательные победы, что сам Александр Васильевич Суворов считал его образцом для себя, ставил следом за Цезарем и Ганнибалом.

ПОЛКОВОДЦЕМ

А. МИТЯЕВ

Рисунок Н. ДОБРОХОВОЙ.

Однажды Тюрень в сердцах сказал сам себе: «Ты дрожишь, скелет? Ты дрожал бы еще больше, если бы знал, куда я тебя поведу...» Что получается? В Тюренне уживались два человека: один — робеющий смертный, а другой — Полководец с большой буквы.

Но если не храбрость отличает полководца, так что же?

Посмотри на рисунок. На Бородинском поле скоро начнется величайшее сражение. Еще не свистят ядра и штык не грозит смертью, но уже схватились в непримиримой схватке два полководца — Кутузов и Наполеон...

Истинный военачальник обладает сразу многими военными качествами. Говоря образно, в его обойме есть патроны самого разного назначения: и с обычными пулями, и с трассирующими, и с бронебойными. Попробуем с тобой заглянуть в подсумок военачальника, один за другим возьмем эти патроны и рассмотрим их.

Полководец и опасность

Нигде человека не подстерегает столько опасностей, как на войне. Рвутся бомбы и снаряды, свистят пули, дым застилает траншеи, сама земля колеблется под ногами. В такой обстановке люди держат себя разное. Одни, потеряв человеческий облик, бегут куда-то и гибнут, другие подавляют чувство страха и хладнокровно исполняют приказ. А к полководцу в такой обстановке приходит вдохновение, как приходит оно в тишине к поэту.

Вдохновение — это состояние наивысшей работоспособности. И в первую очередь полководца отличает то, что работоспособность его увеличивается в опасности. «Наполеон, по мере возрастания опасностей, становился все энергичнее», — писал историк Тарле. «Талант его возрастал в крайней опасности», — писал сам Наполеон о своем маршале Массене.

Никогда опасность не страшила Суворова, а, наоборот, только воодушевляла. Отстраненный от военных действий, он писал знакомому: «Здоровьем поослаб, хлопот пропасть... Колика бы мне милость, если бы дали отдохнуть хоть на один месяц, то есть выпустили бы в поле. С божьей помощью на свою бы руку я охулки не положил». Другое письмо из Финляндии, где он возглавлял строительство крепости: «Мне лучше 200 человек в поле, чем 20 000 в гарнизоне».

По меньшей мере два десятка раз Суворова подстерегала смерть. Во время штурма Ландскроны у него были прострелены мундир и шляпа. В бою за немецкий город Гольнау он был ранен картечью в ногу и грудь. При штурме Очакова пуля попала в шею и застряла около затылка... Каждый новый бой грозил чем-то подобным, но всю жизнь до самой старости полководец сам искал опасность, потому что опасность была стихией, в которой он чувствовал себя свободно и уверенно, как буревестник среди грозных туч.

Мысль об окружении фашистских войск под Сталинградом была высказана маршалами Георгием Константиновичем Жуковым и Александром Михайловичем Василевским в самое тревожное, самое трудное, самое опасное время войны. Несомненно, этот факт подтверждает, что талант истинных военачальников становится более дерзким, более глубоким, если опасность, нависшая над армией, над страной, увеличивается.

Итак, в подсумок военачальника мы возвращаем первый патрон — способность вдохновенно мыслить в обстановке опасности.

Полководец и мелочи

Немецкий военный теоретик Клаузевиц относил умственную деятельность главнокомандующего к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума. Как ученый полководец продумывает военную операцию, а как практик готовит войска и с ними исполняет намеченные планы. В нашем журнале рассказывалось о сражении Суворова на Рымнике, Кутузова при Рущуке, были напечатаны очерки о ленинском плане вооруженного восстания в Петрограде и самом восстании, о Берлинской операции. На их примере можно представить деятельность полководца-теоретика. А сейчас мы рассмотрим вторую сторону полководческой деятельности — практическую, так как только способность военачальника ясно представлять будущую операцию — и в целом и в самых мелких деталях — приносит победу.

По словам Тарле, Наполеон, затевая самые грандиозные и труднейшие походы, зорко следил за всеми мелочами и при этом нисколько в них не путался и не терялся — «одновременно видел и деревья, и лес, и чуть

ли не каждый сучок на каждом дереве». Он занимался башмаками для солдат, хлебными нормами, количеством и качеством повозок, нужных армии, числом ординарцев при генералах разных рангов...

Наполеон такую способность ценил в самом себе и в своих помощниках. Он писал о Стенгае: «В нем сочетались все качества молодости с качествами зрелых лет. Это был настоящий боевой генерал. За два или три дня перед смертью, когда он первым вошел в Лезенью, туда несколькими часами позже прибыл главнокомандующий, и что бы последний ни потребовал, все было уже готово: броды разведаны, проводник найден, священник и почтмейстер опрошены, сношения с жителями налажены, в различных направлениях высланы шпионы, письма с почтой захвачены, и те из них, которые могли дать сведения военного характера, переведены и просмотрены...»

Трудно сказать, кто больше следил за мелочами — Наполеон или Суворов. Отдавая приказ о штурме Измаила, Суворов учел в нем самые мельчайшие подробности. Так, он писал: «Впереди (егерской) колонны: 128 стрелков с их начальниками, за ними 50 человек рабочих, из них 30 с топорами, 10 с кирками и 10 с лопатками; по флангам у рабочих нести восемь трехжелезных лестниц, потом 300 семифутовых фашин (связок хвороста) для наполнения ими рва по длине в две фашины, дабы по ним спуститься в восемь рядов».

Как видно, полководец совершенно ясно представлял действия, которые развернутся на укреплениях. Он рассчитал, что тридцати солдат с топорами будет достаточно, чтобы срубить колья неприятельского палисада, а десяти кирок и десяти лопат — чтобы сровнять крутизну вала на пути колонны егерей.

Такое отношение к мелочам свойственно и нашим лучшим полководцам. Генерал К. Ф. Телегин в воспоминаниях о Берлинской операции пишет о Жукове: «Операция готовилась им со скрупулезной тщательностью. Он вникал во все ее стороны, детально отработывал, рассчитывал, проверял с командующими родов войск, начальниками управлений и служб, с командованием армий...» Перед началом нашего наступления даже был сделан макет города Берлина со всеми улицами, площадями, большими зданиями и городскими укреплениями. На этом макете командиры репетировали штурм.

Итак, еще одно качество полководца, еще один патрон из его подсумка — умение держать в мыслях заботу о главном и второстепенном и даже стостепенном.

Полководец и предвидение

Полководцу совершенно необходима способность предвидеть. «Война — область недостоверного», — писал Клаузевиц, — три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности. Одних разведывательных сведений часто бывает мало, чтобы понять, что замышляет противник. Вот и приходится полководцу ставить себя на место неприятельского военачальника, смотреть на события его глазами, думать за него.

Артист, прежде чем сыграть роль, вживается в образ сценического героя. Чтобы сыграть, к примеру, царя Ивана Грозного, актер прочтет все, что написано о нем и его времени, посмотрит вещи, которыми тогда пользовались, одежду, которую носили, узнает обычаи тех лет. И полководец, прежде чем думать за противника, изучает его характер, привычки, нравы. Только изучив все это как следует, можно за неприятельского командира провести на карте бой с самим собой и посмотреть, что получится в настоящем бою.

Необыкновенным даром предвидения обладал Михаил Илларионович Кутузов. Прогнав турецкое войско от Рущука, но не имея сил уничтожить неприятеля, преследовавшего русских численностью в четыре раза, полководец неожиданно приказал своим войскам уйти

из Рущука — с правого берега Дуная на левый. Зная характер противника, Кутузов был убежден, что турки возомнят себя очень сильными и двинутся преследовать русских. При этом, предполагал Кутузов, они распылят свои силы: часть оставят в Рущуке на правом берегу, а другой частью переправятся на левый берег. Так оно и произошло. Русские войска порознь разбили обе турецкие группировки. Турция вынуждена была заключить мир с Россией.

Было это в 1811 году, перед нашествием Наполеона. Императору очень хотелось, чтобы Россию связывала еще война с турками, и он всячески подбадривал турок, следил за их военными действиями. Когда турки вошли в Рущук, Наполеон послал главнокомандующему Ахмет-бегу поздравление с победой. А потом Наполеон в гневе и досаде кричал: «У этих болванов турок дарование быть битыми! Кто мог предположить такие глупости...» Любопытно, что не только Ахмет-бей, но и сам Наполеон не понял, куда ведет дело Кутузов.

Во время Великой Отечественной войны, весной 1943 года, Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб Красной Армии решали очень важный вопрос: на каком участке фронта немецкие фашисты предпримут основное наступление? И нашему командованию и гитлеровскому было ясно, что в летнем сражении 1943 года, по сути, будет решен исход всей войны. Надо ли говорить, как нам хотелось постичь планы неприятеля!

Наши военачальники к этому времени хорошо изучили своего противника, его образ мышления, излюбленные приемы и поэтому смогли точно предвидеть намерения фашистского командования. Как пишет генерал армии С. М. Штеменко, «...на совещании в Ставке в результате тщательного анализа обстановки все сошлось на том, что наиболее вероятной целью летнего наступления немецко-фашистских войск будет окружение и уничтожение главных сил Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге. В последующем не исключалось развитие успеха в восточном и юго-восточном направлениях, в том числе на Москву». Если условно принять всю линию советско-германского фронта за прямую, то в районе Курска она выпирала дугой. Оборону по этой дуге держали наши Центральный и Воронежский фронты. Немцы не могли не соблазниться возможностью ударить танковыми клиньями с севера и с юга по основанию дуги. К этому их подталкивало и желание взять реванш за окружение их войск под Сталинградом.

Предугадав намерения противника, наши военачальники решили вначале обессилить наступающего врага в оборонительном сражении, уничтожить его танки, а потом самим перейти в мощное наступление. Для этого мы возвели крепкие оборонительные линии. Только в полосе Центрального фронта было вырыто 5 тысяч километров траншей. За фронтами, на которые был нацелен удар гитлеровцев, мы поставили в резерв целый фронт — Степной.

Битва на Курской дуге началась 5 июля и продолжалась пятьдесят дней. Закончилась она блестящей победой наших войск. Фашисты потеряли там больше полутора миллиона человек, около 1500 танков (много «тигров», «пантер»). Главным же итогом битвы было то, что германские войска после нее не смогли провести ни одной наступательной операции и до конца войны только оборонялись. Вот что значит предвидеть действия противника!

Итак, следующий патрон в подсумке полководца — способность проникать в замыслы врага.

Упорство полководца

Полководец придумал план сражения. Отдал приказ войскам. Тысячи и тысячи людей — и тех, кто будет сражаться, и тех, кто обеспечивает сражение из тыла, — все пришло в движение. Но противник препятствует

осуществлению этого плана. У него тоже ведь есть план, который предусматривает совершенно противоположные цели. Значит, чтобы исполнить задуманное, нужно быть упорным и стойким, уметь преодолевать неожиданные и грозные препятствия.

По словам современников, упорством выше человеческого обладал Суворов. Это действительно так. Альпийский поход, где к трудностям военным прибавились трудности природные, — блестящее подтверждение тому. Вот что писал о походе сам полководец в донесении Павлу I:

«Войско... прославившееся храбростью и мужеством на суше и на морях, ознаменовывает теперь беспримерную неутомимость и неустрашимость и на новой войне, на громадах неприступных гор... На каждом шагу в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли (собой) отверстыя и поглотить готовые гробы; дремучие, мрачные ночи, непрерывно ударявшие громы, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах с камнями, с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет... Все опасности и трудности преодолеваются, и при такой борьбе со всеми стихиями неприятель, гнездившийся в ущелинах и неприступных выгоднейших местоположениях, не может противустоять храбрости (нашего) войска... Он всюду протнан. Войска проходят через темную горную пещеру Урзерн-Лох, занимают мост, удивительно игрою природы из двух гор сооруженный и проименованный Тейфельбрике (Чертов мост). Оный разрушен неприятелем, но сие не останавливает победителей; доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершин в бездны и, достигая врага, поражают его всюду...»

Урзерн-Лох — Урзернская дыра представляла собой туннель в скале длиной 50 и шириной около 2 метров. Перед входом французы установили пушку, которая била вдоль тропы. Достаточно вспомнить оборону Фермопильского прохода спартанцами, чтобы представить упорство русских солдат, овладевших такой позицией.

Французы потеряли в этих сражениях в четыре раза больше людей, чем русские. Был убит французский генерал, другой пленен, русские захватили неприятельское знамя. Даже в самые ужасные минуты у Суворова не было мысли об отступлении. Такой мысли не было ни у офицеров, ни у солдат. И упорство победило.

Один из лучших наполеоновских маршалов, Массена, с которым Суворов сражался в Альпах, сказал, что он «отдал бы все свои победы за один Швейцарский поход Суворова».

Блистательный пример стойкости и упорства показали в дни обороны Сталинграда командиры и воины 62-й армии, которой командовал Василий Иванович Чуйков, ныне Маршал Советского Союза. Когда началась наиболее ожесточенные бои, он приказал своему штабу переместиться к самым передовым позициям. Армия знала, что ее командиры рядом, и солдаты дрались еще отважнее, а штаб надежно управлял войсками, хотя условия для его работы были неимоверно сложными.

В середине октября 1942 года фашисты предприняли самую яростную попытку овладеть городом и сбросить наши войска в Волгу. Вот что рассказывает Василий Иванович о том времени:

«В тот день мы почти не видели солнца. Оно поднималось бурным пятном и изредка выглядывало в просветы дымовых туч.

На фронте около шести километров Паулюс бросил в наступление под прикрытием ураганного огня три пехотные и две танковые дивизии... Превосходство в людях было пятикратным, в танках — двенадцатикратным, его авиация безраздельно господствовала на этом участке».

Сколько подвигов было совершено тогда! Каждый дрался, как герой. Восемь немецких танков атаковали наш тяжелый танк. Он подбил четыре. Но тут подошли еще несколько немецких машин. Им удалось поджечь наш танк. Автоматчики врага ждали, когда советские танкисты станут вылезать из люка. В пламени и дыму командир танка Хасан Ямбеков, механик-водитель Андрей Тарабанов, командир орудия Сергей Феденко, радист Василий Мушилов вели огонь до последнего сна-

ряда и патрона. Они не сдались врагу. Радио донесло до своих голос Хасана: «Прощайте, товарищи! Не забывайте нас!» Пением «Интернационала» закончилась эта героическая радиопередача...

В скором времени под Сталинградом было окружено 330 тысяч гитлеровцев. Но чтобы это произошло, чтобы выиграть время для подготовки резервов, 62-я армия должна была с легендарным упорством сдерживать натиск фашистов.

Итак, еще один патрон в подсумке полководца — упорство. С военным планом получается, как с трудной задачей: есть упорство — не через час, так через два решишь ее, нет упорства — бросишь на полпути. Школьнику такое грозит двойкой, полководцу — поражением.

Гибкость полководца

Как бы ни был упорен полководец, он не должен допустить, чтобы упорство перешло в упрямство, в исполнение плана вопреки разуму. Он должен вносить в план изменения по ходу боя или сражения.

Суворов при Нови в Италии, слабо атакуя левый фланг французов, думал выманить их своим ложным отступлением из гор на равнину. Французский полководец Моро разгадал этот замысел и с удобных позиций не вышел. Тогда Суворов еще раз атаковал левый фланг, но сильно, чтобы заставить Моро перебросить туда помощь из центра и этим ослабить центр (в центре позиции неприятеля не были так укреплены). Французы действительно подкрепили левый фланг, и Суворов приказал атаковать центр. Но атака не удалась: Моро, оказалось, снял войска не из центра, а с правого фланга. Как только это стало очевидно, Суворов внес в свой план новую поправку — он атакует правый, ослабленный фланг и добивается блестящей победы: французские потери были вдвое больше, чем у русских, было захвачено 39 пушек из 40, которые имел неприятель.

Ну, а если бы Суворов все время атаковал левый фланг французов? Занимая защищенные позиции, французы истребили бы его войско ружейным и артиллерийским огнем.

Очень просто разницу между упорством и упрямством объяснил Владимир Ильич Ленин:

«Если бы армия, убедившись, что она неспособна взять крепость штурмом, сказала бы, что она несогласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым приемам решения задачи, — про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно».

В истории Великой Отечественной войны есть славная страница, хотя и записано на ней отступление наших войск.

В первый год войны Одесса и Крым оказались отрезанными врагом. Особенно фашисты старались захватить крымскую крепость Севастополь. Наше командование решило сосредоточить силы на обороне Крыма и перебросить туда войска, оборонявшие Одессу: других резервов не было. Предстояло снять с фронта и вывезти на судах целую армию. Враг не должен был заметить это, иначе мы понесли бы огромные потери при отходе — враг превосходил наши силы вчетверо.

Чтобы сбить с толку неприятеля, командование приказало войскам рыть землянки, выдало солдатам теплое обмундирование, в Одессу пришел транспорт, на палубе которого стояли железные печки, в частях велась заготовка овощей — все это должно было навести врага на мысль о том, что армия готовится к зимовке под Одессой.

Были приняты меры, чтобы показать врагу, что мы даже готовимся к скорому наступлению. В светлое время под прикрытием дымовых завес изображалась разгрузка судов, колонны укрытых брезентом (но пустых) грузовиков непрерывно ездил из порта к ли-

нии фронта, в радиопереговоры ввелись новые позывные, разведка подбросила неприятелю «документы» о прибытии новых частей.

В один из октябрьских дней началось наше «наступление». Дальнобойная и корабельная артиллерия открыла ураганный огонь по неприятельским позициям. Бомбовый удар нанесла авиация. Артналеты и бомбовые удары повторялись, враги не смели высунуться из укрытий.

Наступившей ночью наши войска — четыре дивизии — оставили свои позиции и двинулись в порт на погрузку. Их место в траншеях заняли партизаны, ружейным и пулеметным огнем они создали видимость того, что окопы не покинуты. Вся армия благополучно высадилась в Крыму. Враг только на другой день занял Одессу, вдруг обнаружив, что перед ним нет наших войск.

Итак, в подсумке полководца есть патрон очень важного назначения — способность изменять план, когда меняется обстановка.

Полководец и время

Трудно вообразить, какие грандиозные изменения произошли в военном деле. Стрелы, меч, щит — раньше, теперь — танк, ракета, ядерное оружие. Но есть одно, цена чего не упала на войне, а, наоборот, многократно возросла. Это нестареющее оружие — время.

Удивительно владел временем Суворов. Ему он посвятил и самые вдохновенные слова:

«Мгновение дает победу».

«Одна минута решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империи...»

«Я действую не часами, а минутами».

В знаменитой суворовской формуле победы: глазомер, быстрота, натиск! — все основано на времени.

Глазомер — умение охватить глазом поле боя, оценить неприятеля и мгновенно принять решение.

Быстрота — сделать в одно и то же время гораздо больше, чем неприятель: преодолеть большее расстояние, произвести больше выстрелов из пушек...

Натиск — соединить силу с быстротой и тем увеличить сокрушительность удара.

Суворов научил и своих солдат ценить время превыше всего. Поэтому он мог, не рисуясь, сказать: «У меня нет медленных и быстрых маршей. Вперед! И орлы полетели».

Свой самый быстрый марш Фридрих Великий провел со скоростью 18 верст в сутки, французский полководец Макдональд — 33 версты. Суворов под Фокшанами преодолел 50 верст за 28 часов, под Треббией — 80 за 36 часов, под Рымником по размытой дороге в ливень он прошел за двое суток 100 верст. Турецкий шпион доложил великому визирю, что появился Суворов, тот не поверил и приказал повесить распространителя ложных слухов.

В Сталинградской битве был момент, когда буквально часы, а точно шесть часов, могли сказаться на исходе всего долгого и упорнейшего сражения. На помощь фашистам, окруженным у Сталинграда, спешил с огромным количеством танков гитлеровский фельдмаршал Манштейн. Он должен был протаранить наши войска, стоявшие по границе кольца. В этот проход намеревались «вытечь» из котла окруженные.

Навстречу Манштейну двинулась наша 2-я гвардейская армия, которой командовал Родион Яковлевич Малиновский. Армия только что выгрузилась из железнодорожных эшелонов и шла форсированным маршем по морозной, заснеженной степи. И наши и гитлеровцы торопились к одному рубежу — реке Мышкове. Манштейну нужно было преодолеть ее, пока там не было наших войск. Малиновскому — успеть закрепиться на берегу Мышковы и там остановить фашистов. 2-я гвардейская на шесть часов опередила неприятеля. Танковые атаки разбиты о на-

шу оборону, вскоре Малиновский сам перешел в наступление и погнал Манштейна назад. Ни один фашист, окруженный под Сталинградом, не ушел из кольца.

Итак, полководец побеждает быстротой, быстрота — еще один патрон в его подсумке. К тому, что говорил о времени Суворов, прибавим поговорку другого военного гения, Наполеона; он произносил ее, когда давал кому-либо ответственное поручение:

— Идите, бегите и не забывайте, что мир сотворен за шесть дней!

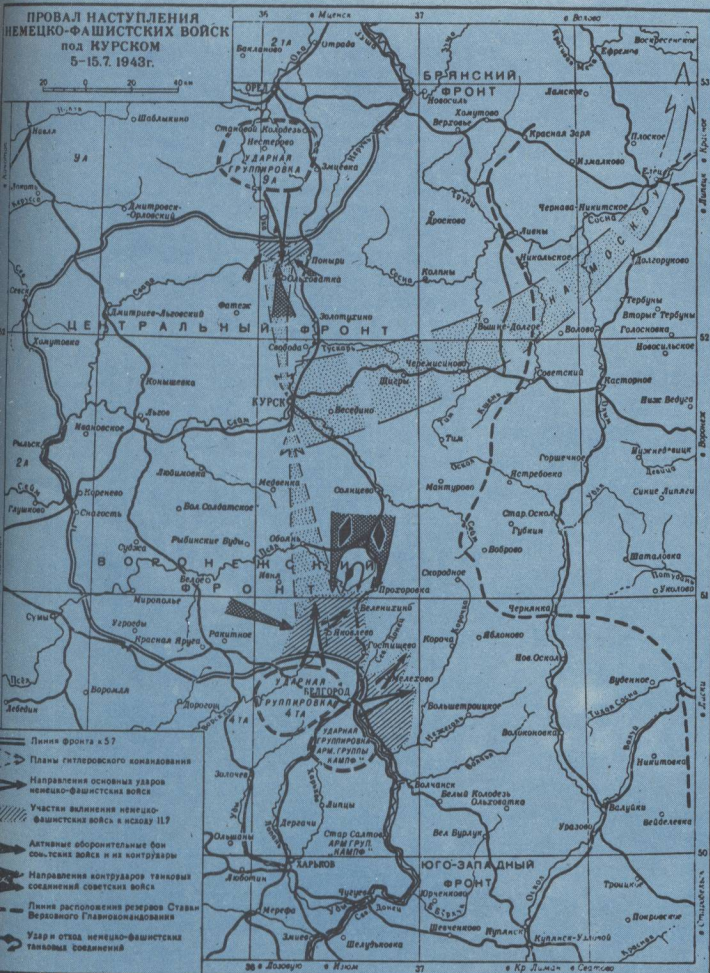
Мы с тобой поговорили о некоторых (не обо всех!) качествах, которые присущи полководцу и военачальнику. Ну, а как же быть с храбростью? Нужна она все-таки полководцу или не нужна?

Нужна, конечно. Тюреннь — это исключение. Остальные знаменитые военачальники все храбрые. Наш маршал Георгий Константинович Жуков еще в молодости, будучи вице-унтер-офицером, получил на первой мировой войне за храбрость два георгиевских креста. Вступив добровольцем в Красную Армию во время гражданской войны, командир Жуков был ранен в рукопашном бою, а в другом бою под ним дважды убивало кобля. Конечно, храбрость полководцу нужна не для того, чтобы мы с тобой восхищались полководцем. Это, как говорят, дело десятое. Русский генерал Драгомиров писал: «Работают у того, кто сам работает, и на смерть идут у того, кто сам ее не сторонится». Значит, личной храбростью полководец показывает солдату, каким должен быть солдат, как должен он воевать с врагом.

Итак, в подсумок военачальника мы с тобой положим и патрон, который называется «храбрость».

Здесь, под Курском, летом 1943 года был решен исход всей войны. После этой битвы и до мая 1945 года германские войска не провели ни одной наступательной операции — только оборонялись.

Рисунок А. БОРИСОВА.

В ЧАС ОПАСНОСТИ

Люди были спокойны, заняты своим делом. Как вдруг начались сильные подземные толчки. Землетрясение! Оно разразилось внезапно. Глубокие трещины прорезали землю, обрушились скалы, осели дюны.

Выбыл из строя канал, подающий воду в Махачкалу. В селении Кумторкала не осталось ни одного целого дома. Пострадали и другие аулы. Обвал преградил русло реки Сулак и создал угрозу затопления строящейся ГЭС.

Корреспонденты всех центральных газет передали сообщения о том, как мужественно повели себя люди в этот грозный час.

«...Пятиэтажное здание хлебозавода раскачивалось, как корабль на волнах, — пишут корреспонденты «Известий» Мамлеев и Андреев. — Работникам хлебозавода было очень страшно, но они не покинули цехов. Знали: хлеб нужен теперь не только Махачкале, на которую они всегда работали, но и жителям селений, пострадавших от стихии».

«...В больнице лопались стены, рушились потолки. Надо

было срочно вынести больных из палат. Врачи попросили помочь им, и разом все жители стали санитарями. Разбили палатки, вынесли из помещения 247 больных и разместили их в палатках».

«...Девушки - телефонистки, понимая, как сейчас нужна связь, работали, хотя земля ходуном ходила под ногами, на голову сыпалась штукатурка».

Весь советский народ сразу же поспешил на помощь пострадавшему Дагестану. Прибыл самолет из Куйбышева — привез 250 палаток. Тысячу палаток прислала Москва. На самолетах доставили медикаменты и перевязочные средства. Пришли поезда из Грозного, Майкопа, Москвы, привезли вещи для людей, оставшихся без крова.

Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов на митинге в городе Буйнакске сказал: случись такая беда раньше, до революции, многим пришлось бы уходить из родных мест, искать лучшей доли, им никто не помог бы. Он говорил о том, как дорога сердцу каждого горца нерушимая дружба, братство, которое спаяло наших людей.

Летом у всех ребят, пожалуй, на первом месте спорт, физкультура. Поэтому сегодня мы раскрываем для обозрения газету «Советский спорт». Заметки, о которых мы расскажем, могут кое-чему научить всех ребят.

Заболели на финише

Старший тренер сборной молодежной команды СССР по вольной борьбе Ю. Стадура рассказал о таком случае с молодым борцом А. Кагировым.

— У этого борца хорошая техника: он выиграл много схваток и вышел в финал. Осталась одна, последняя встреча, и... он отказался от нее. Представляете? Струсил.

Тренеры доказывали ему, что он должен выйти на ковер, и он согласился. Но в схватке был вялым, непохожим на самого себя.

Так же повел себя и другой молодой борец — Гегешидзе. Не хватило воли, нервов провести последнюю, решительную схватку.

А один борец так разволновался, что стал грубить, оскорбил судей, и его удалили с арены.

Свою статью Ю. Стадура назвал: «На ковре — место честным и смелым».

Умей владеть собой

Лариса Петрик, олимпийская чемпионка по гимнастике, пишет, что у спортсмена всегда

ДОРОГИ НУЖНЫ ВСЕМ

Об этом в газете «Сельская жизнь» пишет заместитель министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР Г. Бородин. В своей статье он показывает, как хорошие дороги сокращают расстояния, как уменьшаются потери при перевозке.

Два колхоза в Калининской области — «Искра» и «Дружба» — находятся неподалеку друг от друга. Но цена продуктов, которые они выпускают, разная. У «Искры» — хорошая подъездная дорога, и перевозка одной тонны на один километр обходится в 6 копеек. А у «Дружбы» — 12 километров дороги неблагоустроенной, и поэтому тонно-километр обходится в 14 копеек.

Значит, продукты колхоза «Искра» дешевле, чем в «Дружбе». Из-за дороги.

В Горьковской области сейчас все районные центры и города соединены хорошими дорогами, по которым регулярно ходят автобусы. Людям легко попасть из одного города в другой. Гораздо дешевле обходятся все перевозки, и быстрее все перевозят.

Газета подчеркивает: дороги нужны всем, и все должны заботиться о хороших дорогах.

должно быть такое чувство: могу, сделаю, обязан доказать себе, что я сильный. «Тут нужна собранность, — пишет она — Вот я на бревне. Если расслаблюсь — упаду. Тот, кто не умеет владеть собой, даже если он в форме, если ловок, прыгуч, все равно он слабый спортсмен.

Моя слабость в том, что, пока меня, так сказать, не ударят по голове, не прижмут к стене обстоятельства, настоящий характер во мне не проявляется. Еще слабость — излишнее волнение. Тогда я внушаю себе, что я не я, а как бы робот — меня научили, я умею и должна сделать, и без переживаний».

Вспоминая годы боевые

В музее обороны Ленинграда висит портрет знаменитого пловца Леонида Мешкова. Во время войны он был на фронте. Однажды мастерство спортсмена спасло жизнь ему и его товарищу. В разведке они перебирались через речку Лугу. Взорвалась мина, и Сергею, товарищу Леонида, раздробило руку. Мешков подхватил Сергея, вошел с ним в воду и поплыл. В это время снаряд фашистов, взорвавшись в реке, обдал пловцов градом осколков. Леонид был ранен в обе руки.

Сергей уже не мог держаться. «Наклонился я к нему, — пишет Леонид Мешков, — шепчу: держись как-нибудь за шею, поплывем.

И поплыли. Эх, Луга, Луга! Много я плавал до этого и не думал, что надо будет наплавать добрый десяток тысяч километров, чтобы потом, в трудную минуту, переплыть узкую эту речку».

После войны Леонид Мешков старался во что бы то ни стало восстановить работоспособность своих рук. Прошли многие дни утомительных тренировок на самодельном аппарате для развития силы рук. И Мешков снова стал замечательным пловцом-рекордсменом.

За семь послевоенных лет он побил мировые рекорды американцев Кеттли, Роббина, немца Хайма, голландца Ванвейна. Сто раз улучшал всесоюзные и мировые рекорды.

Однажды он сделал двенадцать попыток, чтобы побить рекорд. Все безуспешно. Он

вышел в тринадцатый раз, поднялся на тумбочку, прыгнул. Никто не ожидал, что в тринадцатый раз, истратив так много сил на неудачные попытки, он сумеет победить.

А он победил.

Уроки на дом

По всем предметам дают задания на дом. Только по физкультуре почему-то таких заданий нет. В Харькове решили исправить этот промах. Врачи, учителя и родители вместе создали комплекс физкультурной подготовки ребят. В него входит обязательная утренняя зарядка, дыхательные упражнения, прогулки, строгое соблюдение режима дня.

Полтора года вели наблюдения над здоровьем ребят, живших по такой системе. Оказалось, что они перестали простужаться и болеть. Меньше устают. Лучше стали учиться. Врачи установили, что у всех ребят увеличилась емкость легких — а это очень важно для здоровья.

ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ. ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ.

Спор через океан

В «Советской России» напечатана статья кандидата экономических наук С. Игнатушенко «Торговля или... дзю-до?». Автор рассказывает о соперничестве между Японией и США.

Сейчас Япония вторая по экономической мощи страна в капиталистическом мире. На первом месте США, но в Японии развитие и рост промышленности идут быстрее, чем в США.

Поэтому США и Япония ведут между собой жестокую борьбу.

Автор рассказывает, например, о том, что американские текстильные короли стараются ограничить ввоз в Америку японских тканей — им это невыгодно. И министр торговли поддерживает их.

Интересы капиталистов переплетаются с политикой страны. Американцы заявили, если японцы не согласятся на ограничение ввоза текстиля, то они, американцы, не вернут Японии остров Окинаву в Тихом океане, где расположена военная база

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО,
ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

ЛОСКУТ ЦЕНОЙ В МИЛЛИОН

На большом меховом комбинате шьют шубы. При раскрое всегда остаются какие-нибудь лоскутки. Грузовики отвозили их на свалку. По дороге грузовики проезжали мимо маленькой ткацко-галантерейной фабрики. Там очень завидовали богатым меховщикам. Вон какое богатство они выбрасывают! И как-то попросили шоферов завернуть на фабричный двор и отдать им эти лоскуты. «Чем выбрасывать, отдайте лучше нам». Шоферы согласились. Правда, пусть лоскут лучше пойдет в дело, чем на свалку!

Галантерейщики, умные, бережливые, тотчас и приспособили лоскуты. Понашили теплых варежек, меховых жилетов, модных курток. Они выпустили продукции на два миллиона рублей.

Вот какое богатство выбрасывали неразумные их соседи — меховщики.

США. По договору между Японией и США этот остров должен быть «возвращен» Японии в 1972 году.

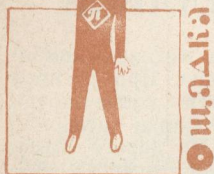
Со своей стороны, Япония не пускает к себе американские автомобили, ограничила их ввоз. Тогда американские предприниматели решили построить в Японии автомобильные заводы и обойти запрет: они не будут делать их в Японии и продавать тут же, на месте. Развернулась «автомобильная война». Японским предпринимателям удалось оттянуть решение этого спора до конца 1971 года.

Такая же борьба идет и между авиационными компаниями. И в других отраслях промышленности. Действует закон капитализма: беспощадная борьба за наживу.

Спор о порхающем волане

Г. ЮРМИН

спортна

Говорят, несколько лет назад в нашем международном ребячем лагере на берегу Черного моря произошла такая история. В гости к советским пионерам приехали на каникулы дети из разных стран. И в один из жарких

дней, вволю накупавшись, ребята принялись играть в бадминтон, перекидывать ракетками через сетку волан. Вот тут-то все и началось. Возник спор (переводчикам работы хватало!): откуда пришел бадминтон, из какой страны «прилетел» порхающий волан?

Японский мальчик сказал:

— Известно откуда, из моей родной страны, из Японии. Уже шестьсот лет назад мои соотечественники увлекались этой игрой. Ракетки у них в то далекое время были деревянные, а волан — из перьев и вишенки. Вишенку брали поспелее да покрупнее, вставляли в нее штук пять или шесть гусиных перьев, потом засушивали на солнце, и давай перекидывать пернатую ягодку ракетками. Эта игра называлась «Ойбане» — «Летающее перо».

— Вот и нет, — возразила ему девочка французенка, — волан «прилетел» из моей страны, и называлась у нас эта игра «Коквантен»

— А про «Леток» слышали? — спросил их русский мальчик. — У нас еще двести лет назад гоняли леток из перьев. Я в книжке читал.

— А про нашу «Поону»? — перебила его индианка.

Потом заговорил малаец, потом — вьетнамец, за ними — другие. И каждый доказывал, что волан «прилетел» из его страны.

Потом в спор вступил мальчик из Англии.

— Как называется теперь игра в волан? — спросил он.

— Бадминтон! — закричали все.

— Ага, бадминтон! А знаете, почему? Один мой земляк, житель небольшого городка Бадминтона, что недалеко от Лондона, первым стал в 1872 году гонять со своими друзьями волан и назвал эту игру именем родного города. Вот откуда бадминтон.

Вожатый слушал, слушал и наконец тоже сказал свое словцо.

— По-моему, спор этот пустой. Искать страну, где создана игра в порхающий волан, все равно что искать изобретателя стола, вилки, ложки или табуретки.

И волан снова запорхал над пляжем.

Вот такая история. Но мне хотелось бы добавить к ней еще несколько слов: рассказать, что такое СОВРЕМЕННЫЙ бадминтон и как в него играют спортсмены. Потому что обычно наблюдаемое мной на лужайках и во дворах беззаботное перекидывание волана (только бы не дать ему упасть) с настоящим бадминтоном

имеет мало общего. Прежде всего для бадминтона требуется специальная площадка (длина — 13 метров 40 сантиметров, ширина — 6 метров 10 сантиметров) и сетка (ее высота до верхней кромки — 152 сантиметра) с частыми ячейками, чтобы маленький волан, перьевой или пластмассовый, не пролетал сквозь нее. Кстати, слово «волан» в переводе с французского значит «летучий».

Начинается игра с подачи. Счет, как в волейболе, до 15 очков. Каждая игра, один на один или двое на двое, все равно состоит из трех партий. Задача: одним ударом ракетки перекинуть волан через сетку, да так, чтобы сопернику было трудно его отбить. Ведь волан можно принимать только с лета, не давая ему приземлиться.

Обычный мячик летит после удара стремительно, и его скорость что в начале, что в конце пути одинаково быстра. А волан же быстро летит только в первый момент, а потом — замедленно, планируя в воздухе. Это из-за его перьевой или пластмассовой «юбки». Сначала она от скорости сжимается, потом распрямляется и становится как бы парашютиком, который тормозит полет.

Многим кажется, будто принять этот не быстрый летящий волан и точно переправить его в нужный уголок площадки соперника не составляет никакого труда. Но это вовсе не так. Точно и обязательно с лета пробить по неравномерно движущемуся волану — дело нелегкое. И все же среди ловких, быстрых, хорошо тренированных спортсменов-бадминтистов есть прямо-таки снайперы. Сильнейший игрок, в недавнем прошлом чемпион мира по бадминтону индонезиец Ферри Сонневилли, в Москве, во время разминки перед встречей, послал один за другим 12 воланов, и они все приземлились на участке не шире двух ладоней.

— Как вы добились такой точности ударов? — спросили у индонезийца.

— О, это так просто! — ответил он с улыбкой. — Надо, как это делаю я двадцать лет подряд, каждый день совершать на тренировке не меньше тысячи таких ударов.

Как во всякой спортивной игре, у бадминтона есть свои «хитрости».

Вот игрок резко замахнулся. Кажется, что будет пушечный удар. Но... в последний миг рука как бы останавливается, и волан тихо-тихо перелетает через сетку. Противник обманут.

Вот игрок всем своим видом — движением тела, рук, ног — показывает противнику: «Я сейчас обязательно ударю тебе под правую руку». А сам посылает волан под левую.

...Очень вам советую заняться бадминтоном. Не ленивой перекидкой друг другу неторопливого волана, а настоящим, спортивным бадминтоном — игрой ловких, выносливых, сильных!

ЗАХОД СОЛНЦА

Птичий мир,
Шумный мир
Удивляется:
Солнце скрылось
И не появляется!
Убежало из леса,
С лугов и полей,
Сразу стало
Темней и грустней!
На болоте кулик
На судьбу плачется:
Плохо мне!
Где оно прячется?

Пролетала галочья стая,
Закричала галка,
За ней—другая,
А за ней—остальная
Галочья стая:
Я его видела!
Я!
Я!
Я!
Оно торопилось
В чужие края,
Потом обессилело,
В море нырнуло
И
Утонуло...

Чрезвычайно печально!
Чрезвычайно печально!
Кто нам вытащит солнце из
 моря?

Все расстроились
Необычайно,
И все песни забыли от горя.

СОРОКОНОЖКА

Сороконожка
В недоумении:
Хожу я в гости,
И мне почтение
Везде и всюду,
И тем не менее
При всем при этом,
При всем при том
Зимой и летом
Я босиком!

И прибывает
Она в Белград,
Где обувают,
Как говорят,
Кого угодно
И всех подряд!..
Что же, ей тоже
Дают в магазине
Обувь на коже
И на резине.

Вот легкие туфли для нашего деда —
Гулять по дорожкам после обеда.
А вот для мальчишек прочные бутсы —
Гоняй хоть булыжник — они не
порвутся!

Туфли для девочек — если не лень,
через скакалочку прыгай весь день!
Ботинки с шипами для альпиниста,
Которому всюду кажется низко.
Узорные полусапожки, как в сказке, —
Для тех, кто в ансамбле песни и пляски.
А вот высоченные сапоги —
Их носят охотники и рыбаки.

Туфли, ботинки
И полуботинки,
Разноцветные,
Как на картинке.
Для босоногих.
Для быстругоных.
Для длинноногих.
Для коротконогих.
Но все — для двуногих,
Двуногих, двуногих...
Ни туфельки нету
Для сороконогих!

Сороконожка
Взгрустнула
Немножко.
Потом побежала
Сороконожка,
Как прежде, босая,
Вдыхая дорогой:
Как видно, придется
Ходить босоногой!

Рисунки А. БОРИСОВА.

В ГОСТЯХ У СЛОНОВ

В. ПЕСКОВ

Фото автора.

Перебирая свои африканские снимки, я закрыл на минуту глаза и сразу представил себе тот день...

Жарко было, невыносимо. Утром мы сели в маленький самолет и стали кружить над саванной. Мы видели львов, спавших на сухом возвышенном месте, у водопоя спугнули буйволов, — подняв тучу пыли, стадо помчалось между редких деревьев, только чуть-чуть отставая от тени нашего самолета. Мы увидели сверху множество антилоп. Они прыгали, как кузнечики, если мы опускались очень уж низко, и спокойно паслись, стоило нам подняться. Но, конечно, интересней всего было видеть сверху слонов. Звери большие. Мы издали их заметили и сделали круг, чтобы не распугать. В нежно-зеленой траве паслись четыре слонихи и три слоненка — два подростка лет по шести и один родившийся в этом году малыш.

Было хорошо видно, как слонихи дергают хоботом траву, встряхивают ее, чтобы осыпать землю с корней, и, подогнув хобот, отправляют порцию пищи в рот. Слоны забеспокоились, стоило нам пролететь прямо над ними. Они побежали ближе друг к другу, а меньший слоненок прижался к передней ноге матери... Мы не стали досажать слонам, но хорошо запомнили место, чтобы приехать сюда на машине.

Через час, фотографируя по пути буйволов и полосатых зебр, ходивших вперемежку с жирафами, мы приехали на опушку леска и сразу увидели наших знакомых. Четыре слонихи и три

слоненка по-прежнему были вместе. Машины слоны не боялись. Мы подъехали метров на пятьдесят и встали в тени колючей акации. Я, стараясь не громыхать, пролез через люк на крышу нашего вездехода и приготовил фотографические аппараты. Шофер, видя, что остановка затянется, задремал.

Слонов жара тоже загнала под деревья, росшие возле воды. Мы застали момент купания. Слоны хоботом набирали из бочага желтоватую воду и обливались. Маленький слоненок пожелал залезть в лужу. Он нежился там, а слониха поливала ему спину водой, занося хобот, как шланг, то слева, то справа.

После купания слоны стали обсыпать себя пылью и сделались красными, потому что земля и пыль в этих местах красные. Позже нам рассказали: таким способом слоны спасаются от докучливых паразитов, а также и маскируются. Поди попробуй отличи на красной земле красную гору слона! В заповедниках, правда, слонам ничто не грозит. Но они маскируются с той

поры, когда охотники беспощадно стреляли слонов, чтобы завладеть дорогими белыми бивнями. Сейчас в заповедниках слоны восстановили былое доверие к человеку. Но есть места, где за слонами охотятся, как и прежде. Так что полезных привычек терять нельзя. И обязательно этим привычкам слоны обучают своих малышей.

Судя по всему, перед нами были три матери со слонятами и одна «тетушка», помогавшая воспитывать малышей. Напудрившись красной пылью, они теперь спокойно дремали. В бинокль я видел, как от укусов мух вздрагивала красная морщинистая кожа и бил по спине и бокам голый хвост с метелкой жестких волос на конце. Впрочем, дремали только взрослые члены семейства. Маленький слоненок сновал у них под ногами. Забредая в густую высокую траву, слоненок совсем скрывался. Был виден только маленький хоботок, торчавший кверху наподобие перископа.

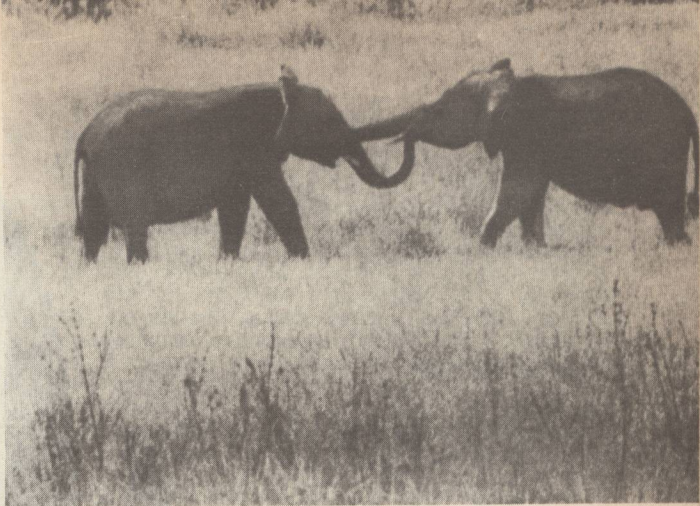
Два слоненка постарше что-то не поделили. Они отошли в сторону, уставились друг на друга и стали распушать уши. Сначала мы подумали: это игра. Но вот слонята стали в угрожающие позы и принялись размахивать хоботками. Я залез на дерево, чтобы сверху заснять потасовку. Слонята сцепились и стали тянуть друг друга, тонко похрюкивая. Этот звук заставил одну из слоних очнуться. Она направилась к драчунам. «Ну, сейчас задаст трепку обоям», — кивнул я своему другу. Но слониха обошлась с драчунами удивительно мягко. Она положила хобот на спину одному, потом другому. А когда драчуны расцепились, встала между ними. Один слоненок успокоился сразу. Другой продолжал волноваться. Слониха протянула хобот и поводила им возле маленьких бивней. Казалось, она ласково говорила: «Ну что ты, ну успокойся. Разве так можно?..»

И слоненок сконфузился. Уши, как два лопуха, опустились, хобот обмяк. Слониха неторопливо вернулась на свое место, и с нею рядом покорно шли драчуны...

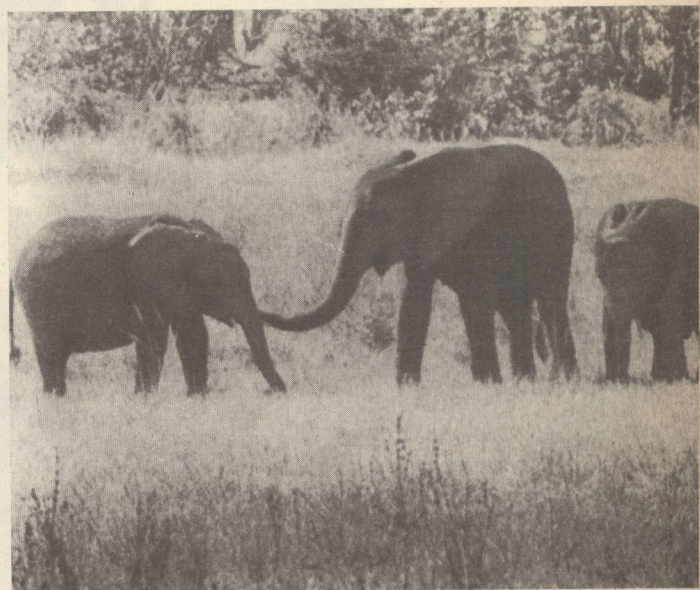
Мы наблюдали слонов часа три. К месту, где они отдыхали, доставая с деревьев верхние веточки, приблизились два жирафа. Слоны даже ухом не повели. Обезьяны проскочили почти под ногами — тоже никакого внимания. Но стоило нам подъехать чуть-чуть поближе, слоны сразу повернули к нам головы и распустили огромные, как одеяла, уши. Одна из слоних даже подняла кверху хобот. Это крайняя степень возбуждения. Еще немного, и слоны могут броситься на машину. Такое случается, и мы немедленно отступили.

Слоны тоже решили с этого места уйти. Цепочкой, один за другим, они пошли в невысокий кустарник. Пошли неторопливо, с достоинством. Минут десять мы видели, как шевелились кусты, а вверху, как перископы, торчали четыре хобота — слонихи на всякий случай нюхали воздух: нет ли какой опасности...

Это было в прошлом году в Танзании. А Танзания, если глянуть на карту, находится на восточном берегу Африки, вблизи от экватора.

Слонята сцепились и стали тянуть друг друга, тонко похрюкивая.

Слониха встала между драчунами.

Драка забыта.

Джеймс ТАРБЕР

СКАЗКА

ВОЛШЕБНОЕ

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

— Я и есть человек с кораблем,—
сказал человек в черном.

1

Где-то вдали огромные башенные часы медленно пробили двенадцать ударов. Над горизонтом стелились грозовые тучи, и не было луны. Лишь только унылый хор лягушек нарушал тишину. Вдруг, как сигнал горна посреди колыбельной песни, в дремотной темноте возникла фигура человека. Он вошел в таверну, что стояла у самого моря, и в крошечной тьме вспыхнула полоска света, которая тут же погасла, когда старая дубовая дверь снова закрылась.

Незнакомец был моряком, и при виде его все умолкли. На плече у незнакомца сидел зеленый попугай, а за спиной торчала косичка. Под мышкой у него не было костыля, потому что у него были обе ноги, и при ходьбе он, как гусь, раскачивался из стороны в сторону. Его голос, когда он заговорил, прозвучал гулко, как удар колокола, и глухо, как из могилы.

— Зовите меня Маленьким Джеком! — проревел он, и все стали называть его Маленьким Джеком.

Из темного угла ему кивнул тощий маленький человек в черной шляпе и черных перчатках, и Маленький Джек сел за тот же стол напротив человека в черном.

— Ты похож на человека с картой, — прошептал ему человек в черном.

— Я и есть человек с картой, — прогудел Маленький Джек. — Это карта затерянного в океане острова, где спрятан клад драгоценных камней: сапфиров, изумрудов и рубинов. Я ищу человека с кораблем.

— Я и есть человек с кораблем, — сказал человек в черном

— И с командой??
— И с командой.
Джек. — А имя у тебя есть? — спросил Маленький

Джек. — Я человек по имени Блэк, — ответил человек по имени Блэк.

Их правые руки сошлись в рукопожатии: одна — тонкая, волосатая, в перчатке, другая — тяжелая и голая, и в час ночи была заключена сделка.

— Две трети добычи — нам, одна треть — команде.

Блэк улыбнулся, и когда он улыбался, то скалил нижние зубы.

— А теперь дай-ка мне взглянуть на карту, — сказал он.

Маленький Джек расстелил перед ним карту. — На ней нет ни крестиков, ни птичек! — удивился Блэк. — Должны же быть крестики и птички, которыми помечают клады.

— Есть другая карта — с крестиками и птичками, но что с нею стало и где она сейчас, никто не знает, — сказал Маленький Джек.

— Мы найдем эту карту! — воскликнул Блэк. — А если нет, то найдем клад и без нее.

В два часа ночи они поднялись на борт.

— Что-то я никак не разберу название твоего корабля, — сказал Маленький Джек. — Как он называется?

— «АЕИУЫЮЮЯ», — ответил Блэк.

— Какое странное и жуткое имя! — удивился Маленький Джек. — Похоже на крик ночной птицы.

— В нем все гласные, кроме «О», — объяснил Блэк. — Я ненавижу эту букву с тех пор, как однажды ночью моя мать застреляла в оружейном окне. Мы не смогли ее втащить, и пришлось вытолкнуть ее за борт. — Блэк поежился, и глаза его посуровели. — Как называется остров? — спросил он, чтобы отвлечься от мыслей о ненавистном «О».

— Оороо, — ответил Маленький Джек, и Блэк снова поежился.

— Похоже на глаза двух привидений, — сказал он, — прислонившихся к «Р». Сам-то я употребляю слова с «О», так что мне плевать.

В ночной темноте раздался пронзительный вопль.

— Ночная птица, — прошептал Блэк. — Моряки говорят, что это кричит моя мать. Давай-ка спустимся в каюту, там у меня полно рому.

2

Когда наступил рассвет, с берега уже никто — даже самый зоркий и в самый сильный бинокль — не смог бы разглядеть «АЕИУЫЮЮЯ» с парусами чернее воронова крыла. Путешествие было долгим, и все время стояла хорошая погода. Наконец однажды утром корабль вошел в единственную гавань на затерянном в океане острове, и в сопровождении угрюмых пиратов Блэк и Маленький Джек сошли на берег: первый — чуть не падая от морской болезни, второй — как гусь, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Мы приехали за вашими сокровищами, — сказал Маленький Джек мирным жителям острова. — У нас абордажные сабли и пистолеты.

— И еще дубины, заступы и стилеты, — прохрипел Блэк.

— Но у нас нет никаких сокровищ, кроме синевы наших рек, зелени наших полей да алых губ и розовых щек наших девушек, — ответили жители острова.

— Мы приехали за вашими драгоценными камнями! — крикнул Блэк.

— У нас есть только кораллы, опалы и самые обыкновенные минералы, — ответили жители острова.

— Обыкновенные минералы, обыкновенные минералы! — подхватил зеленый попугай.

— Есть такая карта, — сказал Блэк, — секретная карта с крестиками и птичками.

— Нам ничего не известно о такой карте, — ответили жители.

Блэк оскалил нижние зубы.

— Разберите город на части! — закричал он, и пираты начали разбирать город на части: саблями, заступами, дубинами они сшибали с дверей замки и засовы, выставляли оконные рамы, взламывали комоды, переворачивали кровати и столы, вытряхивали все из коробок, заглядывали в погреба и бочки, но им попадались только кораллы, опалы и обыкновенные минералы, медальоны, любовные письма, блокноты, картонки, альбомы и ноты — не было ни драгоценных камней, ни карты с крестиками и птичками.

— Перекопайте землю на опушках! — приказал Блэк.

Путешествие было долгим, и погода стояла хорошая.

— Перекопайте землю на полях! — приказал Маленький Джек.

Пираты перекопали землю на опушках и на полях, но им попадались лишь осы, кроты и гнилые кокосы.

Вечером Блэк и Маленький Джек сидели в таверне и пили ром пивными кружками.

— Здесь должны быть сапфиры, — проворчал Блэк.

— Изумруды и рубины, — прогудел Маленький Джек.

— Кораллы и опалы, — проверещал зеленый попугай. — Осы, кроты и гнилые кокосы.

— Заткни ему пасть! — заорал Блэк.

— Заткни ему пасть! — отозвался зеленый попугай.

— Эге! — сказал Блэк, немного подумав. — Я доволен, что он назвал те вещи, которые нам попадались. Во всех этих словах есть «О», и все, куда бы мы ни заглядывали, что ни открывали и где ни искали, тоже называется словами с «О»: погреба, комоды, блокноты...

— Картонки, коробки и ноты, — добавил Маленький Джек.

Блэк усталился в свою кружку, и в это время висевшие на стене часы-ходики пробили шесть раз.

— Ненавижу все, что называется словами с буквой «О»! — закричал он. — Ходики и попугаев — тоже!

С этими словами он швырнул в ходики кружку, и они разбились, но в них не оказалось ни рубинов, ни сапфиров, ни изумрудов, ни карты.

— Попугая моего зовут Пьер, — сказал Маленький Джек.

После тринадцатой пинты рома Блэк хриплым голосом запел свою любимую песню, в которой не было ни одного «О»:

Мне бы век не видеть этих жутких людей,
Этих жутких людей и их жутких детей.

Я бы их вжик! Вжик! Вжик!

Я бы их чик! Чик! Чик!

Эх, да мне бы век не видеть этих жутких людей,

Этих жутких людей и их жутких детей.

Все, кто были в таверне, молча усталились на Блэка, затем поскорее расплатились и, не допив вино, поспешили прочь.

3

Ночью жители острова тайно собрались на опушке леса. Их созвал поэт Андреус, который прочел им, или, вернее, пытался прочесть, только что отпечатанную у Печатника поэму «Грит пличная звезда». Но со смертью буквы «О» умерла и поэзия.

— Скоро Блэк и Маленький Джек запретят нам жить в наших домах, — сказал Андреус, — потому что в слове «дом» есть «О».

— Они отнимут у меня дрожжи, — простонал Пекарь.

— Они отберут у меня золото, — всхлипнул Ювелир.

— И мой кузнечный горн, — вздохнул Кузнец.

— И мои выкройки, — заплакал Портной.

— И мой шоколад, — пробормотал Кондитер.

И пираты снова лихо взялись за дело.

В этот момент поднялся человек по имени Хайд.

— Шоколад вреден для желудка, — сказал он. — У нас останется перечная мята и ваниль. Спасибо Блэку и Маленькому Джеку, что они избавили нас от мороженого и конфет.

— Хайд — юрист, — напомнил Андреус, — и у него не отберут его авансы и пени.

— Чернила и папки, — сказал Пекарь.

— Бумаги и пергамент, — сказал Ювелир.

— Кабинет и суд присяжных, — сказал Кузнец.

— Судебные иски и издержки, — сказал Портной.

— Бланки и печати, — сказал Кондитер.

Но юрист Хайд только отмахнулся от них.

— Всем нам стало одинаково плохо, — сказал он. — Все мы попали в беду. Нужно найти им драгоценные камни, пока пираты нас совсем не погубили. Я предлагаю немедленно приняться за поиски, заглянуть во все укромные уголки и даже в скворечники.

Кое-кто согласился с Хайдом, но большинство стало на сторону Андреуса.

— Нужно придумать, как спасти наши дома, — сказал он.

На другое утро, когда поэт Андреус гулял со своей собакой по изрытой пиратами мостовой, он столкнулся с Блэком и Маленьким Джеком.

— Ненавижу собак, — взвизгнул Блэк. — В слове «собака» есть буква «О».

— Но ведь это пудель, — ответил Андреус, — и зовут его Артур!

На острове началась паника, потому что люди могли держать свиней, но боровы были запрещены. У людей остались бараны, но не стало овец. Жеребята и телята осиротели, потому что лошади и коровы тоже оказались под запретом. Утятам ничего не грозило до тех пор, пока они держались вместе, но стоило одному из них отбиться, как его постигала беда, потому что в слове «утенок» есть «О». По той же причине и цыплята не могли ни на шаг отойти от наседки. У детей отняли пони, у крестьян — коней и волов, коз, собак и ослов.

Возникло очень много спорных дел, с которыми люди толпами приходили в суд.

— Пусть разъяснят закон этот толком! — требовали люди.

Тогда Блэк назначил Хайда старшим юристом и главным судьей.

— Чем меньше будет ясности, тем лучше, — напутствовал его Блэк. — Не забудь, что я ненавижу это слово.

— Нет огурцов! — возмущались хозяйки. — Картошка нужна, нужны помидоры!

— Я запрещаю крамольные разговоры! — рявкнул Хайд.

— Мы остались без горчицы, без укропа и корицы, — жаловались другие.

— Не беда! Есть сельдерей, — ответил Хайд, — и шалфей, лук, петрушка и чабрец, хрен и уксус, наконец, есть ваниль и перец есть — специй всех не перечислить!

При этих словах женщины в панике выбежали вон из суда.

— Не отличить крошки от окрошки, — жаловался Повар, когда жители острова снова собрались в лесу на тайную сходку.

— Города от огорода, — подхватил Крестьянин.

— И даже еще хуже! — воскликнул Андреус. — Кот и кто теперь звучат совершенно одинаково. Клоуна не отличить от колуна, полено от плена. Нужно немедленно что-то придумать, пока мы не разучились понимать друг друга. Я предлагаю как следует порыться в наших библиотеках, перелистать все книги, просмотреть все записи и старые письма — где-нибудь да написано, как можно избавиться от Блэка и Маленького Джека.

Ночь была очень темная, и Андреус и его друзья и думать не думали, что их подслушивает Хайд, который уже давно спрятался за дерево. Наутро он поспешил к Блэку и рассказал все, что ему удалось подслушать.

Пираты перекопали весь остров, но попадались им лишь осы, кроты и гнилые кокосы.

— Уничтожить все опасные книги, — приказал Блэк. — В первую очередь с буквой «О»: биографии, биологию, географию, психологию, философию, филологию, агрономию, астрономию, гастрономию, геометрию, тригонометрию и все остальные «ологии», «ономии» и «ометрии».

Пираты лихо взялись за дело. Никто и ахнуть не успел, как они разнесли все колледжи и школы, уничтожили множество книг, растоптали все глобусы, переломали школьные доски и разогнали всех профессоров, преподавателей и воспитателей. Теперь уже некому было учить, где нужно вставлять букву «О».

4

На острове жила красавица по имени Андреа. Однажды ночью, когда Андреа перебирала книги в библиотеке своего отца, ей попала под руку старинная магия. На следующую ночь Андреа с этой книгой пришла на опушку леса, где происходило собрание.

— Давайте не будем бояться произносить «О», — сказала Андреа. — Мы пропадем, если лишимся мужества, а мужество без «О» — сущий вздор.

С этими словами она вручила Андреусу старинную магию.

— Книга называется «ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОК», — сказал Андреус.

— Эта книга мне знакома, — дрожащим голосом отозвался старец с длинной белой бородой.

— Тогда скорее рассказывай, о чем эта книга! — крикнул Андреус. — В ней много сносок, а без «О» их невозможно прочесть.

Старец откашлялся и заговорил:

— Слушайте, дети мои, и вы услышите историю о волшебном замке, который явится людям именно в этом году и не позднее чем через месяц, считая от сегодняшней ночи. Тысячу лет тому назад на этом острове жил король, но он был изгнан из своего замка такой же бандой пиратов, как и те, что притесняют нас сегодня. Они разнесли весь замок, разобрали его по камням, пытались найти клад или карту, которых там не было или которых им не удалось найти. Королю пришлось бежать, но прежде, чем навсегда уйти в изгнание, он заколдовал то место, на котором стоял замок.

— И что же он наколдовал? — нетерпеливо спросил Андреус.

— Раз в сто лет, — сказала Андреа, — замок будет являться людям, таким, каким могут увидеть его только дети, когда они видят сны.

— А кому в него можно войти? — спросил Андреус. — И зачем?

Андреа горестно всплеснула руками.

— Последняя страница этой книги потерялась.

— На последней странице была карта, — тихим голосом сказал старец. — У меня теперь не та память, что была когда-то, но это я помню.

— Где же эта карта? — спросил Андреус.

Старец задумался и все думал и думал, пока наконец не сказал:

— На стене. Д-да, вспомнил, на стене. В замке, на стене. Кто найдет карту — найдет какой-то клад, а если не найдет — ему несдобровать.

— Значит, мы должны быть наготове, чтобы первыми войти в этот замок! — воскликнул Андреус.

Старец уныло покачал головой.

— В замок этот могут войти только злые люди, — сказал он. — Такова была воля короля.

И все отвернулись друг от друга, чтобы скрыть отчаяние.

5

Весь следующий день пираты ломали купола и выворачивали из стен угловые камни, крушили мра-

— Мы пропадем, если лишимся мужества!

морные колонны — готические, дорические, коринфские, ионические — и уничтожали все, что было в стиле барокко и рококо. В холодном монастырском коридоре Блэк топором разбил гипсовые бюсты Гомера, Горация и Гиппократы, Демосфена, Софокла и Сократа, Овидия, Платона и Цицерона, но в битом гипсе ничто не сверкало и не поблескивало.

— Почему бы нам не разрыть могилы? — предложил Маленький Джек. — Клады нередко прячут в могилах.

— Могилы на кладбищах, — ответил Блэк. — А я с величайшим уважением отношусь к словам, в которых нет «О»: верблюды и медведи, тигры и рыси, пантеры, пумы и ягуары, да еще черепахи,

змеи и ящерицы. Я все же люблю этих зверей — не то, чтоб уж очень, а так, самую малость.

— А я все же побаиваюсь зверей с «О», — сказал Маленький Джек. — Не то, чтоб уж очень, а так, самую малость.

— Я случайно узнал, — сказал Блэк, — что на этом острове нет зверей с «О». И вот почему. Среди наших матросов есть человек по кличке Липкие Руки.

— Ловкий малый, — я его знаю, — сказал Маленький Джек.

— Так вот, к липким рукам этого малого, когда он рылся в чужих комодах, прилипла одна старинная рукопись.

— Что еще за рукопись?

Блэк оскалил нижние зубы.

— В ней рассказывается о том, как давным-давно, в старые времена, здешний король, племяннику которого укусил крокодил, приказал очистить остров от крупных зверей с «О»: крокодилов, буйволов и слонов, питонов, боа и кобр, гиббонов, горилл и волков. Исчезли орангутанги и орлы. Дикобразы, утконосы и еноты, леопарды, динго и коршуны — всех их повыгоняли из джунглей и пещер, погоняли с деревьев и гор.

— А что стало с носорогами и гиппопотамами? — спросил Маленький Джек.

— Убежали вместе с оленями и антилопами, — ответил Блэк. — С тех пор на острове нет крупных животных с «О». Остались только маленькие — их нечего бояться.

Эти слова Блэка услышала служанка. Покончив с делами, она поспешила на опушку леса, где шло очередное тайное собрание, и рассказала всем, что она услышала в таверне.

В этот момент луна скрылась за облако, стало темно и страшно, и люди почувствовали себя так, словно потеряли последних своих союзников.

Все это время Андреа молчала и вдруг заговорила так, будто читала по книге:

— Есть четыре слова с буквой «О». Берегите их. Догадитесь, какие это слова, и научитесь ими пользоваться.

— Мужество! — сказал Андреус.

— Любви! — сказала сама Андреа.

— И еще, я думаю, мудрость, — сказал старец.

Все пытались угадать четвертое слово и называли «храбрость» и «достоинство», «рассудок» и «верность», «преданность», «гордость» и «трудолюбие», и еще много-много разных слов, но Андреа при каждом слове лишь покачивала своей хорошенькой головкой.

— Все не то, — сказала она. — Когда я услышу то самое слово, сразу узнаю его.

6

Пираты уничтожили на острове все секундомеры, хронометры и вообще все часовые механизмы, и поэтому никто не знал, сколько времени. Наступил октябрь, но никто не знал, какой был день недели, потому что Блэк приказал вырвать из календарей месяцы с буквой «О»: октябрь и ноябрь. Осталось совсем мало такого, что не было разрушено, разбито или сломано, и город без колонн и фонтанов, и леса без холмов и полянок — все пришло в запустение. Улетели малиновки и скворцы, пропали соловьи и исчезли жаворонки. И вот тогда-то, наконец, настала ночь, о которой говорил старец.

Блэк и Маленький Джек, как обычно, сидели в таверне и пили ром пивными кружками, и вдруг со всех сторон понеслись громкие крики. Собаки без «О» — спаниели, таксы и терьеры — задрали морды и скорбно завывали. Все небо осветилось удивительным светом.

Блэк и Маленький Джек встали и решительным шагом по земле — потому что полы были разрушены — подошли к тому, что когда-то было окном, и выглянули наружу. Всего лишь в миле от них на горе высился огромный замок, освещенный так ярко, словно на небе была не одна луна, а целых сто!

— Замок! — обрадовался Блэк. Он потирал свои руки в черных перчатках и пожирал глазами открывшееся ему видение. — Драгоценные камни! Рубины! Сапфиры! Скорее! — И Блэк помчался в ночь, не отрывая глаз от сверкающего замка и спотыкаясь на развороченных мостовых. — Скорее!

— Не свернуть бы нам шею! — отозвался Маленький Джек. — Это дело пахнет надутельством.

— Это дело пахнет кладом! — закричал ему в ответ Блэк. — И еще пахнет секретной картой!

К ним на бегу присоединилась вся банда с саблями, заступами и дубинами, и с воем, точно стая голодных волков, они понеслись к замку.

Андреус и Андреа притаились в тени разрушенной колонны и следили за пиратами.

— В книге есть одна очень важная сноска, о которой я забыла рассказать, — прошептала Андреа. — В ней сказано, что люди, которые вошли в

— Замок! — обрадовался Блэк.

— Только что этой стены здесь не было,— удивился Маленький Джек.

замок, должны осуществить свое самое сокровенное желание до полудня следующего дня — иначе им не сдобровать.

— Этих злодеев не меньше сотни,— сказал Андреус,— и чтоб найти карту, у них в распоряжении целых двенадцать часов!

— Их самое сокровенное желание — клад, а не карта,— возразила Андреа.— И еще в книге что-то сказано про какой-то дремучий лес, из которого нет выхода.

— Ну и что с этим лесом?

— Не знаю, я не смогла дочитать до конца. Там было очень много слов с «О», а их все из книги выкинули. Когда вместо «опушка» написано «пушка», вместо «Золушка» — «Злушка», а вместо «пойть» написано «пить», в глазах начинает рябить.

7

Блэк, Маленький Джек и все остальные метались по замку, как стая обезумевших бабуинов. От их криков и топота замок заходил ходуном. Саблями и заступами они сшибали замки и засовы, выламывали дубовые двери, срывали полы и били окна. Время шло, и грохот нарастал. Пираты спустили по лестнице королевский трон, опрокинули все столы, изрубили оттоманки, на клочки изорвали гобелены, разбили все, что было из бронзы и золота, слоновой кости и мрамора, красного и черного дерева, саксонского и китайского фарфора, не пощадили ни старинных амфор, ни глиняных горшков. Пираты взахлеб пили вино из бочек — белое, красное и розовое, затем разбивали бочки.

Давно уже зашла луна, и встало солнце. Умолкли крики, стих топот. Все, что только можно было сломать, было сломано. Весь пол, или, вернее, то, что было полом, покрылось пухом, битым стеклом, обломками и осколками. В бессильной ярости Блэк поднял над головой стиснутые кулаки в черных перчатках, чтобы обрушить на небо самые страшные проклятия, и вдруг увидел карту. Она висела на стене — одной-единственной, которая осталась нетронутой.

— Я впервые вижу эту стену! — воскликнул Блэк.

— Только что ее здесь не было! — удивился Маленький Джек.

Они сняли со стены карту, расстелили ее на табурете, склонились над ней и в конце концов расшифровали все крестики и птички.

— Клад находится в пяти тысячах шагов от того места, где ухмыляется этот череп! — закричал Блэк.— Сперва нужно добраться до старого дуба, расщепленного молнией, и отсчитать от него ровно пятьдесят шагов.

— На северо-северо-восток! — крикнул Маленький Джек.

И вдруг все стены исчезли, и пираты оказались в дремучем лесу без конца и без края.

— Берите заступы и за мной! — закричал Блэк.— Что это? Ой-ой-ой! Я совсем один!

— Сюда! В эту сторону! — закричал Маленький Джек.— В поисках кладов я знаю толк. Вперед... В горле квакнуло что-то, и он умолк. От страха у Маленького Джека задрожали руки и полезли на лоб глаза: как и все остальные пираты, он остался совсем один.

Маленького Джека окутала туча мотыльков, а хамелеоны стали так быстро менять окраску, что у него замельтешило в глазах. Затем со всех сторон слетелось несметное количество бабочек под предводительством «Мертвой головы», и их было так много, что они заслонили солнце, и стало темно, как ночью.

— Откуда взялось это жужжание? — взвыл Маленький Джек и тут же понял откуда: жужжали комары, стрекозы, оводы и осы. Они налетали на него отрядами, эскадронами и полками. «Когда Блэк издавал свои указы, он совсем упустил эту мелочь из виду», — подумал Маленький Джек.

А тем временем Блэку тоже приходилось пробираться на ощупь, но тут на его пути выросли поганки и мухоморы, за ноги его хватили корни мандрогады, и он весь искололся в зарослях шиповника, боярышника и терновника.

— Что за дьявольский лес! — бормотал Хайд, по пояс опутанный колючими травами. Он тоже оказался совсем один. Пытаясь найти солнце, он пристально вглядывался в небо, но оттуда на него сурово смотрело холодное «О» Каноуса, созвездие Скорпиона нацелило на него свою клешню, злобно сверкали Большой и Малый Псы, Козерог и множество других звезд и созвездий, которым не было числа.

— Невероятно, неправдоподобно и необъяснимо! — бормотал он слова, которые все юристы произносят сразу по три. Но тут на него кинулись огромные быки.

— Протестую! — с рыданием в голосе закричал Хайд. — В слове «бык» нет «О»!

— Какой ужас! — завопил Хайд, поняв, что это были бизоны. Многие животные без «О» имеют другое название с «О».

С дерева на него зарычала рысь.

— Лесная кошка, — всхлипнул Хайд.

8

Вдруг мрачный лес расступился, и снова ярко за светило солнце. Вокруг Блэка исчезли все деревья, кроме одного, и этим единственным был старый дуб, расщепленный молнией. Затем Блэк увидел измученных пиратов вместе с Маленьким Джеком. Искусанные, исцарапанные и избитые, они окружили дуб и, размахивая заступами, завизжали от восторга.

— Копайте! — гаркнул Блэк.

Пираты было взялись копать, да так и застыли: прозвучал боевой клич, запел рожок, заскрежета ла кольчуга и градом посыпались стрелы. В толпу пиратов ворвалось множество прозрачных людей, пеших и конных.

— Кто это? — завопил Маленький Джек.

— Герои бессмертных книг, — послышался голос Андреуса. — Роб Рой, Робин Гуд, Робинзон, Ланселот, Айвенго, Ромео, Роланд, Дон Кихот, Атос и Портос, Дон-Жуан, Одиссей, а следом за ними куда пострашней: Шейлок, и Яго, и Квзимодо, и Негоро с толпою разного сброда.

— Мне кажется, будто в горле у меня застряло сразу два «О», — давясь, пробормотал Блэк, но тут голос его окреп: — Фантомы уходят! Берите заступы!

В ответ, словно его слова были сигналом, раздался многоголосый хохот, и вокруг пиратов закружили новые фигуры со Змеем Горынычем во главе.

— Что за малярный бред? — закричал Маленький Джек. — Кто это?

На этот раз ответил голос Андреа:

— Мужичок-с-ноготок, Говорящий Сверчок, Шалтай-Болтай и Тяни-Толкай, Дядя Степа удалой, ступа с Бабою-Ягой, Мойдодыр и Черномор...

— Кончим этот разговор! — заревел Блэк. — Берите заступы!

Что-то загремело, как гром, и засверкало, как молния. Прямо на Блэка шел Солдат с огнивом, и при каждом ударе кремней по всему небу летели искры. Следом за ним появились три огромные со-

— Страшно подумать, что мы едва не позабыли это слово — Свобода!

баки: у первой глаза были как блюдца, у второй — как мельничные колеса, у третьей — как башни! От страха пираты попадали на землю и закрыли глаза, чтобы ничего не видеть.

— Копайте землю! — крикнул Блэк. — А не то я вас всех перестреляю!

Он выхватил из-за пояса пистолет, а Маленький Джек занес над головою свою абордажную саблю. Смерти пираты боялись еще больше, чем призраков, и, взяв в руки заступы, они принялись копать землю. Но в это время где-то на невидимой башне начали бить невидимые часы. Земля вдруг сделалась холодной, как лед, и твердой, как камень. Заступы погнулись и поломались.

— Вы наткнулись на сундук! — закричал Блэк. — На дубовый сундук, окованный железом!

Но это был не дубовый сундук, окованный железом, а карборундум и карбонат, оолит и конгломерат. А невидимые часы тем временем продолжали отбивать удары. При одиннадцатом ударе произошло нечто странное. На земле вокруг пиратов появилось десятка два неожиданных здесь предметов.

— Сумка! — выкрикнул Блэк. — Шкатулка! Какой-то пакет!

— В этих словах буквы «О» нет! — откликнулся Маленький Джек. Его глаза потемнели, но тут же стали разгораться, как угли. — Там камни! Драгоценные камни!

Блэк, Маленький Джек и все остальные пираты кинулись к сумкам, шкатулкам, пакетам, но в них не было ничего, кроме листочков бумаги. На каждом листочке было написано одно-единственное слово, и оно сверкало, сияло и светилось.

Часы пробили в двенадцатый раз.

— Полдень! — закричал Блэк.

— Полдень! — эхом откликнулись все остальные.

— Свобода! — закричал Андреус. Он назвал то самое слово, которое сверкало, сияло и светилось на каждом листочке бумаги.

— Свобода! — эхом откликнулась Андреа, и от этого слова, самого великого слова с двумя «О», пираты пришли в ужас.

Как по мановению волшебной палочки, пираты оказались вдруг на берегу, где уже собрались все жители острова, от мала до велика.

— Пробыл ваш час, — сказал Андреус пиратам. — Садитесь на свой корабль и отчаливайте!

— Как скользко! — закричал Блэк, поднимаясь на корабль. — Трап и вся палуба завалены водорослями, омарами и осьминогами. Акула-пилохвост что-то пилит пониже ватерлинии, ее поторапливает целая стая кашалотов!

Пираты, один за другим, поднялись по трапу, поставили черные паруса и медленно вышли в море. И тут же от горизонта до горизонта заклокотали и заревели грозные штормы, циклоны и муссоны, загремел гром, засверкали молнии, закружил водяной смерч, ударил мороз, и начался снегопад. В пороховом погребу сам собою вспыхнул пожар, в кают-компании возник сквозняк, и на пиратов напали корь, коклюш и прочая хворь.

С тех пор никто не слышал ни о Блэке, ни о Маленьком Джеке, ни об остальных пиратах с корабля «АЕИУЫІЭЮЯ». Однажды волны выбросили на берег сломанную шпору и одну черную перчатку, и это было все. А объявленный вне закона юрист Хайд, когда он пытался найти щель в законе и улизнуть, застрял в букве «О», которая сдавила его так, что он испустил дух. Последним, что услышал Хайд перед смертью, был оглушительный хохот очкастой совы.

10

Трудясь с любовью, мужеством и мудростью, свободные жители острова вернули букву «О» во все слова, которые остались без нее по приказу Блэка. Весело затикали часы-ходики, телятам вернули коров, крестьянам — коней и волов, в домах открылись окна и весело затрещал огонь в очагах. Ямы и рытвины, оставшиеся после нашествия пиратов, исчезли из виду: их скрыли ромашки, колокольчики, подорожники и одуванчики. И однажды апрельским днем Андреус и Андреа поженились.

— А ведь могло быть гораздо хуже, — вздыхал старец с длинной белой бородой. — Пираты могли запретить букву «И». Тогда нельзя было бы ни выпить, ни закусить. — При этой мысли он смахнул рукой набежавшую слезу.

— Нельзя было бы любить, — сказала Андреа.
— Тогда невозможно стало бы жить, — сказал Андреус.

— Но и это зависит от буквы «О», — сказал старец.

— Как это? — в один голос спросили Андреус и Андреа.

— Да-да, от той самой буквы «О», которая дважды встречается в слове «свобода», потому что без свободы невозможно жить. Страшно подумать, что мы едва не позабыли это слово.

Они все трое задумались, и вдруг раздался громкий хохот.

— Заткни ему пасть! — крикнул зеленый попугай.

— Должно быть, он опоздал на корабль, — сказала Андреа, усмехаясь.

Они взяли зеленого попугая в свой дом, и вскоре он забыл все бранные слова, которые повторял за Маленьким Джеком. Но иногда он кричал: «Все наверх!» — и когда бы жители острова ни услышали этот сигнал тревоги, они тут же выбегали из своих домов, забирались на самые высокие башни и пристально вглядывались в море: не видать ли где черного корабля под черными парусами.

С той поры прошло много-много лет, и однажды один старый-старый человек с длинной-длинной белой бородой остановился у подножия высокой-высокой мраморной колонны, увенчанной одной-единственной буквой, которая светилась, сияла и сверкала в любое время дня и при любой погоде.

— Какой странный памятник! — воскликнул маленький мальчик. — Памятник кругу!

— Какой странный памятник! — засмеялась девочка. — Памятник нулю!

Старый-старый человек вздохнул и сказал:

— С этим памятником связана одна очень удивительная история.

— Было сражение? И мы победили? — в один голос спросили дети.

Старик задумался.

— Память не та у меня, у старого деда, но победа была, и какая победа!

Вечер настал, становилось темно, но, как солнце, сверкало волшебное «О».

Перевел с английского
и обработал
В. ТЕЛЬНИКОВ.

Юрий КОРИНЕЦ

Лунное притяжение

Я помню — таким я и сам был когда-то —
От пап и от мам убегали ребята.

С краюхою хлеба иль с пачкой печенья
Ребята бежали искать приключенья.

Не ради бездумного озорства —

Мечтали они открывать острова,

С геологами сквозь тайгу продираться

И вместе с отцами за Родину драться.

Бежали они покорять Антарктиду.

Но их возвращали.

Глотая обиду,

Ребята сердито садились за парту,

И снова их взгляд устремлялся на карту...

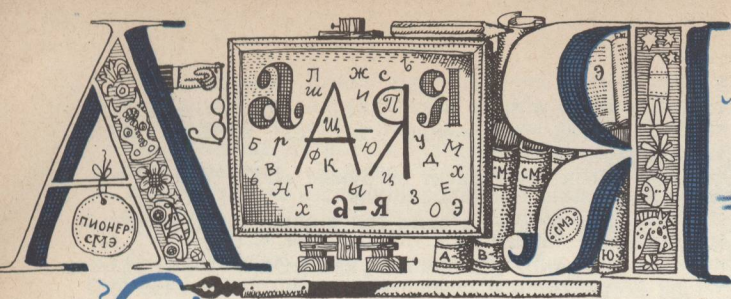
Сегодня мала уже стала она —
Внимание ребят притянула Луна.

Им вымпел у моря Спокойствия снится —
Скорее, скорее бы им прилуниться!

Но по облакам не уйдешь на планету
И зайцем, как в поезд, не сядешь в ракету.

И чтоб прилуниться и чтоб примарситься,
Одно остается — отлично учиться!

Еще земляков у нас в Космосе нет...
Учитесь! Всем хватит и звезд и планет!

САМАЯ МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Так же как книга сложена из слов, дом из кирпичей, любой балет сложен из движений. Строгие, раз и навсегда установленные позиции рук и ног, позы, прыжки, вращения, связующие движения — основа классического танца. Соединяя эти движения, выстраивая их в определенном порядке, балетмейстер создает хореографический рисунок балета.

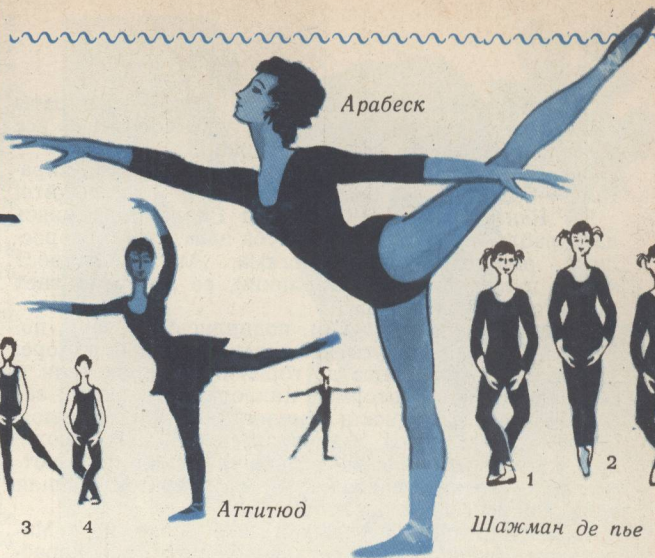
Красота и сила движений зависят от того, точно ли они выражают характер музыки, и от того, какой смысл вкладывают в них постановщик — балетмейстер и исполнитель — артист балета. И оказывается, что одно и то же движение может выглядеть по-разному, может быть добрым и злым, отважным и трусливым, красивым и уродливым, и зависит это иногда от наклона головы, иногда от положения рук и корпуса, от силы и выразительности прыжка, от плавности и стремительности вращения.

Потому так непохожи друг на друга балетные спектакли.

АЛЯСГОН, АРАБЕСК, АТТИТЮД, ЭКАРТЕ. Основные позы, «киты», на которых держится классический балет. Во всех этих позах исполнитель стоит на одной ноге, а другая высоко поднята: в сторону (алясгон), назад (арабеск), назад с согнутым коленом (аттитюд), по диагонали вперед или назад (экарте).

АДАЖИО. Танец двух или нескольких героев балета, в котором они раскрывают свое внутреннее состояние.

Ассамбле

Арабеск

Аттитюд

Шажман де пье

АССАМБЛЕ. Прыжок, во время которого одна нога открывается в сторону, вперед или назад, а к концу прыжка подтягивается к другой ноге.

БАЛЕТМЕЙСТЕР. Человек, который сочиняет, или, как говорят, ставит балет. Иногда балетмейстером, или балеруном, называют исполнителей мужских партий в балете. Это неправильно. Мужчина в балете называется танцовщиком.

ВАРИАЦИЯ. Сольный танец, танцевальный монолог.

ГЛИССАД. Скользящее боковое движение. Обычно оно связывает одно движение с другим, служит подготовкой, разбегом для прыжка.

ЖЕТЕ. Прыжок с одной ноги на другую. Большие жете исполняются, как прыжок через воображаемое препятствие во всех основных позах балета — арабеске, аттитюде, алясгоне.

КАБРИОЛЬ. Прыжок, во время которого одна нога подбивает другую. Ноги сильно вытянуты. Исполняется этот прыжок во

всех направлениях: вперед, в сторону, назад.

ЛИБРЕТТО. Литературный сценарий балета, его содержание.

ПА-ДЕ-ДЕ. Главная танцевальная сцена в балете или в одном из актов балета. В па-де-де раскрываются взаимоотношения героев, показывается танцевальное мастерство исполнителей. Па-де-де состоит из адажио, вариации танцовщика и вариации балерины и коды — коротких, технически сложных танцевальных кусков танцовщика и балерины.

ПАЧКА. Костюм балерины, состоящий из многих коротеньких накрахмаленных тюлевых юбочек. Эти пышные и легкие юбочки делают пачку воздушной и невесомой.

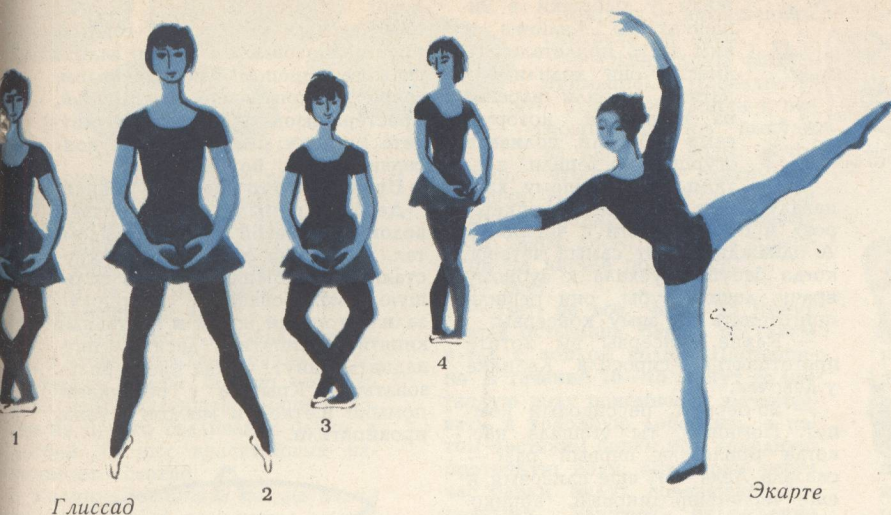
ПИРУЭТ. Вращение вокруг своей оси на полупальцах или пальцах одной ноги. Пируэты бывают маленькие, когда во время вращения одна нога плотно прижата к другой спереди или сзади. Большие пируэты исполняются во всех основных позах.

Пятая позиция

Кабриоль

Пируэт

ПОДДЕРЖКА. Необходимый элемент классического танца. Во время танца танцовщик помогает балерине, поддерживает, поднимает ее.

ПУАНТЫ. Один из основных элементов женского танца в классическом балете — танец на кончиках вытянутых пальцев. Для этого нужны балетные туфли с твердым носком.

ПЯТАЯ ПОЗИЦИЯ. Основная позиция ног классического танца. Ноги развернуты на сто восемьдесят градусов. Пятка правой ноги плотно прижата к носку левой, а пятка левой ноги плотно прижата к носку правой. Из этой позиции чаще всего начинается танец, и этой позицией чаще всего заканчивается.

РОНД ДЕ ЖАМБ. По-французски значит — круг ногой. На самом деле — половину круга описывает нога на полу и в воздухе, во время прыжка и приседания.

СОТЁ. Прыжок, во время которого сильно вытянутые ноги на-

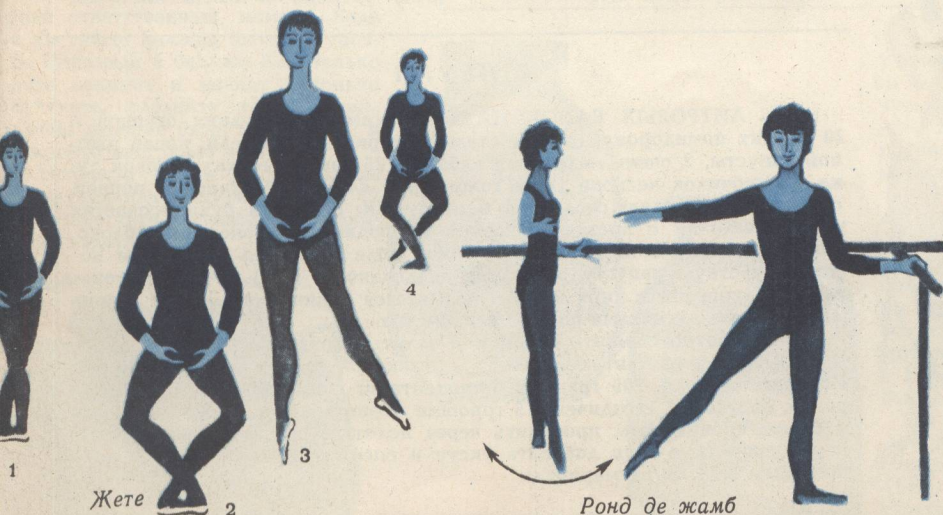
ходятся в первой, второй или пятой позициях.

ТУРЫ. Вращение вокруг своей оси во время прыжка. Туры делают с одним и двумя оборотами. Тур с двумя оборотами — элемент мужского танца.

УРОК. Артисты балета никогда не перестают учиться. Каждый день они приходят в балетный класс на урок. Он длится не меньше часа. Урок делится на две половины: меньшая — экзерсис (упражнение) у станка и большая — экзерсис на середине зала. Во время урока совершенствуются и отрабатываются все движения, которые нужны в танце артисту балета.

ШАЖМАН ДЕ ПЬЕ. Прыжок, во время которого ноги находятся в пятой позиции и меняются местами.

ФУЗТЁ. Вращение балерины вокруг своей оси на пальцах одной ноги. Другую после каждого поворота она открывает в сторону. Фузте обычно исполняется в очень быстром темпе шестнадцать или тридцать два раза подряд.

КЛЕВ И УЛОВ

РЫБЫ - ВЕРХОВОДКИ НЕ ЛЮБЯТ ХОЛОДНУЮ ПРИДОННУЮ ВОДУ, ВСЕГДА ДЕРЖАТСЯ В ЕЕ ВЕРХНИХ СЛОЯХ, ХОРОШО ПРОГРЕТЫХ СОЛНЦЕМ, И ЛОВИТЬ ИХ НАДО НЕ СО ДНА, А С ПОВЕРХНОСТИ ВОДЫ, НЕ РАННИМ УТРОМ ИЛИ ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ, А ДНЕМ, В САМУЮ ЖАРУ.

Красноперка

Эта рыба с ярко-красным оперением водится в озерах и в тихих речных заводях, старицах.

Если насадка лежит на дне, на успех не рассчитывайте. Красноперку ловят только с поверхности воды, чтобы от крючка до поплавка было не более двадцати сантиметров. Леска тончайшая, без всякого грузилца.

Где играет красноперка, там ее и надо ловить.

Плыл я как-то на лодке по небольшому лесному озеру. Смотрю, возле полузатопленного куста вода бурлит от всплесков. Неслышно подогнал лодку к этому месту, взял самую длинную удочку, насадил на крючок красного навозного червячка и забросил насадку под куст. Червячок был схвачен, как только коснулся воды, и я вытащил красноперку.

Поймал я немало и вдруг стукнул нечаянно концом удильца о борт лодки. И сразу же у куста воцарилась тишина. Продолжать ловлю было бесполезно: стоя ушла.

Уклейка

Узкая серебристая рыбка, похожая на нильку. Она, как и красноперка, держится в верхних слоях воды, охотится за порхающей над рекой мошкой. Но всегда на течении. На муху ее и ловят.

Уклейка любит резвиться в зелени, обволакивающей подводную часть речных судов, стоящих на якоре у берега. Чем ближе к этой зелени вы забросите насаженную на крючок муху, тем лучше. Уклейка непременно ее схватит.

Эту рыбу можно ловить от зари до зари, лишь бы денек выдался солнечный, безветренный.

Удочка та же, что и при ловле красноперки. Только крючок еще мельче, самый малюсенький, мушковой.

Для хищной рыбы уклейка — лакомый кусочек. Поэтому неплохо наживить ею донную удочку с крепкой леской и большим крючком. Насаживать эту нежную рыбешку надо умеючи: сначала пронизываете крючком нижнюю губу, а затем через ноздрю — верхнюю.

Закинули донку и продолжайте ловить уклейек. Глядишь, и налетит на живчика щука или крупный окунь. Тут уж не зевай! Тащи и оглядывайся, как бы не сорвалось.

Подъязок

Это маленький язь. Водится в озерах, реках, больших проточных прудах. Быстрая, пугливая рыба. Многие считают ее неуловимой.

На Ореховом озере, в пойме Оки, я ловил подъязков с дерева, нависшего над водной гладью. Рыбы ходили большими стаями и что-то хватили у самой поверхности воды. Чего только я не спускал им сверху на леске: красного навозного червя, мух, опарыша, ручейника. От всего отказывались, даже не прикасались к насадке.

Наконец догадался, за чем они охотятся: за молодым орешком, подточенным червем, упавшим в воду.

Пришлось слезть с дерева, набрать падалицы. И опять на дерево.

Насажен на крючок еще не созревший, мягкий, зеленый орешек. Спускаю его на леске вниз, где в хорошо прогретой солнцем воде резвятся подъязки. Леска привязана к короткому, но упругому пруту. Дергаю им то вверх, то вниз, насадка то ложится на воду, то отскакивает от нее. Вот и попался, голубчик! Но, когда я вытаскивал его к себе на вершину, подъязок сорвался с крючка и с шумом шлепнулся о воду. Стая мгновенно рассыпалась, ушла вглубь.

Какая обида: в карманах полно орехов, а рыбы нигде не видно! Все же я ее дождался. Стая подъязков снова под деревом, где я прячусь. Можно снова начать ловлю.

В тот солнечный, безветренный день я поймал на необычную насадку двадцать подъязков. Рыба привыкла питаться молодым орешком и не признавала никакого другого корма. Но там, где по берегам не растет орешник, подъязков надо ловить на обычную насадку: на мотыля, красного навозного червя, ручейника, опарыша.

В. БОРОНИН

Летом Марина с Лёкой жили у бабушки в Вишенках, и Калинка к ним часто прилетала. Все вместе они ходили купаться, варили варенье из земляники, которую сами собирали, поливали огурцы, мастерили костюмы к большому карнавалу, читали «Трех мушкетеров» и пекли пироги с черникой. А однажды, в тот самый четверг, когда бабушка уехала к зубному врачу лечить зубы, они решили приготовить на зиму консервы.

— Какие консервы вы хотите приготовить? — спросила Калинка у девочек.

— Во-первых, персиковый компот. Помнишь, ты угощала нас, когда прилетела первый раз? — сказала Лёка. — И еще сливовый, и еще черносмородиновый, абрикосовый, яблочный, крыжовниковый, грушевый и еще черничный.

— Ой, — засмеялась Калинка, — слишком много!.. Для начала мы приготовим персиковый да еще яблочный и черничный.

— А я хочу маринованные овощи, — сказала Марина, — огурчики, морковь, лук, капуста...

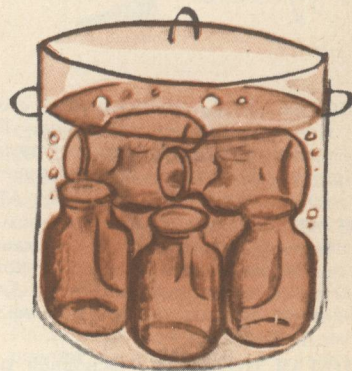
Такая смесь маринованных овощей называется «Пикули». У меня есть чудесный рецепт, — сказала Калинка. — Консервировать можно все, что растет в саду и огороде. Фрукты, ягоды, овощи берут только спелые, но не переспелые, сочные, не вялые и не жалые и уж, конечно, не порченные. Тогда консервы получатся вкуснейшими.

— Надо еще соль и сахар?

— Да, еще нужны сахар, соль, спиртовой уксус, лавровый лист, гвоздика, черный перец горошком, машинка для закручивания крышек, стеклянные банки, металлические консервные крышки, щипцы для вынимания банок и три чистых кухонных полотенца. И еще точное-преточное внимание к каждому моему слову и абсолютнейшая, хирургическая чистота. Тогда консервы сохранятся даже до следующего лета.

Все консервы готовятся одинаково: подготовленные фрукты или овощи уложить в горячие простерилизованные банки, залить горячим сиропом или маринадом, закрыть консервной крышкой, простерилизовать, а потом закрыть крышку машинкой для консервирования. Вот и все.

Прежде всего помойте банки. Девочки помыли банки горячей водой с питьевой содой и мылом, так, чтобы они сверкали, как хрустальные. Сложили банки в большую эмалированную кастрюлю, залили горячей водой и поставили кипятить. Кипятили десять — пятнадцать минут, чтобы простерилизовать их. Крышки с резинками помыли щеткой и мылом и тоже прокипятчили.

— Пока банки кипятятся, надо почистить и хорошенько промыть в проточной воде фрукты и овощи. Кстати, если огурчики чуть подвяли, их надо на 3—4 часа положить в холодную, чуть подсоленную воду.

Ну, а теперь за дело. Вот тебе, Марина, листочек с рецептом твоих любимых «Пикулей», тебе, Лёка, — рецепт компотов. А я буду вам помогать.

— Между прочим, мне помогать не надо. Подумаешь, 10 банок компота! Р-раз, и все готово! — Лёка лихо перекрутилась на пятке и подвязала свой фартучек.

— А мне помогать надо, — сказала Марина и взяла листочек.

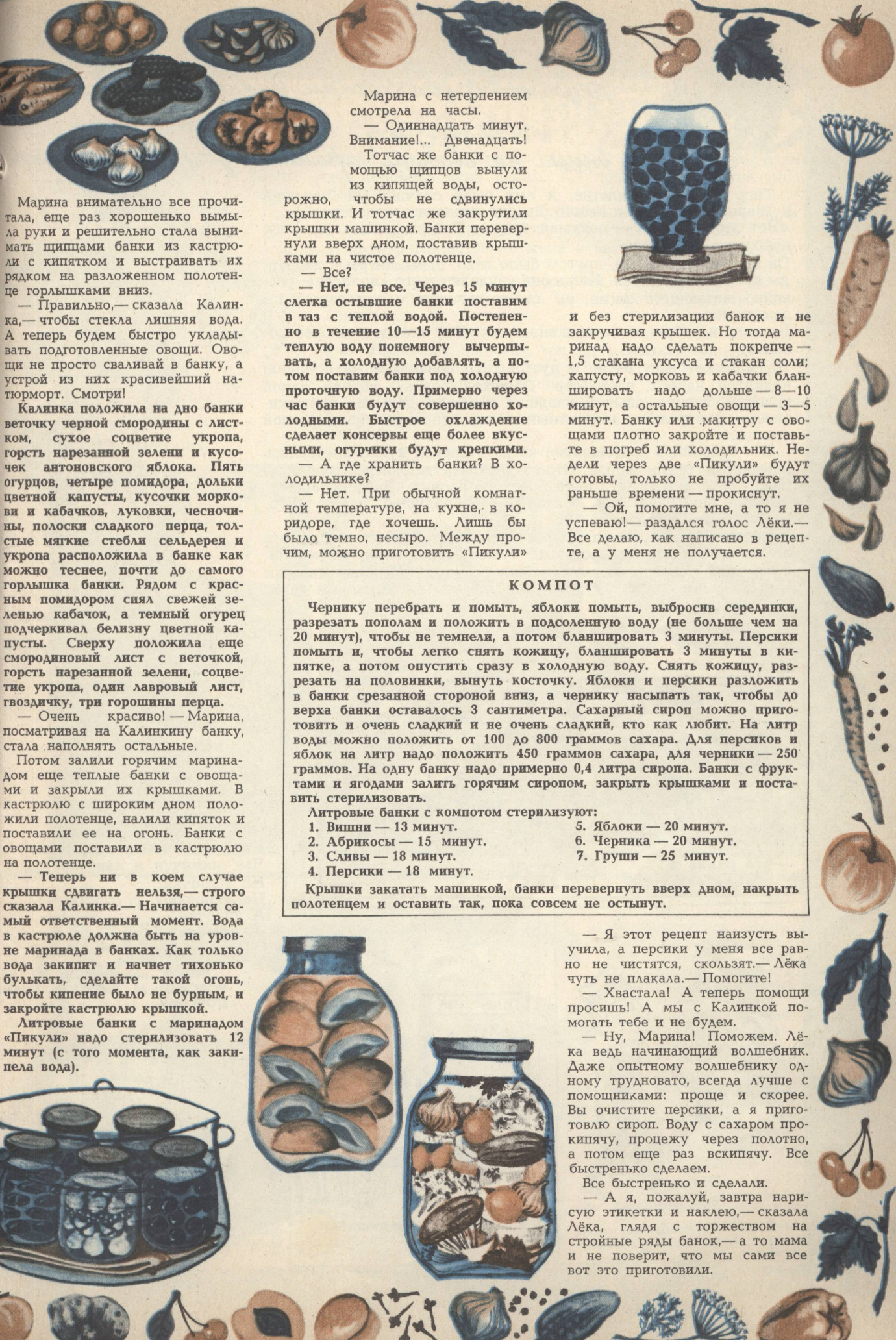
ПИКУЛИ

НА 5 ЛИТРОВЫХ БАНОК НАДО: 25 самых маленьких огурцов и 20 мелких помидоров, 5 самых сладких морковин-каротели, кочан цветной капусты, 2 очень маленьких кабачка, 25 самых мелких головок лука, 25 зубчиков чеснока (1—2 головки), 5 сладких болгарских перцев, стебли (без листьев) сельдерея и петрушки, стебли и сухие соцветия укропа, веточки с листьями черной смородины, антоновское яблоко.

Все почистить и помыть в проточной воде. Морковь и кабачки порезать, цветную капусту разделить на дольки, и на 3—4 минуты опустить в дуршлаг в кипяток (это называется бланшировка). Всю зелень нашинковать кусочками по 2—3 сантиметра.

Овощи плотно сложить в банки и залить маринадом.

МАРИНАД — 2 литра воды, $\frac{2}{3}$ стакана сахара (120 граммов), 130 граммов соли, 200 граммов 6-процентного спиртового уксуса, 5 лавровых листков, 5 гвоздичек, 15 горошин черного перца. Воду с сахаром и солью прокипятить, процедить через полотенце. Еще раз вскипятить и перед снятием с огня добавить уксус и специи. На одну банку надо примерно 0,35 литра маринада.

Марина с нетерпением смотрела на часы.

— Одиннадцать минут. Внимание!... Двенадцать!

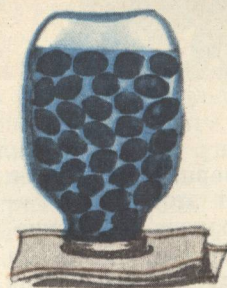
Тотчас же банки с помощью щипцов вынули из кипящей воды, осторожно, чтобы не сдвинулись крышки. И тотчас же закрутили крышки машинкой. Банки перевернули вверх дном, поставив крышками на чистое полотенце.

— Все?

— Нет, не все. Через 15 минут слегка остывшие банки поставим в таз с теплой водой. Постепенно в течение 10—15 минут будем теплую воду понемногу вычерпывать, а холодную добавлять, а потом поставим банки под холодную проточную воду. Примерно через час банки будут совершенно холодными. Быстрое охлаждение сделает консервы еще более вкусными, огурчики будут крепкими.

— А где хранить банки? В холодильнике?

— Нет. При обычной комнатной температуре, на кухне, в коридоре, где хочешь. Лишь бы было темно, несыро. Между прочим, можно приготовить «Пикули»

и без стерилизации банок и не закручивая крышек. Но тогда маринад надо сделать покрепче — 1,5 стакана уксуса и стакан соли; капусту, морковь и кабачки бланшировать надо дольше — 8—10 минут, а остальные овощи — 3—5 минут. Банку или макитру с овощами плотно закройте и поставьте в погреб или холодильник. Недели через две «Пикули» будут готовы, только не пробуйте их раньше времени — прокиснут.

— Ой, помогите мне, а то я не успеваю! — раздался голос Лёки. — Все делаю, как написано в рецепте, а у меня не получается.

КОМПОТ

Чернику перебрать и помыть, яблоки помыть, выбросив серединки, разрезать пополам и положить в подсоленную воду (не больше чем на 20 минут), чтобы не темнели, а потом бланшировать 3 минуты. Персики помыть и, чтобы легко снять кожицу, бланшировать 3 минуты в кипятке, а потом опустить сразу в холодную воду. Снять кожицу, разрезать на половинки, вынуть косточку. Яблоки и персики разложить в банки срезанной стороной вниз, а чернику насыпать так, чтобы до верха банки оставалось 3 сантиметра. Сахарный сироп можно приготовить и очень сладкий и не очень сладкий, кто как любит. На литр воды можно положить от 100 до 800 граммов сахара. Для персиков и яблок на литр надо положить 450 граммов сахара, для черники — 250 граммов. На одну банку надо примерно 0,4 литра сиропа. Банки с фруктами и ягодами залить горячим сиропом, закрыть крышками и поставить стерилизовать.

Литровые банки с компотом стерилизуют:

1. Вишни — 13 минут.	5. Яблоки — 20 минут.
2. Абрикосы — 15 минут.	6. Черника — 20 минут.
3. Сливы — 18 минут.	7. Груши — 25 минут.
4. Персики — 18 минут.	

Крышки закатать машинкой, банки перевернуть вверх дном, накрыть полотенцем и оставить так, пока совсем не остынут.

— Я этот рецепт наизусть выучила, а персики у меня все равно не чистятся, скользят. — Лёка чуть не плакала. — Помогите!

— Хвастала! А теперь помощи просишь! А мы с Калинкой помогать тебе и не будем.

— Ну, Марина! Поможем. Лёка ведь начинающий волшебник. Даже опытному волшебнику одному трудновато, всегда лучше с помощниками: проще и скорее. Вы очистите персики, а я приготовлю сироп. Воду с сахаром прокипячу, процежу через полотно, а потом еще раз вскипячу. Все быстренько сделаем.

Все быстренько и сделали.

— А я, пожалуй, завтра нарисую этикетки и наклею, — сказала Лёка, глядя с торжеством на стройные ряды банок, — а то мама и не поверит, что мы сами все вот это приготовили.

Марина внимательно все прочитала, еще раз хорошенько вымыла руки и решительно стала вынимать щипцами банки из кастрюли с кипятком и выстраивать их рядом на разложенном полотенце горлышками вниз.

— Правильно, — сказала Калинка, — чтобы стекла лишняя вода. А теперь будем быстро укладывать подготовленные овощи. Овощи не просто сваливай в банку, а устрой из них красивейший натюрморт. Смотри!

Калинка положила на дно банки веточку черной смородины с листком, сухое соцветие укропа, горсть нарезанной зелени и кусочек антоновского яблока. Пять огурцов, четыре помидора, дольки цветной капусты, кусочки моркови и кабачков, луковки, чесночины, полоски сладкого перца, толстые мягкие стебли сельдерея и укропа расположила в банке как можно теснее, почти до самого горлышка банки. Рядом с красным помидором сиял свежий зеленый кабачок, а темный огурец подчеркивал белизну цветной капусты. Сверху положила еще смородиновый лист с веточкой, горсть нарезанной зелени, соцветие укропа, один лавровый лист, гвоздику, три горошины перца.

— Очень красиво! — Марина, поглядывая на Калинкину банку, стала наполнять остальные.

Потом залили горячим маринадом еще теплые банки с овощами и закрыли их крышками. В кастрюлю с широким дном положили полотенце, налили кипятка и поставили ее на огонь. Банки с овощами поставили в кастрюлю на полотенце.

— Теперь ни в коем случае крышки сдвигать нельзя, — строго сказала Калинка. — Начинается самый ответственный момент. Вода в кастрюле должна быть на уровне маринада в банках. Как только вода закипит и начнет тихонько булькать, сделайте такой огонь, чтобы кипение было не бурным, и закройте кастрюлю крышкой.

Литровые банки с маринадом «Пикули» надо стерилизовать 12 минут (с того момента, как закипела вода).

Недавно в Московском цирке произошла ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ вышел на свободу ограбленный уссурийский тигр.

...Тигр бродил по клетке, и ему было скучно. Он подошел к дверце, толкнул ее лапой. Дверца оказалась незапертой. «Вот это здорово! — подумал тигр. — Теперь можно спокойно побродить по цирку».

Он вышел, огляделся, кругом было тихо, львы, тигры и леопарды дремали в клетках. Когда они увидели своего «коллегу», спокойно шагающего мимо, им стало завидно, и они зарычали, заметались.

Но тигр не обратил на них внимания. Ему хотелось скорее добраться до манежа.

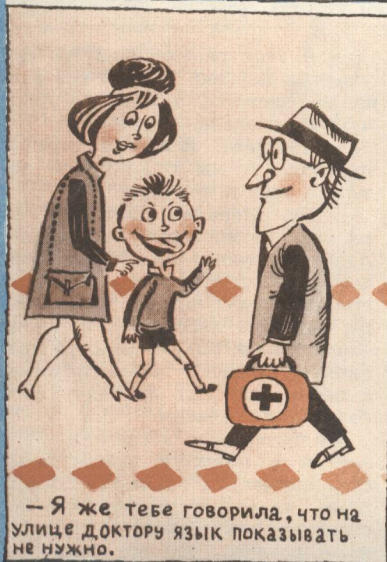
На манеже было темно и пусто; тигр повалился на опилках, поднялся наверх, в оркестр. Обнюхал рояль, поднял лапой крышку, лизнул языком клавиши и пошел дальше, принюхиваясь: удивительно аппетитный запах доносился из цирковой столовой.

...Все бросились врассыпную, когда в дверях кухни показалась клыкастая, усатая морда. Кто-то со страха забрался в холодильник, кто-то под стол, кто-то бросился звонить дрессировщику. «Отчего они меня так боятся?» — добродушно думал тигр, направляясь к плите.

Дрессировщик прибежал через пятнадцать минут, когда его любимец доедал из кастрюли тушеную картошку с мясом. Тигр облизнулся, ласково помахал всем на прощание хвостом и пошел домой, в клетку. Он был доволен сегодняшним днем.

СОРОКИ рисуют

СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ · СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ
считалки · СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ · СОРОЧЬИ
СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ · СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ
**ПЕРЕД СОРОЧЬИ СЧИТАЛКИ
ФИЗКУЛЬТУРОЙ**

Ох, мамочки!
Ох, папочки!
Ах, я забыла тапочки!
Ой, мамочки!
Ой, папочки!
Они же дома в сумочке.
Кто там остался в сумочке?
Чьи мамочки и папочки?
Не мамочки,
Не папочки,
А тапочки,
А тапочки!

Выпуск подготовили: Ю. ОСТРОВСКИЙ, М. ЛИБИН, Н. СТАНИЛОВСКИЙ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Записки капитана Петь-86

Ранним утром зазвонил телефон, и чей-то взволнованный голос попросил меня сейчас же приехать в Центральный клуб резинок.

«Что там произошло? — встревоженно подумал я. — Ведь карандаши и резинки заключили перемирие на полгода?»

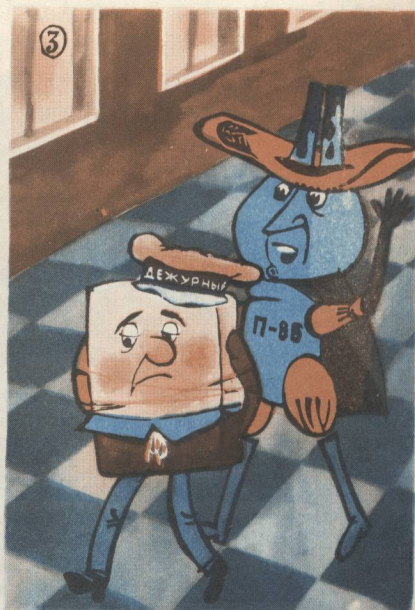
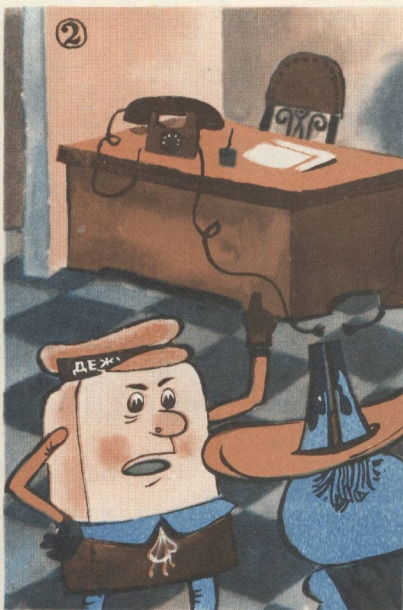
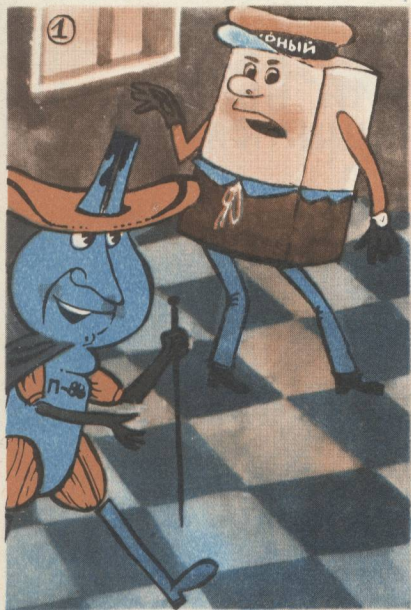
1. Дежурный встретил меня в вестибюле клуба и проводил в свою комнату.

2. — Я сидел вот за этим столом, — рассказывал он, — и собирался записать в дневнике, что во время дежурства ничего особенного не произошло.

Вдруг кто-то сильно ударил меня сзади, и я потерял сознание. Напавшие на меня три карандаша перерезали телефонный провод, сели в машину и скрылись в неизвестном направлении. А я бросился звонить вам.

3. Внимательно выслушав этот рассказ, я вынужден был привлечь дежурного к ответственности за то, что он оклеветал карандашей.

Сколько раз он солгал в своем рассказе?

Соврал ли барон Мюнхаузен?

ДЕНЬ СКАЗОК

— Однажды, — писал Мюнхаузен в своих мемуарах, — я одержал победу в любопытном турнире. Трое его участников по очереди рассказывали сказки. Принцесса Турандот должна бы-

ла решить, какая из сказок самая интересная. Чтобы сэкономить время и рассказать как можно больше занимательных историй, мы договорились, что новая сказка должна быть в два раза короче, чем та, которую рассказывали перед ней.

Состязание началось в полдень. По жребию первым оказался я. Воспользовавшись этим, я говорил целый час. Но, хотя моя первая история всем очень понравилась, награду я получил не за нее, а за сказку в стихах, которую рассказал уже на вечерней заре. Принцессе особенно понравилось ее начало:

В стране цветов,
где солнечный восход
Прекрасен,
как принцесса Турандот...

Как вы думаете, на этот раз барон сказал правду?

ПОМОГИТЕ МАЛЕНЬКИМ ЛЕОПАРДАМ

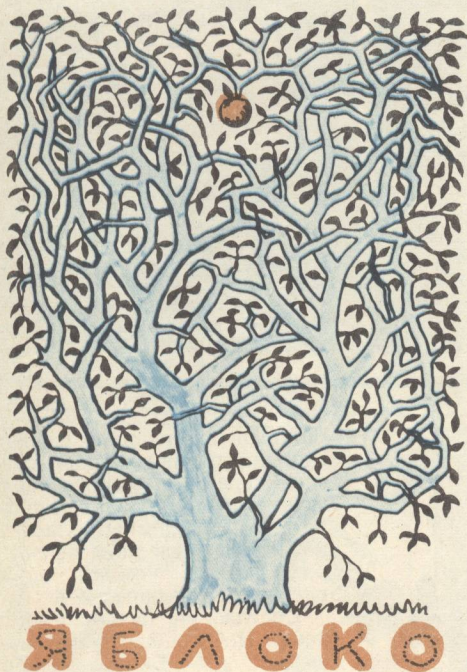
*сообщение Жививки,
нашего лесного корреспондента*

— Когда я фотографировал этих трех маленьких леопардов, я просил их улыбнуться, но им было не до этого.

Мои пятнистые друзья решали очень трудную задачу. Их мама отправилась на охоту в лес и оставила малышам бидон молока, миску и две кружки: трехлитровую и пятилитровую. Каждому из братьев полагалось на обед по литру молока. Но как отмерить литр оставленными кружками, — этого мама не сказала.

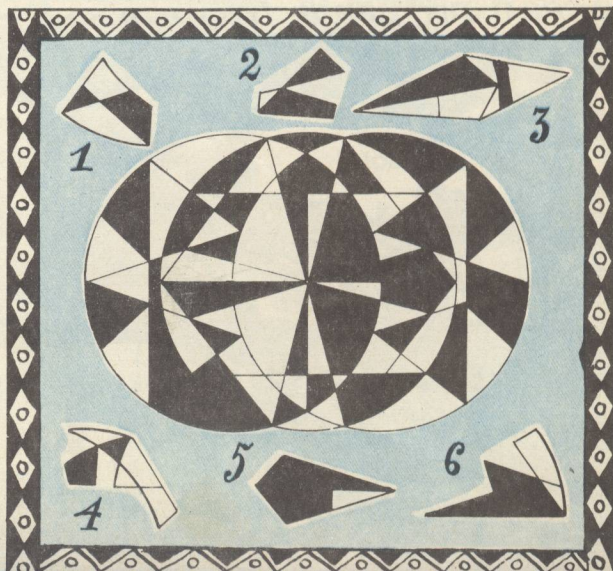
**НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПОМОЧЬ,
РАСТЕРЯВШИМСЯ МАЛЫШАМ?**

Большое яблоко в саду
У всех мальчишек на виду.
К нему ведет опасный путь,
Лезь по стволу, но ловок будь!
Достигни нужной вышины,
Но береги свои штаны!
Они порвутся, если ты
Коснешься хоть одной черты.

**ДОКАЖИТЕ, ЧТО У ВАС
САМЫЙ ОСТРЫЙ В МИРЕ ГЛАЗ!**

Фигура, которую вы видите в центре рисунка, разделена на множество частей. Какие три из маленьких фигур, расположенных вверху и внизу, в точности совпадают с деталями внутри кругов?

I
— Как щепку я корабль
швыряю.
— А я ничуть не унываю!
— Чтобы узнать, кто я,
свой нос
Приблизьте вы к букету роз.

Ш — — — —
— А — — — С
А — — — А —

II
— Я утром дров съедаю
связку.
— А про меня сложили сказку.
— А я зато по всей Москве
Могу пройти на голове.
— Ч — — — —
Р — — — —
К — — — —

Удил я целый выходной,
Сижу, поклевки ни одной!
Когда уже погас закат,
Закинул я на шоколад.
Смотрю, исчез мой поплавок,
Я осторожно подсек,
Тащу, тащу, гляжу — плотва!
Семь сантиметров голова.
А туловище — гляньте вы,
В два раза больше головы,
И полхвоста к двум головам
Еще прибавить нужно вам.
А хвост — запомнить вы должны,
Хвост — ровно треть от всей длины.

Не подсчитаете ли вы
Размера клюнувшей плотвы?
И сообщите мне, пока
Не сорвалась она с крючка.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

— Я, конечно, всех сильнее,
Это просто доказать,
Даже спичку я сумею
Двумя пальцами сломать!

Напевая эту песенку, шел по улице мальчишка, и все над ним посмеивались: нашел чем хвастаться! Подумаешь, какой силач — ломает спичку двумя пальцами!

Подождите смеяться. Попробуйте-ка сами это сделать. Посмотрите на рисунок: спичка должна быть вот в таком положении.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

Карандаши и резинки

Запрещенные вещи везла третья резинка. У нее в чемодане лежали, видно, наспех положенные туда разные туфли, а у крышки чемодана было двойное дно. Это видно на рисунке.

Дрессированные утята

Первый утенок должен встать внизу пирамиды, а 7-й и 10-й — занять места справа и слева в первом ряду.

Волшебные таблицы

Вот как нужно расставить знаки и числа в таблицах:

8	x	7	-	12	=	44
x	-	+				+
4	+	3	x	4	=	28
-	+	-				
7	-	5	x	6	=	12
=	=	=	=	=	=	=
25	-	9	-	10	=	6

3	x	4	+	7	=	19
+				x		x
7	-	5	:	2	=	1
:	-					:
5	x	2	-	9	=	1
=	=	=	=	=	=	=
2	x	7	+	5	=	19

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Огонь в затемненном городе. — Главы из повести Э. Рауда. Перевел с эстонского Г. Муравин. Рисунки А. Борисова	2
Радиостанция «Здравствуй!» — Фото В. Толубовского, Л. Полякова и В. Постникова	15
Надо посоветоваться. — С. Львов	18
Кораблик. — Рисунки А. Вовиковой	20
Научный телеграф. — М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки П. Пророкова	25
Звездный букварь. — Р. Золина. Рисунки Н. Доброхотовой	26
Уважаемый Бармалей. — Л. Матвеева. Рисунки И. Галанина. Фото В. Постникова	30
Чудак. — Песня. Музыка В. Боганова. Слова А. Ивахнова	34
Фонарик	
Пепси — Длинный чулок. — Пьеса С. Лунгина и И. Нусинова по повести А. Линдгрена. Рисунки Н. Доброхотовой	35
Рэсси — неуловимый друг. — Главы из повести Е. Велтистова. Рисунки Е. Медведева	42
Операция «Книга». — А. Ивкин. Рисунки А. Вовиковой	50
Рассказы о военном искусстве	
Кто может стать полководцем. — А. Митяев. Рисунки Н. Доброхотовой и А. Борисова	52
О чем пишут взрослые газеты	58
Спортплощадка	
Спор о порхающем волане. — Г. Юрмин	60
Заход солнца. Сороконожка. — Стихи Г. Витеза. Перевел с сербскохорватского Ю. Вронский. Рисунки А. Борисова	61
В гостях у слонов. — В. Песков. Фото автора	62
Волшебное «О». — Сказка Д. Тарбера. Пересказал В. Тельников. Рисунки И. Галанина	64
Самая малая энциклопедия. — Рисунки И. Галанина	72
Клев и улов. — В. Боронин	73
Академия домашних волшебников	74
Клуб «Сорок сорок». — Ю. Островский, М. Либин, Н. Станиловский. Рисунки А. Борисова	76
Палата ума. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова	77
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой	80
На обложке:	
Рисунок Е. Медведева к повести Е. Велтистова «Рэсси — неуловимый друг».	

ГРАМПЛАСТИНКА — ПОСЫЛКОЙ!

В июньском номере «Пионера» сообщалось: в любом почтовом отделении страны есть книжечка: «Грампластинки. Прейскурант». И каждый может выбрать и заказать по почте все, что перечислено в прейскуранте.

Заказы можно отправить по адресу: г. Апрелевка, Московской области, ул. Ленина, дом 4, Посылторг.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор

С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль,
Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь),
Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель
главного редактора), **А. И. Мошковский,**
А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов,
В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

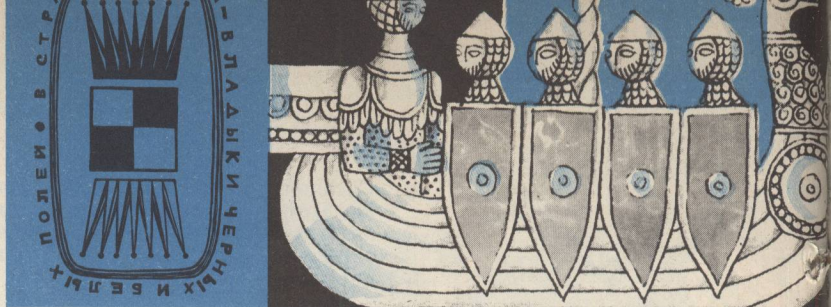
Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 27/V 1970 г. А 00108
Подписано к печати 2/VII 1970 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1-280 000 экз.
Изд. № 1540. Заказ № 1552.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сегодня Пешкин отвечает на письма ребят: **Володи Саванкова** из Хабаровска, **Саши Корблева** из Ташкента, **Тани Кирпичниковой** из Костромской области.

Володя и Таня просят рассказать, давно ли известны шахматы, где они появились и всегда ли были такими, как сейчас. А Саша предлагает усложнить шахматы: играть на столеточной доске и ввести новые фигуры — танки и ракеты.

СЛОН, ВЕРБЛЮД, ЛАДЬЯ

По мнению историков и археологов, шахматам примерно полторы тысячи лет. Появились они в конце V или в начале VI века в Индии.

Всегда ли шахматы были такими, какими мы их знаем? Конечно, нет. На протяжении веков они изменялись и совершенствовались...

В древней Индии шахматы назывались «чатуранга». Фигуры были такие же, как в тогдашнем индийском войске: пехотины, всадники, слоны и боевые колесницы.

Потом шахматы стали путешествовать по миру, и в зависимости от того, в какие страны они попадали, менялись названия шахматных фигур. Так, например, в монгольских шахматах нет слонов, их заменили верблюды. У древних славян не было боевых колесниц, зато они отправлялись в дальний путь на своих быстроходных ладьях. В шахматах появилась ладья.

ОТ ЧАТУРАНГИ ДО ШАТРАНДМА

Правила чатуранги неизвестны. В III веке на основе чатуранги возникла новая, более сложная и интересная игра — шатрандм. Этой игрой особенно увлекались арабы и народы Средней Азии.

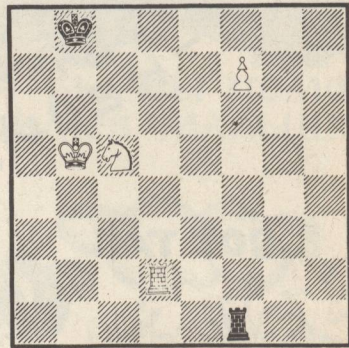
Как играли в шатрандм, чем он отличался от современных шахмат?

Ходы ладьи, коня и короля были такими же. Рокировки не применяли. Пешка продвигалась только на одно поле. Дойдя до крайней линии, она пре-

вращалась в ферзя. А ферзь тогда был слабой фигурой, он ходил на соседнее поле по диагонали.

Слон тоже ходил по диагонали, но только на третье поле. Если на пути слона стояла какая-либо фигура, он перепрыгивал через нее, а брать ее не имел права.

Выигршем считался не только мат, но и пат. Побеждал и тот, кто забирали все фигуры противника, хотя бы у него самого оставалась только одна фигура или пешка.

Эта позиция взята из рукописи арабского мастера IX века Ал-Адли. Сейчас ход черных, и они могут забрать опасную пешку f7. В современных шахматах эта позиция была бы ничейной, ладья и конь здесь не выигрывают против ладьи. Но Ал-Адли приводит такое решение:

1...Af1:f7. 2. Ad2 — d8 + Kpb8 — c7 3. Kc5 — e6 + Kpc7 — b7 4. Ld8 — f8, затем белые играют 5. Lf8 — f7 и выигрывают после размена ладьями и шаха конем на d8.

Не забывайте, игра идет по правилам шатрандма. У белых остался король и конь, у черных один король — значит, черные потерпели поражение.

ИГРА СТАНОВИТСЯ БЫСТРЕЕ

Шатрандм существовал много столетий. Его фигуры были тихоходными. Чтобы ускорить темп игры, во второй половине XV века в Италии придумали новые правила: слон стал дальнобойным, а ферзь обрел большую мощь, действуя по вертикалям и горизонталям на всем их протяжении.

В середине XVI века во Франции была придумана рокировка.

Обрати внимание, Саша. Новые правила вырабатывались постепенно. Нужны ли сегодня изменения, которые ты предлагаешь? Наверняка не нужны. Незачем усложнять игру.

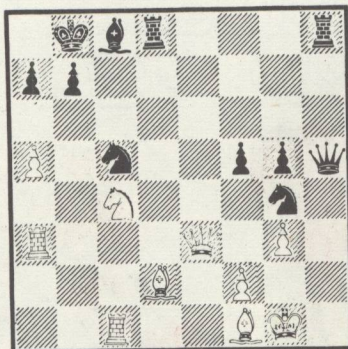
К тому же твое изобретение, Саша, не ново. Было время, когда в шахматы играли и на столечной доске, были и другие фигуры. Но все это не выдержало испытания временем.

200 ЛЕТ НАЗАД

Первые рукописи о шахматах в Европе относятся к XV веку. Особую известность в середине XVIII века приобре-

ла книга мастера из Сирии Филиппа Стаммы. Она называлась очень мудро: «Опыт шахматной игры, содержащий правила и обучающий хорошо играть и добиваться выгоды посредством тонких ходов, которые можно назвать секретами этой игры».

В своей книге Стамма привел сто позиций, в которых победа достигается неожиданными и очень красивыми комбинациями. Наверно, они встречались в партиях мастеров того времени. Прошло более двухсот лет, а они и сейчас производят большое впечатление. Вы можете в этом убедиться.

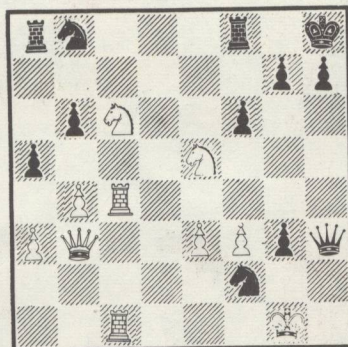

На доске драматическая ситуация. Белым угрожает мат на h1, у них под ударом ферзь. Но Стамма придумал остроумный выход из западни. Белые выигрывают очень красивой комбинацией.

1. Фе3 — f4 +! g5: f4 2. Cd2: f4 + Kpb8 — a8. 3. Kc4 — b6 +! a7: b6 4. a5 b6+Kc5 — a6 5. Lc1: c8 +! Ld8: c8 6. La1: a6 + b7: a6 7. Cf1 — g2 +, и мат следующим ходом.

Блестяще, не правда ли?

А теперь попробуйте сами разобраться в комбинации, придуманной Филиппом Стаммой.

И здесь положение белого короля трагично. Как парировать угрозу рокового мата на h1? Но белые могут не только избежать беды. Начиная игру, они добиваются победы!

Пусть решение этого задания будет для вас тренировкой к новому конкурсу Пешкина, который начнется в сентябре, когда вы вернетесь в школу.

Как обычно, в заочном соревновании Пешкина вы сможете получить или повысить свой спортивный разряд.

До скорой встречи, друзья.

1. В шахматах я дедушку и бабушку кладу на все четыре лопатки.

2. А выйду во двор, там Филька-верзила, и что ни шаг — мне шах...

3. Но жить-то надо! Я брату написал, он в армии. Жду с нетерпением.

4. Дождался. Да, на мою беду, они явились одновременно: и ответ и Филька.

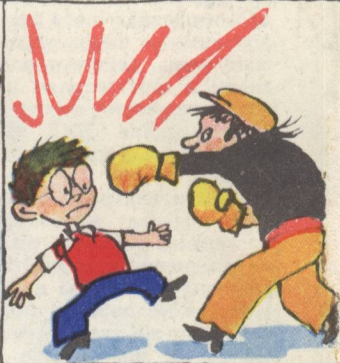
5. Этот обрывок — настоящая Филькина грамота, но мне не до шуток!

6. Фикус? Финик? Что еще на «ФИ»? Между прочим, Филька! Кошмар...

7. Нашел! Филантропия. Это доброта и порой даже до... глупости.

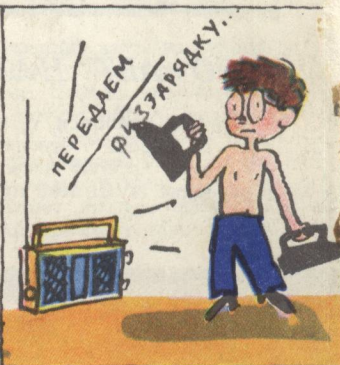
8. Этим путем «добра» я передвигался преимущественно толчками...

9. Так вошли в мою жизнь: сладкая мечта и... горькая действительность.

10. Искать я все-таки не перестал. Филе? Может быть, есть побольше?

11. И нечаянно однажды я вдруг услышал по радио... Ура!

12. Теперь я — Фигура!

13. Знайте все: это замечательная культура, которая на «ФИ»!

14. — Филька, — сказал я ему однажды, — Финиш!